

VRG_FOLDER_0213

Folder: "Brashinsky through 1969

- ✓ 1) Brashinsky: "New materials toward the study of economic relations of Olbia in the VIth ^{IV} C. B.C. Archeologia XIX, 1968, pp. 45-60 Translation P. Broneer XI.71. of a Resumé in french on. p.59
- ✓ 2) " and A.I. Demchenko "Investigations of the Elizavietor cemetery in 1966" Brief Communications about the reports and field investigations of the Institute of Archaeology, no. 116, The North Black Sea Region in Ancient Times, pp. 111-117 Moscow 1969, Translation by R. Burgi XI.76
- ✓ 3) " "New Data about Trade between Olbia and Samos" Brief Communications of the Inst. of Archaeology, vol. 107, 1967, pp. 22-26 Translation by Burgi XI.76
- ✓ 4) " Les Recherches nouvelles à l'étranger sur l'épigraphie céramique" Soviet Archeologia vol. 2, 1966, pp. 332-340, Translated by Marie-Louise Bernhard XI.67
- ✓ 5) " Sur les timbres amphoriques de Pella" Soviet Archeologia, 1966, 4, pp. 229-30 Translated by Marie-Louise Bernhard 15.XI.67

ach. 2.11.72
rec'd Kurlin - day
on 20.11.72
2.11.72

И. Б. БРАШИНСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОРГОВЛЕ ОЛЬВИИ С САМОСОМ

New data on trade relations of Olbia and Samos

Раскопки Ольвии последних лет значительно расширили представление об экономических связях этого города с разными средиземноморскими центрами. Новые материалы дали возможность не только выявить ряд неизвестных до сих пор центров, из которых в Ольвию поступали различные товары, но и дополнить, а порою и изменить существующее представление об экономическом развитии Ольвии и отчасти Северо-Западного Причерноморья вообще.

Эти материалы позволили, например, установить значительное развитие торговых связей Ольвии с Коринфом в VI и V вв. до н. э.¹, с Эгиной². Определение амфорных клейм Менды, найденных в Ольвии, позволило существенно расширить представление об импорте вина из этого города в Ольвию в V и IV вв. до н. э.³

Приведенные данные показывают, что одним из важнейших источников для выяснения новых центров, имевших экономические связи с Северным Причерноморьем, равно как и в деле уточнения времени торговли, известных ранее городов, в настоящее время является керамика, в первую очередь остродонные амфоры и имеющиеся на них клейма. В последние годы достигнуты большие успехи в выделении и локализации ряда групп керамических клейм из общей массы клейм неизвестного места производства (*loci incerti*). При этом исследователи часто пользуются так называемым нумизматическим методом изучения. Этот метод, заключающийся в сопоставлении изображений на клеймах («эмблем») с монетными типами, позволяет не только их локализовать, но и датировать, иногда довольно точно.

Большой интерес для изучения экономических связей Ольвии имеют коллекции находок из раскопок последних лет в районе северо-западной части ольвийского теменоса (раскоп Е₉).

В 1962 г. здесь в одной из хозяйственных ям (№ 13), которыми изобилует данный район, найдена целая остродонная амфора (рис. 2). Она имеет яйцевидное тулово и невысокое прямое горло. Высота ее 69 см, диаметр тулова 32,8 см. Венчик в виде широкого уплощенного валика слегка расширяется кверху; со стороны ручек горло несколько сдавлено (диаметр горла по венчику 12,8—15 см). На горле амфоры, примерно посередине, имеется небольшой острый кольцевой выступ, очень характерный для всей группы амфор, к которой принадлежит описываемая. Ручки овальные. Ту-

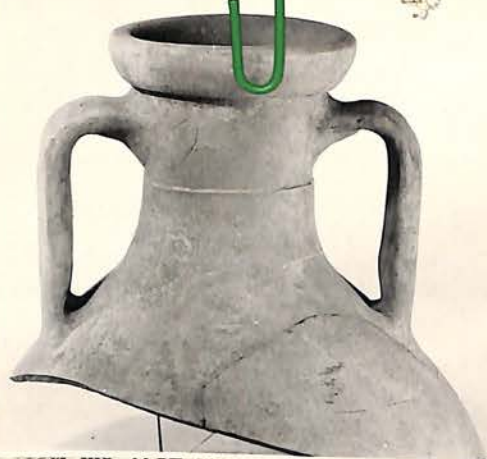
¹ И. Б. Брашинский. Новые терракотовые архитектурные украшения из Ольвии. Сб. «Античная культура». М., 1966, стр. 45 и сл.

² И. Б. Брашинский. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 20 и сл.

³ И. Б. Брашинский. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. НЭ, III, 1962, стр. 45 и сл.

Рис. 2. Амфора первой половины V в. до н. э. из Ольвии

участке, но в другой хозяйственной яме (№ 11)⁴ найдена верхняя часть амфоры, вполне аналогичной описанной, вплоть до деталей (рис. 3). На одной из ее ручек оттиснуто небольшое круглое анэпиграфное клеймо, на котором изображена остродонная амфора (рис. 4, 1, 2). Это изображение воспроизводит тип самой

0 1 2 см

Рис. 3. Верхняя часть амфоры из Ольвии

амфоры, на которой оно помещено. Попытка определения места происхождения этого клейма возможна лишь с помощью нумизматического метода. Наиболее близкие параллели, как оказалось, дают самосские монеты⁵. Известна серия серебряных и медных оболов Самоса, на оборотной стороне которых изображена остродонная амфора⁶. Форма амфоры на монетах (рис. 4, 3, 4) совпадает с формой амфоры на клейме (рис. 4, 1) (там она, правда, передана более грубо, что обусловлено прежде всего различием материала штемпеля и монеты) и в еще большей степени с формой целой амфоры из Ольвии. Отсюда напрашивается предположение о самосском происхождении как нашего клейма, так и неклеяной амфоры.

Монеты с изображением амфоры относятся ко II—III периодам монетных выпусков Самоса, которые датируются П. Гарднером соответственно 494—439 и 439—394 гг. до н. э.⁷ В этих пределах можно датировать

⁴ Материал из этой ямы не выходит за пределы первой половины V в. до н. э.

⁵ L. Anson. *Numismatica Graeca*, I. Part I. Industry. London, 1911, Pl. III—IV.

⁶ P. Gardner. *Samos and Samian Coins*, NChr., 3 ser., vol. II, 1882, стр. 250 и сл., № 25—27 и табл. IX, 19—21.

⁷ P. Gardner. *Samos and Samian Coins*, стр. 250 и сл.

② Height — 69 cm
diam. — 32.8 cm.

2.02b

Publ.: Кра́ткие сообще́ния ИА АН СССР
109, 1967, p. 23, fig 2
Archaeologia XIX p. 55, fig 12

лово заканчивается короткой ножкой с глубоким вдавлением (4 см). Черепок сосуда темно-розовый, местами переходящий в бурый; глина хорошо отмучена и промешана. Примеси в виде мелких золотистых блесков слюды и крупинок извести очень немногочисленны. Поверхность амфоры имеет светлое покрытие. Сосуд очень хорошо сформирован и обожжен.

Весь материал из ямы-хранилища, где найдена была амфора, относится к концу VI — первой половине V в. до н. э., что позволяет датировать ее довольно определенно первой половиной V в. до н. э.

В том же 1962 г. и на том же участке, но в другой хозяйственной яме (№ 11)⁴ найдена верхняя часть амфоры, вполне аналогичной описанной, вплоть до деталей (рис. 3). На одной из ее ручек оттиснуто небольшое круглое анэпиграфное клеймо, на котором изображена остродонная амфора (рис. 4, 1, 2). Это изображение воспроизводит тип самой

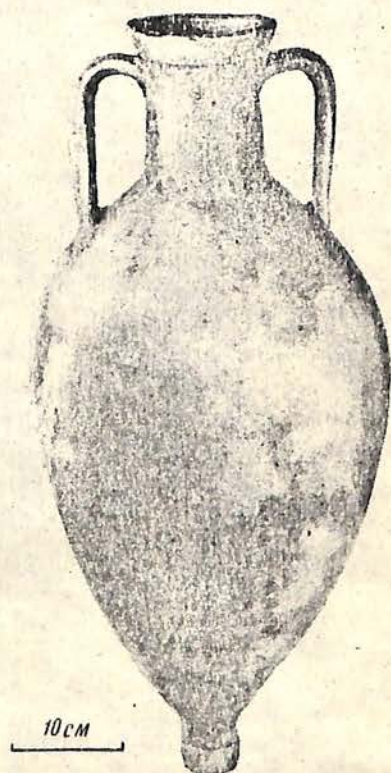

Рис. 2. Амфора первой половины V в. до н. э. из Ольвии

Рис. 3. Верхняя часть амфоры из Ольвии

амфоры, на которой оно помещено. Попытка определения места происхождения этого клейма возможна лишь с помощью нумизматического метода. Наиболее близкие параллели, как оказалось, дают самосские монеты⁵. Известна серия серебряных и медных оболов Самоса, на оборотной стороне которых изображена остродонная амфора⁶. Форма амфоры на монетах (рис. 4, 3, 4) совпадает с формой амфоры на клейме (рис. 4, 1) (там она, правда, передана более грубо, что обусловлено прежде всего различием материала штампея и монеты) и в еще большей степени с формой целой амфоры из Ольвии. Отсюда напрашивается предположение о самосском происхождении как нашего клейма, так и неклеяемой амфоры.

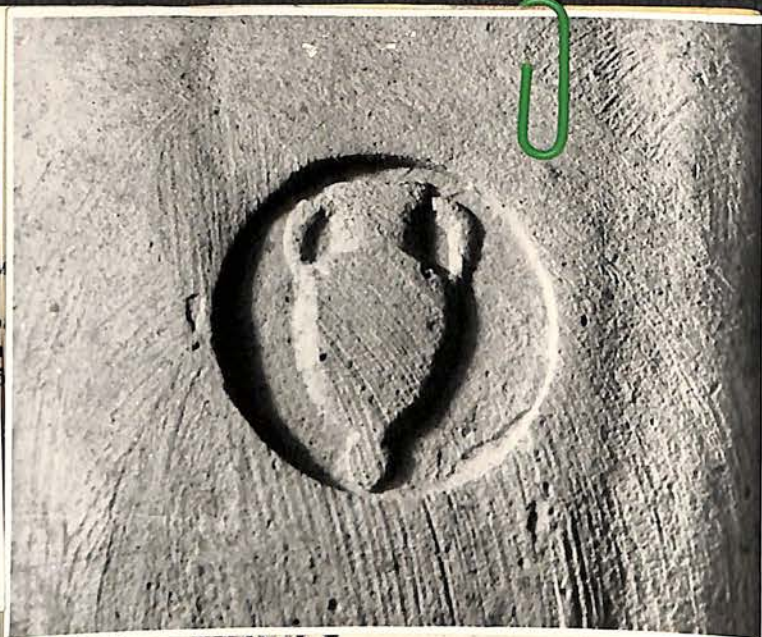
Монеты с изображением амфоры относятся ко II—III периодам монетных выпусков Самоса, которые датируются П. Гарднером соответственно 494—439 и 439—394 гг. до н. э.⁷ В этих пределах можно датировать

⁴ Материал из этой ямы не выходит за пределы первой половины V в. до н. э.

⁵ L. Anson. *Numismatica Graeca*, I. Part I. *Industry*. London, 1911, Pl. III—IV.

⁶ P. Gardner. *Samos and Samian Coins*, NChr., 3 ser., vol. II, 1882, стр. 250 и сл., № 25—27 и табл. IX, 19—21.

⁷ P. Gardner. *Samos and Samian Coins*, стр. 250 и сл.

EVG
FE 15.7
Calli (S 62)
460-459 BC

Рис. 4.

1 — клеймо на ручке амфоры; 2 — то же клеймо, увеличенное в 4 раза; 3 — оборотная сторона самосской монеты с изображением амфоры; 4 — та же монета, увеличенная в 5 раз.

Известно, что Самос в первой половине V в. являлся одним из наиболее могущественных и экономически развитых греческих государств. После организации первого Афинского Морского союза и вхождения в него Самоса, остров находился в привилегированном по сравнению с прочими союзниками положении⁸. Это выражалось прежде всего в том, что самосцы не были обязаны вносить денежные взносы в союзную казну. Уже высказывалось предположение, что политические привилегии Самоса (как и Хиоса и Лесбоса) сопровождались, возможно, и привилегированным экономическим положением, в частности в сношениях с Причерноморьем⁹. Так продолжалось до 439 г. до н. э., когда после подавления афинянами неудачного Самосского восстания Самос не только потерял свое особое положение в союзе, но подвергся также жестоким наказаниям, нанесшим острову серьезный экономический ущерб. Впрочем, вероятно, ущемление экономических интересов Самоса со стороны афинян началось несколько ранее, и именно это было одной из причин восстания. Характерно замечание Фукидида (I, 117, 1), подчеркивающего, что после первоначальной победы самосцев над афинским флотом они «были господами моря, ввозили и вывозили все, что хотели»¹⁰.

⁸ Aristotel. Ath. Pōs., 24.

⁹ И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, стр. 92, 96 и сл.

¹⁰ Ср. Plutarch. Per., 26; Самосцы в это время «завезли к себе столько необходимого для ведения войны, сколько у них не было и до войны». В число этих необходимых товаров, безусловно, если не в первую очередь, входил хлеб, который мог происходить и из Северного Причерноморья.

2.05 b

R. carac. Spannumens

80

(14)

div

Scale 1:1

2.066

Enlarged 3x

и найденные нами амфоры. Однако нам кажется, что имеется возможность несколько сузить эти хронологические рамки. Во-первых, как сказано, условия находки не позволяют отнести рассматриваемые амфоры ко времени не позднее первой половины V в. Во-вторых, ограничение их даты первой половиной V в. до н. э. может быть обосновано и соображениями, связанными с историей Самоса.

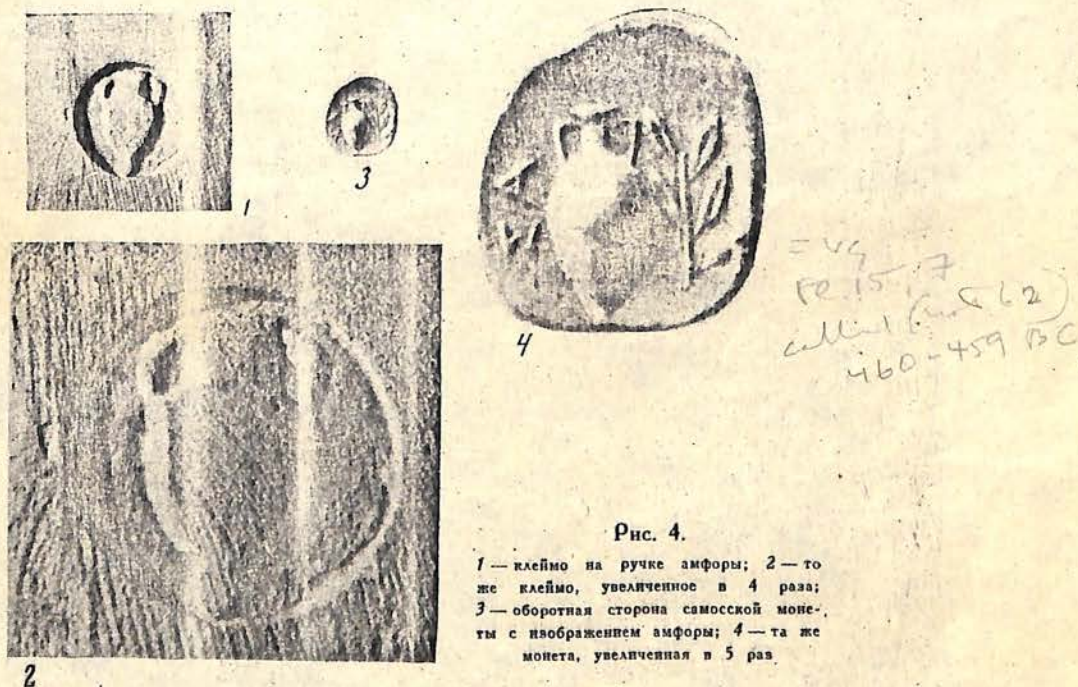

Рис. 4.

1 — клеймо на ручке амфоры; 2 — то же клеймо, увеличенное в 4 раза; 3 — оборотная сторона самосской монеты с изображением амфоры; 4 — та же монета, увеличенная в 5 раз.

Известно, что Самос в первой половине V в. являлся одним из наиболее могущественных и экономически развитых греческих государств. После организации первого Афинского Морского союза и вхождения в него Самоса, остров находился в привилегированном по сравнению с прочими союзниками положении⁸. Это выражалось прежде всего в том, что самосцы не были обязаны вносить денежные взносы в союзную казну. Уже высказывалось предположение, что политические привилегии Самоса (как и Хиоса и Лесбоса) сопровождалась, возможно, и привилегированным экономическим положением, в частности в сношениях с Причерноморьем⁹. Так продолжалось до 439 г. до н. э., когда после подавления афинянами неудачного Самосского восстания Самос не только потерял свое особое положение в союзе, но подвергся также жестоким наказаниям, нанесшим острову серьезный экономический ущерб. Впрочем, вероятно, ущемление экономических интересов Самоса со стороны афинян началось несколько ранее, и именно это было одной из причин восстания. Характерно замечание Фукидида (I, 117, 1), подчеркивающего, что после первоначальной победы самосцев над афинским флотом они «были господами моря, ввозили и вывозили все, что хотели»¹⁰.

⁸ Aristotel. Ath. Pōs., 24.

⁹ И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, стр. 92, 96 и сл.

¹⁰ Ср. Plutarch. Per., 26; Самосцы в это время «завезли к себе столько необходимого для ведения войны, сколько у них не было и до войны». В число этих необходимых товаров, безусловно, если не в первую очередь, входил хлеб, который мог происходить и из Северного Причерноморья.

Приведенные данные заставляют прийти к выводу, что экономические связи Самоса с Северным Причерноморьем в V в. ограничивались первыми шестью его десятилетиями; в более позднее время они маловероятны, а скорее даже исключены.

Находки обломков, принадлежащих амфорам описанного типа, в Ольвии весьма многочисленны. Надо полагать, что они имеются и в материалах других античных городов не только Северо-Западного Причерноморья, но и Боспора. Если верно их определение как самосских, то окажется, что приток самосских товаров в керамической таре в Ольвию в первой половине V в. был значительным и экономические связи Ольвии с Самосом, которые были весьма интенсивными в VI в. до н. э., продолжали активно развиваться и в первой половине следующего столетия.

Экспорт из Самоса в Ольвию в это время не ограничивался товарами, перевозившимися в амфорах. Продолжали поступать и керамические изделия. В той же яме (№ 11), в которой была найдена амфора с клеймом, оказалась и фрагментированная толстостенная гидрия из характерной самосской глины, украшенная темными поясками. По типу она восходит к самосским гидриям, найденным при раскопках Герайона на Самосе, относящимся, правда, к значительно более раннему времени (IX—VIII вв. до н. э.)¹¹. В V в. до н. э. продолжался и импорт тонкостенной самосской расписной керамики.

Тесные экономические взаимоотношения Самоса с Северным Причерноморьем хорошо засвидетельствованы археологическим материалом и для VI в. до н. э.¹² Особенно обильны находки самосских изделий в ранних культурных напластованиях Нимфея, где они необычно многочисленны по сравнению с аналогичными находками из других городов¹³. Это обилие самосской продукции в Нимфее, так же как и элементы земледельческого культа, даже послужили основанием для предположения о том, что город был основан выходцами с Самоса¹⁴ или они во всяком случае принимали активное участие в основании Нимфея ионийскими колонистами¹⁵. Ряд ученых усматривает также влияние самосской чеканки на ранний пантикапейский монетный тип (морда льва)¹⁶.

Все изделия относились, однако, лишь к VI в. до н. э. Материалов для суждения о связях Самоса с Северным Причерноморьем более позднего времени не было. Находки из раскопок Ольвии последних лет позволяют высказаться (пока еще в осторожной форме) в пользу продолжения этих связей и в первой половине V в. до н. э. Вероятно, в это время Самос все еще играет значительную роль в экономических сношениях Северо-Западного Причерноморья, в частности Ольвии.

Новые материалы из Ольвии дают возможность конкретнее представить картину экономических связей Северо-Западного Причерноморья в конце VI — первой половине V в. до н. э. вообще. До последнего времени в науке господствовал взгляд, согласно которому, начиная с греко-персидских войн, сношения Афин с Северным Причерноморьем полностью вытеснили связи этой области со всеми прочими греческими центрами. Этой

¹¹ K. Vierneisel und H. Walter. Heraion von Samos. Die Funde der Kampagnen 1958 und 1959. AM, 74, 1959, 13, 2—3.

¹² Н. А. Сидорова. Архангелская керамика из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 102 и сл., 125 и сл. Здесь приведена литература по различным центрам Северного Причерноморья.

¹³ М. М. Худяк. Из истории Нимфея. Л., 1962, стр. 47 и сл., 39 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 175.

¹⁴ М. М. Худяк. Указ. соч., стр. 17.

¹⁵ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 175.

¹⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 164; Ch. P. Sellin и A. N. Pates, III, 20, a, b. Ср., однако, возражения Д. Б. Шелова («Монетное дело Боспора». М., 1956, стр. 17).

точки зрения придерживался и автор настоящей статьи¹⁷. Однако такой взгляд слишком упрощает экономические связи Северного Причерноморья этого времени. Хотя Афины в первой половине V в. действительно занимали доминирующее положение на северопонтийских рынках, это все же не привело к полному прекращению экономических сношений Северного Причерноморья с остальными греческими центрами; они продолжали играть заметную и активную роль в экономической жизни северного Понта. Северо-Западное Причерноморье, как, очевидно, и весь северный Понт, сохраняло в первой половине V в. до н. э. широкие торговые связи с различными средиземноморскими центрами. Резкие изменения в направлении экономических связей городов северного Понта наблюдаются после установления действенного контроля афинян на Черноморских проливах в начале Пелопоннесской войны. На смену средиземноморским партнерам в торговле приходят южнопонтийские города, в особенности Гераклея Понтийская и Синопа. Пелопоннесская война и установление строгого контроля афинян на проливах дали, очевидно, решающий толчок развитию внутривосточных экономических связей, но это тема специального исследования.

¹⁷ И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.

1. Burgi transl.
to VG typing

The original of the translation

to file under SAMIRAD -
ADDENDUM -
SUPPL. ART.

22.XII.76

2.10

I. B. Brashinsky, "New data about trade between Olbia and Samos," Brief Communications of the Inst. of Archeology, 109, 1967, pp. 22-26.

2.22 The Olbia excavations of recent years have significantly increased what we know about the economic relations of that city with various Medit. centers. New materials have given us the possibility of not only establishing a series of heretofore unknown centers from which various types of goods came to Olbia but also of supplementing and even on occasion altering our existing concepts of the ec. devel. of Olbia and in part of the ^{NW?} SW Bl. Sea region as a whole.

These mat.s have enabled us for ex. to establish the very signif. devel. of Olbia's trade relations with Corinth in the 6th and 5th cent.s B.C., with Aigina. The classifying of the amphora stamps of Mende which were found in Olbia enabled us to widen substantially our picture of the importation of wine from that city to Ol. in the 5th and 4th cent.s B.C.

The data which we have just presented indicates that one of the most important sources for establishing new centers which had trade relations with the north Bl. Sea region as well as in the matter of clarifying the chronology of trade relations of cities which had been known earlier is at the present time pottery and, most imp. of all, pointed amphoras and the stamps that are found on them. In recent years great success has been achieved in classifying and localizing a number of groups of pottery stamps from the vast number of stamps of an unknown place of production (loci incerti). At the same time, scholars often use the so-called numismatic method of studying. This method which consists of a comparison of the images on the stamps ("emblems") with coin types enables one not only to localize but also to date and sts. quite accurately.

The collections of finds on the excavations of recent years in the area of the NW sector of the Olbia temenos (excavation E₉) are of great interest for the study of the trade relations of Olbia.

In 1962 in one of the household pits there, in which the given region abounds, was found a complete pointed amphora (fig.2). It has an egg-shaped body and a low

(p.22) straight neck. It is .69 high, the diam. is .328. The rim is in the shape of a broad flattened crest which broadens slightly toward the top; on the side of the handles the neck is somewhat indented (the diam. of the rim is from .128 to .15). On the neck of the amph. about in the middle there is a "small sharp ring-shaped excrescence" [i.e. the offset] which is characteristic for the entire group of amphoras to which the one we are describing belongs. The handles are oval. The body ends in a short foot with a deep indentation (.04). The material of the vessel is dark rose colored, in places going over into reddish brown; the clay is well-kneaded and mixed. ~~An~~ Admixtures of slight fine gold particles of mica and of particles of lime are few. The surface of the amph. has a light cover. The vessel is very well shaped and fired.

All of the material from the storage-pit where the amph. was found dates in the end of the 6th and the 1/2 of the 5th century B.C. which permits us to date this amph. rather definitively in the 1/2 of the 5th cent. B.C.

In the same year, 1962, and in the same sector but in ~~the~~ another household pit (No. 11) ⁴ [Material from this pit as well does not go ~~any~~ beyond the limits of the 1/2 of the 5th century B.C.] there was found the upper part of an amphora which was completely analogous to the one we have described in all details (fig.3). On one of its handles is impressed a small circular andpigraphic stamp in which is depicted a pointed amphora (fig.4, 1 and 2). This representation reproduces the ^{very} type of the amphora on which it is placed. An attempt to determine the place of origin of this stamp is possible only with the help of the numism. method. The closest parallels, as it turned out, are provided by Samos coins. ⁵ The series of silver and copper obols of Samos are well-known. On their reverse side a pointed amphora is depicted. ⁶ The shape of the amphora on the coins (fig.4, 3 and 4) coincides with the shape of the amphora on the stamp (fig.4, 1) (there indeed it is presented in a rougher way, which is of course a result of the material of the stamp and of the coin) and in a still greater degree with the shape of the complete amphora from Olbia. Hence one is led to assume the Samian origin of our stamp as well as the unstamped amphora.

(p.23) Coins with a representation of an amphora occur in the 2nd and 3rd periods of Samian coinage which are dated by P. Gardner respectively as 494-439 and 439-394 B.C. ⁷

p.24 Within these limits it is possible to date the amphoras which we have discovered. However it seems to us that the possibility of narrowing these chronological limits exists. In the first place, as has been stated, the conditions of the find do not permit us to refer the amphoras under discussion to a period ~~not~~ later than the first half of the 5th century. In the second place, limiting their date to the 1/2 of the 5th century B.C. can be based on other considerations as well, having to do with the history of Samos.

It is well known that Samos in the 1/2 of the 5th century was one of the most powerful and economically developed of the Greek states. After the organization of the first Athenian league and Samos's joining it, the island found itself in a privileged position in comparison with the other allies. ⁸ This is indicated above all by the fact that the Samians were not obliged to contribute monetary contributions to the league treasury. The assumption has already been expressed that the political privileges of Samos (as well as those of Chios and Lesbos) were accompanied possibly as well by a privileged economic position, particularly in dealings with the Black Sea region. ⁹ And thus it continued until 439 B.C. when after the suppression of the unsuccessful Samian revolt by the Athenians Samos not only lost her very special position in the league but was subjected to cruel reprisals as well which inflicted a very serious economic decline on the island. Incidentally it is probable that the hampering of the ec. interests of Samos by the Athenians had begun somewhat earlier, and this was precisely one of the causes of the revolt. Quite characteristic is the remark of Thucydides (1,117, 1) who emphasizes the fact that after the initial victory of the Samians over the Athenian fleet they "were the masters of the sea and they imported and exported whatever they wished". ¹⁰

.25 The data which we have presented compel one to come to the conclusion that the economic relations of Samos with the N Bl. Sea region in the 5th century were limited to its first 6 decades; in the later period they are highly improbable and their possibility can even be excluded.

(p.24)

The discoveries in Olbia of fragments belonging to amphoras of the type we have numerous. described are very infrequent. One shd assume that they~~re~~ are to be found also in materials from other ancient cities, not only from the NW Bl. Sea region, but also from the Bosphoros. If attributing them to Samos is correct, then it turns out that the flow of Samos goods in pottery containers to Olbia in the 1/2 of the 5th century was ~~signifikan~~ considerable and the ec. relations of Olbia with Samos which were extremely intensive in the 6th cent. B.C. continued to develop actively in the 1/2 of the following century as well.

Exports from Samos to Olbia at this time were not restricted to goods transported in amphoras. Pottery wares continued to be delivered as well. In the same pit (No.11) in wh. the amphora with the st. was found, there also turned up a fragmented thick-necked hydria made of characteristic Samian clay decorated with dark bands. In type it relates to the Samian hydrias which were found during the excavations of the Heraion on Samos which date it is true to a much earlier period (the 9th to the 8th centuries B.C.).¹¹ In the 5th cent. B.C. the importing of thin-necked Samian decorated pottery continued as well.

The close economic interrelations of Samos with the north Bl. Sea region is well attested by archeological materials for the 6th cent. B.C. as well.¹² [N.A. Sidorova, 1962 "Archaic pottery from Pantikapaion," pp. 102 ff. and on pp.125 ff. she lists the literature dealing with the various centers of the N Bl. Sea region.] Especially abundant are the finds of Samian wares in the early cultural levels of the Nymphaion which were unusually numerous in comparison with finds from other cities.¹³ This abundance of Samian products in the Nymphaion as well as elements of an agricultural nature also provide one with a basis to conclude that the city was founded by settlers from¹⁴ Samos or they in any event took an active part in the founding of Nymphaion by Ionian colonists.¹⁵ A number of scholars also find the influence of Samian coinage¹⁶ on early ~~mon~~ coin types of Pantikapaion (lion's muzzle)

All these wares however date only in the 6th cent. B.C. Materials for judging the relations of Samos with the N Bl. Sea region at a later period were not to be

(p.25) found. The finds from the excavations at Olbia from the last 2 years permit one to conclude (still however in a very provisional way) that these relations continued in the 1/2 of the 5th century B.C. as well. It is probable that at this time Samos still continued to play a significant role in the ec. affairs of the NW Bl. Sea region and of Olbia in particular.

New materials from Olbia furnish us with the opportunity of drawing a more concret picture of the ec. relations of the NW Bl. Sea region at the end of the 6th and 1/2 of the 5th cent. B.C. in general. Until recently ~~in~~ an opinion prevailed which held that beginning with the Greco-Persian wars the relations of Athens with the N Bl. Sea region completely eclipsed the relations in this area with all the other Greek centers. This opinion was held by the author of the present article.

p. 26 However this view simplifies far too much the ec. relations of the N Bl. Sea region of that period. Although Athens in the 1/2 of the 5th century really did occupy a dominant position in the N Bl. Sea markets, ^{this} it did not however lead to the complete discontinuance of ec. relations between the N Bl. Sea region and the other Greek centers; they continued to play a noticeable and active role in the ec. life of the N Bl. Sea. The NW Bl. Sea region as well as obviously the whole N Bl. Sea retained in the 1/2 of the 5th cent. BC broad ec. relations with various Medit. centers. Abrupt changes in the ec. relations of the cities of the N Bl. Sea can be observed after the establishment of the actual control of the Athenians over Bl. Sea shipping movements. To take the place of their Medit. partners in trade there appear on the scene cities of the S Bl. Sea region, particularly Herakleia Pontica and Sinope. The Peloponnesian war and the establishing of strict control by the Athenians over shipping movements obviously provided the decisive impulse to the development of intra-Bl. Sea commercial dealings, but this is the subject of a special investigation.

Archeologia XIX, 1968

Wrocław - Warszawa, 1969.

17. XII. 76. N.T. (this article)
cited (p. 56) KSI A 116 8) 1969

Miss V.R. Grace

[3.61]

with my compliments
and greetings

Brashinsky

rec'd in RT. 71
(bif - 10. 71)

ИОСИФ Б. БРАШИНСКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ОЛЬВИИ В VI—IV ВВ. ДО Н.Э.

Раскопки Ольвии последних лет значительно расширили представления об экономических связях этого города с разными средиземноморскими центрами в VI—IV вв. до н.э. Новые материалы дали возможность не только дополнить, а порою и изменить, существующие представления об экономических связях Ольвии, но и выявить ряд неизвестных до сих пор центров, из которых в Ольвию поступали различные товары. Эти материалы указывают, например, на значительно большее развитие торговых связей Ольвии с Коринфом в VI—V и даже в IV вв. до н.э., чем это можно было предполагать до сих пор. Из Коринфа в Ольвию поступали не только расписные сосуды, но также и продукты в керамической таре (амфорах), кровельные черепицы, терракотовые архитектурные украшения, а также различные предметы культового назначения. Можно полагать, что между Ольвией и Коринфом в это время существовали непосредственные торговые связи, которые играли важную роль в экономике Ольвии, особенно в конце VI и V вв. до н.э.

Коринфский импорт составляет наиболее многочисленную группу среди импортной архитектурной терракоты в Ольвии в VI—V вв. до н.э. К этой категории изделий относятся прежде всего кровельные черепицы с расписными симами¹. Коринфские черепицы с симами из Ольвии принадлежат к одному типу. И лицевая поверхность сим, и та часть их нижней поверхности, которая выступала за край крыши — гладкие. На них нанесена ро-

спись в краснофигурной технике. Орнамент, оставленный в цвете глины (ангоба) окружен темным фоном. В росписи сочетаются светлые тона цвета ангоба с черной или темно-бурой краской и пурпуром. Этот примитивный тип симы находит аналогии в обломках сим из Гордиона и Дельфийского теменоса². Сима составляет единое целое с плоской черепицей, по отношению к которой она несколько отогнута назад, что, очевидно, определялось необходимостью придать ей строго вертикальное положение при соответствующем наклоне ската крыши. Таким образом, симы из Ольвии принадлежат к категории так называемых *Traufsimae* или *lateral (horizontal) simae*. Следует отметить, что коринфская сима из Ольвии, сохранившаяся на полную ширину, не имеет водослива. Очевидно, эта деталь не была обязательной на всех черепицах, а имела лишь на некоторых из них, которые чередовались на крыше с черепицами без слива.

Ширина коринфских сим описываемого типа 53 см при высоте 15 см. Лицевая поверхность сплошь покрыта одним поясом росписи, состоящим из сложного меандра, в свободных полях которого расположены прямоугольники с шахматным орнаментом (рис. 1). Прямоугольники с шахматным орнаментом обрамлены узкими красными полосами. Все пространство между меандром, как и „шахматки“, окрашено черной (темно-бурой) краской. Такая техника росписи является наиболее распространенной на коринфских архитектурных

¹ И. Б. Брашинский, *Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии*, [в:] *Культура античного мира*, Москва 1966, стр. 47 сл.

² H. Koch, *Studien zu den Campanischen Dachterrakotten*, *Rheinisches Museum f. Philologie*, XXX 1915, стр. 11 № 3; стр. 109, № 1, рис. 48.

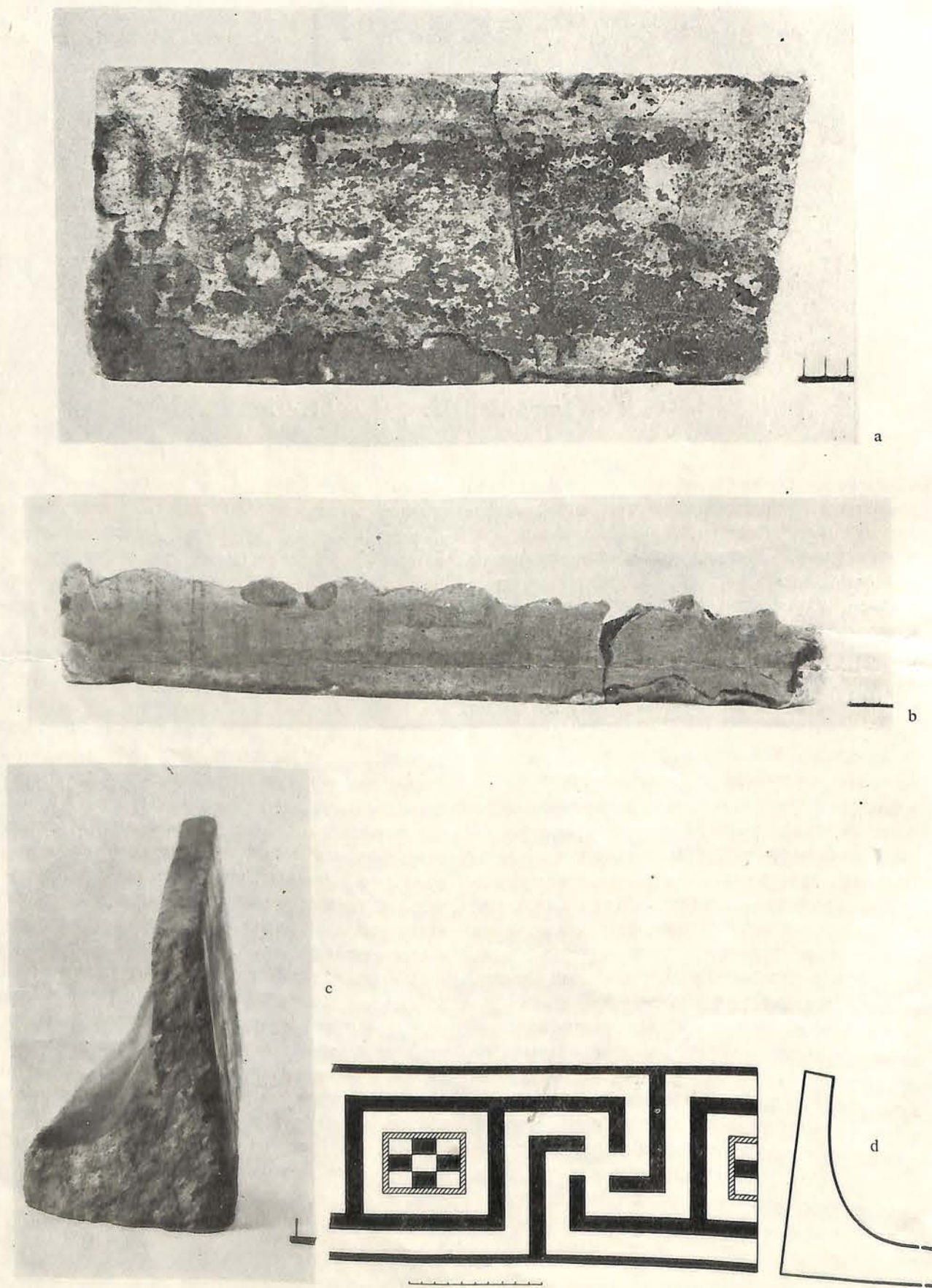

Рис. 1. а — с Фрагменты коринфских сим из Ольвии; — d реконструкция росписи

терракотах начиная с V в. до н.э.³. Орнаментирована и та часть нижней поверхности черепиц, которая нависала над карнизом. На ней непосредственно по краю вдоль всей ширины тянется широкая красная полоса (ширина 3—4 см). На одном угловом обломке сохранились также остатки какого-то орнамента, нанесенного бурой краской, восстановить который не удастся из-за плохой сохранности.

При раскопках Коринфа целых черепиц с симами не было найдено⁴. Находки из Ольвии позволяют полностью реконструировать один из типов подобных черепиц (рис. 2)⁵. Черепицы представляют собой плоские прямоугольные плиты с поднятыми бортиками вдоль длинных сторон и поперечным рельефным валиком вдоль заднего края для сцепления с вышележащей черепицей. Они относятся к так называемому типу „сокровищницы мегарян“, или мегарскому типу по находкам в раскопках сокровищницы мегарян в Олимпии⁶. Спереди плита несколько шире (53 см), чем сзади (49,5 см). Это расширение достигнуто тем, что в передней части черепицы по бокам имеются выступы шириною около 1,5 см. Восстановленная длина черепицы с симой — 78 см. Толщина — от 3,2 см (в середине) до 4,7 см (по краям). Черепица очень тяжелая⁷. В передней части вдоль всей ее ширины тянется полукруглый желоб шириной в 12 см, углубленный по отношению к плоскости черепицы на 3 см, несомненно, служивший для стока воды. Спереди желоб переходит в симу, которая, таким образом, формовалась вместе с черепицей. Расписывалась сима, судя по всему, уже после обжига. От черной и пурпурной красок остались лишь местами слабые следы. До окраски орнамент на симе прочерчивался резцом, от которого остались неглубокие следы.

Реконструированная коринфская черепица с симой из Ольвии представляет новый тип, до сих пор неизвестный. Орнаментальная схема коринфских сим из Ольвии — сложный меандр с шах-

³ I. Thallon-Hill, L. Shaw King, *Decorated Architectural Terracottas*, [in:] *Corinth IV*, I Cambridge Mass. 1929, стр. 22; O. Broneer, *The South Stoa and its Roman Successors*, [в:] *Corinth I*, 4, Princeton 1954, стр. 84 сл. В Сицилии и Великой Греции эта система орнаментации почти не встречается. См. E. Douglas van Buren, *Archaic Fictile Revetments in Sicily and Magna Graecia*, London 1923.

⁴ O. Broneer, ук. соч., стр. 84.

⁵ При раскопках Ольвии в 1960 и 1961 гг. найдены обломки коринфской черепицы с симой, из которых удалось собрать почти целую черепицу (инв. № 0) 60—2779, 0 (61—2031). Сохранились полная ширина и почти полная длина (72 см) до перехода в симу.

⁶ H. Koch, ук. соч., стр. 109 сл. Кох (стр. 111) с полным

матным орнаментом в свободных пространствах — характерна для коринфской архитектурной терракоты. Обычно этот орнамент составляет нижний пояс сложного декора сим⁸, а также основной декор лба (переднего торца) фронтальных плоских черепиц⁹ разного времени. Сам по себе этот орнамент не дает оснований для датировки сим, поскольку он был распространен в течение очень длительного времени. Однако определенный *terminus post quem* для ольвийских фрагментов

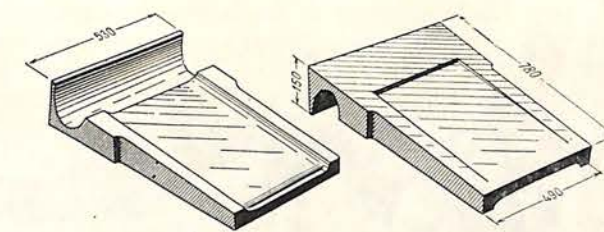

Рис. 2. Коринфская черепица с симой из Ольвии. Аксонометрия

позволяет выяснить техника росписи. Она, как указано выше, краснофигурная — светлый орнамент, оставленный в цвете глины, на темном фоне. Эта техника начала применяться в росписи коринфской архитектурной терракоты с V в. до н.э.¹⁰, но ею пользовались и в более позднее время. Однако в IV в. до н.э. особенно широкое распространение имели рельефные архитектурные терракотные украшения¹¹. Ольвийские же обломки сим, как сказано, гладкие. Таким образом, симы, о которых идет речь, очевидно, можно суммарно датировать V в. до н.э. Некоторые соображения, как представляется, позволяют несколько уточнить эту датировку.

Выше уже отмечалась примитивность, простота коринфских сим из Ольвии, которая отличает их от всех известных типов аналогичного материала, происходящего как из самого Коринфа, так и из

основанием считает, что этот тип происходит из Коринфа.

⁷ O. Бронир (ук. соч., стр. 83, л. 37) отмечает многообразие разновидностей плоских черепиц. Большинство из них имеет размеры около 68 × 59 см, некоторые — соответственно 78 × 70 см. Толщина черепиц 2,5—4 см.

⁸ *Corinth*, IV, I, стр. 24, рис. 23—28; стр. 30, рис. 32; стр. 31, рис. 34; табл. V; *Corinth*, I, 4, стр. 84, IV в. до н.э.

⁹ *Corinth*, IV, I, стр. 37, рис. 41; стр. 38, рис. 44 а; стр. 39, рис. 44 б; *Corinth*, I, 4, стр. 86 и табл. 19, 3; 20, 4.

¹⁰ *Corinth*, IV, I, стр. 22; R. Bormann, *Architektonische Terracotten*, [в:] *Olympia*, II, 2, Berlin, 1896, стр. 189, 196.

¹¹ *Corinth*, IV, I, стр. 11. Исключение составляют водосливы в виде львиных голов, которые изготовлялись и ранее.

других мест. У них простой профиль и упрощенная орнаментация — один пояс. Эти особенности позволяют предполагать, что ольвийские симы относятся к начальному периоду краснофигурного стиля — к началу V, а может быть, даже к концу VI в. до н.э. Такому предположению не противоречат и условия, в которых они были найдены: они обнаружены в слоях и ямках с материалом, относящимся к концу VI — началу V в. до н.э. и не выходящим за пределы первой половины V столетия.

Рис. 3. Коринфская подставка алтаря из Ольвии

Находки коринфской архитектурной терракоты из Ольвии побуждают по-новому подойти к вопросу об экономических связях Коринфа с этим городом, да, вероятно, и вообще как с северо-западным, так и северо-восточным Причерноморьем. До сих пор считалось, что Коринф не имел непосредственных торговых связей с северопонтийскими городами, а немногочисленный коринфский импорт поступал сюда через посредство афинских¹² или милетских¹³ купцов. Такой вывод имел основания, поскольку он строился на отсутствии

сколько-нибудь широкого импорта коринфской тонкостенной расписной керамики. Грубая же керамика (массовый материал коринфского происхождения) до последнего времени не изучалась, в лучшем случае лишь изредка отмечались находки коринфских изделий подобного рода¹⁴. В настоящее время в Северном Причерноморье как на Боспоре, так и в Ольвии, хорошо известны коринфские остродонные амфоры¹⁵, выделена также коринфская группа бытовой керамики (лутерии и т.д.) на Боспоре¹⁶. Подобные же изделия

имеются в довольно значительном числе и среди неопубликованных материалов из раскопок Ольвии последних лет. Теперь выясняется, что из Коринфа в Северное Причерноморье поступали также и стоятельные керамические материалы. Помимо коринфской архитектурной терракоты, в Ольвии, правда в незначительном количестве, найдены также обломки коринфских простых кровельных черепиц. Коринфские черепицы найдены также и в Нимфее¹⁷.

Роль Коринфа как одного из наиболее пере-

довых и экономически развитых производственных центров Греции в VI—V вв. до н.э. достаточно хорошо известна. В связи с рассматриваемыми в настоящей статье вопросами укажем лишь на то, что большой популярностью и широким спросом пользовались, в частности, коринфские черепицы (*keramides Korinthiai*). Упоминания об этих черепицах встречаются и в ряде надписей¹⁸. Они ценились очень высоко и широко экспортировались в различные места Сицилии, южной Италии и материковой Греции, особенно в коринфские колонии¹⁹. Теперь к области распространения этих черепиц прибавляется и Северное Причерноморье, куда их импорт, правда, был сравнительно небольшим по объему.

С известным правом к категории архитектурных терракотовых изделий Коринфа, найденных за последние годы в Ольвии, можно отнести также фрагментированную массивную круглую подставку, нижнюю часть которой удалось восстановить из обломков (рис. 3)²⁰. Нижний диаметр подставки 45 см, сохранившаяся высота 15,5 см. Внизу у нее почти вертикальные стенки, в верхней части — наклонные. Выше располагался полый цилиндр, от стенок которого сохранились лишь незначительные остатки. Поэтому первоначальную высоту предмета, а также и его полный облик, неизвестны. Подставка орнаментирована кольцевыми валиками, окрашенными так же, как и коринфские симы, темно-бурой и красной краской. Обращает на себя внимание также полная идентичность глины и ангоба подставки и коринфских архитектурных терракот.

Полную аналогию ольвийской подставке представляет коринфская же подставка из Тиритаки²¹, которую В. Ф. Гайдукевич определяет как нижнюю часть терракотового алтаря²². Полный облик и назначение рассматриваемого предмета выясняются на основании многочисленного аналогичных находок в самом Коринфе, позволивших

относятся, в частности, почти полная плоская черепица и фрагментированный калиптер с клеймом — оттиском геммы (инв. №. НФ. 56. 119).

¹⁸ *Corinth*, IV, 1, стр. 40 и примечания, где сведены источники.

¹⁹ Там же, стр. 6.

²⁰ Инв. № 0/62—2014. И. Б. Брашинский, *Раскопки в районе темеуса Ольвии в 1960—1962 гг.*, КСИА, 103, 1965, стр. 97; он же, *Материалы к изучению торговых связей Ольвии*, Сов. Арх., 1968 № 2, стр. 269, рис. I, 2.

²¹ См. В. Ф. Гайдукевич, *Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.*, МИА, 25, 1952, стр. 79 сл., рис. 99.

²² Там же, стр. 80 сл.

²³ См. M. Z. Pease, *A Well of the Late Fifth Century at*

дать его бесспорную реконструкцию²³. Не совсем ясно название, данное этим предметам — *Lekane on Stand*, которое вызывает сомнения, поскольку для леканы обязательна крышка, остатков которых не обнаружено. Однако это не меняет существа дела. Можно с уверенностью полагать, что, как бы не именовать эти предметы, они служили культовым целям и выполнению функции своего рода алтарей для возлияний. Ольвийская подставка датируется совместными находками концом VI — первой половиной V в. до н.э., то-есть тем же временем, что и коринфские архитектурные терракоты, найденные там.

Рис. 4. Коринфские глиняные конические подвески из Ольвии

За последнее время в Ольвии выявлена еще одна категория коринфского импорта. Это — конические подвески различных размеров (высотой от 6,2 до 9,5 см) из характерной коринфской глины (рис. 4)²⁴. В Коринфе подобные подвески найдены в большом числе, что позволило классифицировать их хронологически начиная с VIII в. до н.э.²⁵. Нередко они имеют различные клейма: оттиски гемм, монограммы, сокращения слов или имен²⁶. Основная функция этих подвесок, как грузиков на ткацком станке, не вызывает сомнений. Но подобные простейшие керамические изделия обычно не служили предметом торговли между греческими городами — они изготовлялись повсеместно, где в них была необходимость. Однако

Corinth, Hesperia, VI, 1937, стр. 296, рис. 25 (стр. 293). Реконструкция дана на рис. 28. Подобные же фрагменты найдены в Афинах, Олимпии (*Olympia*, IV, стр. 201, № 1301, табл. XIX, № 1301) и Навкратисе (*Naukratis*, I, табл. 4, 1). При публикации рассматриваемого предмета в Сов. арх. эти материалы были мне неизвестны.

²⁴ И. Б. Брашинский, *Материалы к изучению торговых связей Ольвии*, рис. I, 4.

²⁵ Gladys R. Davidson, *The Minor Objects*, [b:] *Corinth*, XII, 1952, стр. 146 сл., табл. 74—76; ср. A. N. Stillwell, *The Potters' Quarter. The Terracottas*, [b:] *Corinth*, XV, 2, 1952, стр. 258 сл.

²⁶ Там же.

¹² Н. А. Сидорова, *Архаическая керамика из Пантикапея*, МИА, 103, 1962, стр. 148.

¹³ Р. В. Шмидт, *Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки*, МИА, 25, 1952, стр. 247; В. М. Скуднова, *Чернофигурные лекиты с архаического некрополя Ольвии*, [в:] *Ольвия, II. Археологические памятники УРСР VII*, 1958, стр. 113.

¹⁴ См. В. Ф. Гайдукевич, *Раскопки Тиритаки 1935—*

1940, МИА, 25, 1952, стр. 47 и рис. 51 (стр. 48), стр. 79, рис. 99.

¹⁵ И. Б. Зеест, *Керамическая тара Боспора*, МИА, 83, 1960, стр. 17, 71, табл. 1, 5.

¹⁶ И. Б. Зеест, И. Д. Марченко, *Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея*, МИА, 103, 1962, стр. 153 сл.

¹⁷ Не опубликованы. Хранятся в Эрмитаже. К ним

коринфские конические глиняные подвески найдены в различных местах за пределами места их производства: в Афинах, Дельфах, Малой Азии²⁷, а теперь и в Ольвии²⁸. В Афинах они даже служили образцом для имитации²⁹. Трудно предположить,

Рис. 5. Коринфская подвеска из Ольвии с клеймом

чтобы эти подвески импортировались в Афины или Ольвию из Коринфа для использования их по прямому назначению — на ткацком станке. Очевидно, здесь они выполняли иные функции.

Как сказано, часть коринфских подвесок снабжена клеймами. Среди них большую группу составляют клейма ΜΕΛΙΣ (ΜΕΛΙ), ΓΛΥΚ и др. Издательница этих клейм считает их сокращениями женских имен Γλυκέρη, Μέλισσα и полагает, что хозяева мастерских, изготавливавших подвески, давали своей продукции названия женских имен, подобно тому, как это теперь имеет место³⁰, например, при названиях различных изделий дамского туалета и т.д., преследуя этим, очевидно, какие-то рекламные цели. Но такое толкование едва ли может быть безоговорочно принято. Примечательно, как представляется, то обстоятельство, что среди рассматриваемых коринфских подвесок, найденных за пределами Коринфа, особенно часты подвески с клеймами ΓΛΥΚ

и ΜΕΛΙΣ³¹. Может быть правильнее было бы толковать легенды этих клейм как сокращения не имен (т.е. производных от основного значения слов), а как сокращения самых слов основного значения — γλυκύς (сладкий) или его производных и μέλι, μέλισσα (мед). В таком случае подвески с соответствующими клеймами (а также и без оных) можно было бы, как кажется, рассматривать скорее в качестве предметов votивного назначения.

О том, что в Коринфе было широко налажено производство подобной продукции, свидетельствуют хотя бы хорошо известные миниатюрные сосуды (скифосы и т.д.), несомненно предназначенные для культовых целей, для votивов, широко представленные и среди причерноморских находок.

На одной из коринфских подвесок из Ольвии (0/64-2536) также сохранилось плохо оттиснутое клеймо ΓΛΥΚ, над которым виден остаток второго клейма — оттиск геммы с изображением подобной же подвески (рис. 5)³². В самом Коринфе подвески с клеймом ΓΛΥΚ известны лишь в единичных экземплярах, между тем, как за его пределами, особенно в Афинах, они найдены в большом числе. Это привело к предположению, что в другие районы они проникали через посредство Афин³³. Так ли это или нет, мне представляется более чем вероятным, что вне Коринфа эти подвески служили votивными предметами. Что касается датировки коринфских конических подвесок из Ольвии, то, согласно их детально разработанной хронологии³⁴, они относятся к IX—XI группам, которые датируются 350—250 гг. до н.э. Эту датировку (вторая половина IV в. до н.э.) подтверждает и весь остальной материал из слоя, в котором они были найдены. Наличие в Ольвии коринфских изделий второй половины IV в. до н.э. представляет большой интерес, поскольку до сих пор экономические связи северо-западного Причерноморья с Коринфом констатировались археологическим материалом лишь для значительно более раннего времени.

Возможно, что с Коринфом связана также уникальная находка бронзовой подставки светильника (*lamp saucer*) из Ольвии (рис. 6)³⁵, датируемая

концом VI — первой половиной V в. до н.э. Совершенно аналогичная подставка происходит из недавних раскопок в Коринфе³⁶. Однако вопрос об импорте в Ольвию бронзовых изделий из Коринфа пока не может быть решен из-за недостатка материала.

В результате находок нового материала экономические связи северо-западного Причерноморья с Коринфом вырисовываются в новом свете. С одной стороны выясняется более значительный, чем до сих пор предполагалось, импорт коринфской расписной керамики с середины VI в. до н.э. а также поступление ее в довольно заметном количестве (особенно на Березань) еще в последней четверти VII — первой четверти VI вв. до н.э.³⁷ С другой стороны, здесь выявлен импорт амфор, черепицы и архитектурной терракоты VI — первой половины V в. до н.э., а также изделий, связанных с отправлением культа. К последней категории могут быть причислены керамические подставки (алтарей, жертвенников?), конические подвески и, несомненно, миниатюрные votивные сосуды.

Судя по тем данным, которыми мы располагаем, массового импорта из Коринфа в Причерноморье никогда не было, но экономические связи с этим высокоразвитым производственным центром, как видно, поддерживались регулярно в течение весьма длительного времени с VII по IV в. до н.э., к тому же коринфский импорт был весьма разнообразным.

Археологические находки последних лет из Ольвии позволили также высказаться в пользу существования экономических связей Ольвии с Эгиной. До последнего времени эгинский импорт в северном Причерноморье был неизвестен, хотя торговые связи Эгины с северопонтийскими городами можно было предполагать на основании известной, по неясной заметки Геродота (VII, 147), где, как известно, рассказывается о встрече персидским царем Ксерксом на Геллеспонте у Абидоса греческих торговых судов, шедших с грузом зерна из Понта в Эрин и на Пелопоннес. Это известие, на которое исследователи часто ссылаются, как на наиболее раннее свидетельство о вывозе черноморского хлеба в Грецию, однако, недостаточно конкретно; археологические же свидетельства, которые подтверждали бы сообщение Геродота,

отсутствовали. Теперь такие данные появились: свидетельство Геродота может быть подкреплено находками в Ольвии амфор, которые с большой вероятностью определяются как эгинские³⁸. Пока еще трудно судить об объеме и интенсивности торговых связей Ольвии с Эгиной, но самый факт их существования едва ли может вызывать сомнения.

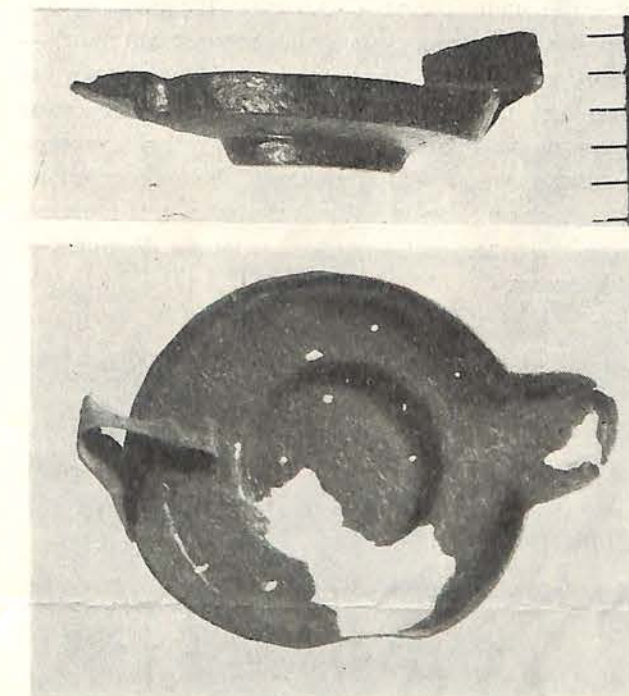

Рис. 6. Бронзовая подставка светильника из Ольвии

Клеймо на ручке одной из амфор, которое представляет монетный тип Эгины — морскую черепаху (рис. 7—8), позволяет наметить и хронологические рамки эгино-ольвийской торговли. Они приходятся, очевидно, на время, предшествующее покорению и опустошению Эгины афинянами в 431 г. и относятся, главным образом, к V в. до н.э. Но не исключено, что эти связи берут начало еще значительно раньше — в первой половине VI в. до н.э.

Наиболее древним фрагментом среди терракотовых архитектурных украшений, найденных в Ольвии, является обломок симы (рис. 9)³⁹, который резко и во всех отношениях отличается от подоб-

²⁷ Corinth, XII, стр. 185.

²⁸ Коринфская коническая подвеска с клеймом происходит также из северо-восточного Причерноморья, где она недавно найдена в Мирмекии.

²⁹ Одна из ольвийских подвесок (0/64—2589) резко отличается от остальных по составу глины, которая очень напоминает аттическую.

³⁰ Corinth, XII, стр. 156.

³¹ Там же, стр. 185 сл.

³² Ср. там же, стр. 159, №№ 1153, 1176.

³³ Там же, стр. 160.

³⁴ Там же, стр. 149, рис. 23.

³⁵ С. П. Борисовская, *Расписная керамика архаического Коринфа, ее художественное и историческое значение*, автореферат канд. дисс., Ленинград 1966, стр. 18.

³⁶ См. И. Б. Брашинский, *Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг.*, КСИА, 103, 1965, стр. 97, рис. 35, 4.

³⁷ H. S. Robinson, *Excavations at Corinth*, 1960, Hesperia, XXXI 1962, стр. 126, табл. 47. Единичные находки аналогичных подставок происходят еще лишь из Афин и Олинфа.

³⁸ См. И. Б. Брашинский, *К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной*, КСИА, 95, 1963, стр. 20 сл.

³⁹ Инв. № 0/61—2575. См. И. Б. Брашинский, *Материалы к изучению торговых связей Ольвии*.

ного рода изделий из Ольвии. Обломок (правый край) симы сохранился на полную высоту (10,5 см). Сверху обломан лишь самый угол, где, вероятно, был венчающий выступ. Снизу, по линии соединения симы с плоскостью черепицы, она обломана. Сима была изготовлена отдельно от черепицы и затем соединена с ней. Так же отдельно, по-видимому, изготавливались угловые выступы. Высота симы вместе с черепицей составляла, вероятно, около 14 см (толщина сима — 3,5 см). В глине, из которой изготовлена сима (у нее кирпичный цвет) — много красновато-бурых включений шамота и частиц кварцевого песка. Вся поверхность симы покрыта светлым ангобом, по которому нанесена роспись темно-красной краской. Декор состоит из трех поясов; он крайне примитивен: простой меандр, прямоугольники, косые линии. Роспись — небрежная.

Рис. 7. Клеймо на ручке эгинской амфоры из Ольвии

Аналогий росписи ольвийской симы пока найти не удалось. Однако по форме она полностью соответствует симам с афинского акрополя⁴⁰, из Элевсина⁴¹ и Эгины⁴², где они надежно датируются первой половиной VI в. до н.э. Эгинская сима, как и ольвийская, расписана красно-бугой краской по желтоватому ангобу⁴³. Судя по описанию⁴⁴, эгинские черепицы и ольвийская сима

сближаются и составом характерных примесей в глине.

Возможно, что ольвийская архаическая сима является эгинским импортом первой половины VI в. до н.э. Известно, что в Эгине в весьма раннее время широкого развития получило производство кровельных черепиц, многие из которых клей-

Рис. 8. Верхняя часть эгинской (?) амфоры из Ольвии

мились⁴⁵. С другой стороны, как показывают приведенные выше материалы, с большой вероятностью устанавливаются экономические связи Ольвии с Эгиной во второй половине VI — первой половине V в. до н.э. Вполне возможно, что связи эти берут начало еще в первой половине VI в. — в то время, к которому относится ольвийская сима.

Эгина, обладающая каменистой почвой, мало-пригодной для культивации зерновых культур, и нуждавшаяся поэтому в постоянном привозе хлеба, была, как известно, до середины V в. до н.э. одним из главных греческих торговых и ремесленных центров. Хотя торговля Эгины была в основном ориентирована на Запад и Египет, эгинеты, по видимому, уже в весьма раннее время завязали торговые сношения и с Причерноморем. Существует предположение, что для обеспечения хлебного экспорта из Понта эгинеты основали там торговую факторию (Αἰγίνα или Αἰγινῆτης)⁴⁶. Основной статьей эгинского экспорта были так называемые мелочные товары (ῥῶποι), синонимом

⁴⁰ Там же, стр. 146 сл.

⁴¹ G. Welter, *Aeginetica XIV. Archaische Ziegelstempel*, AA, 1938, стр. 485 сл.

⁴² См. Hirschfeld, *Aegina*, RE, I, 1, стб. 966 (со ссылкой на C. O. Müller, *Aegineticorum liber*, Berlin, 1817, стр. 83 сл.). Ср. также Chr. Danoff, *Pontos Euxinos*, RE, Suppl. IX, стб. 1037, где это поселение локализуется на пафлагонском берегу, восточнее Абонутейха.

⁴⁰ Th. Wiegand, *Die archaische Porosarchitektur der Akropolis zu Athen*. Cassel — Leipzig 1904, стр. 184, рис. 192, 193; Н. Koch, ук. соч., стр. 76, рис. 33.

⁴¹ Н. Koch, ук. соч., стр. 78.

⁴² A. Furtwängler, *Aegina. Das Heiligtum der Aphaia*, München 1906, стр. 145, рис. 119, табл. 23, 1; Н. Koch, ук. соч., стр. 81, рис. 37.

⁴³ A. Furtwängler, ук. соч., стр. 145.

которых у греков служило название „Эгинский товар” (Αἰγιναία ἔμπολή). Это достаточно емкое понятие включало, очевидно, самые разнообразные изделия ремесла. Экспортировались также некоторые продукты сельского хозяйства, в частности, оливковое масло⁴⁷. Известно, что на острове широкое развитие получило керамическое производство и торговля керамическими изделиями, что послужило основанием появления эпитета Эгины χυτρώπις — „торгующей горшками”. Все приведенные выше данные, в сочетании с упомянутым свидетельством Геродота (VII, 147) о вывозе понтийского хлеба в Эгину, позволяют прийти к выводу об эгино-понтийских экономических связях в VI и первой половине V в. до н.э. (до покорения Эгины афинянами в 456 г. до н.э. и последовавшей вскоре, в 431 г., окончательной расправы с эгинетами). Объем этих связей, очевидно, никогда не был значительным, но определенную роль они все же играли.

Выделение амфорных клейм Менды, найденных в Ольвии, позволило существенно расширить представление об импорте вина из этого города в Ольвию в V в. до н.э.⁴⁸ До последнего времени о существовании ввоза мендского вина в северопонтийские города свидетельствовало лишь сообщение в приписываемой Демосфену речи против Лакрита ([Dem.] XXXV, 10), где речь идет о трех тысячах керамиев мендского вина, которые должны были быть завезены двумя афинскими купцами на Боспор или в Ольвию. Археологические же подтверждения этого сообщения отсутствовали. Клейма на амфорах Менды, впервые выделенные В. Грейс⁴⁹, чрезвычайно редки. В настоящее время, по моим сведениям, известно лишь 7 таких клейм: три из Афин, два из Ольвии, одно из Керчи⁵⁰ и одно из Мирмекии⁵¹. Уже тот факт, что большая часть известных сейчас клейм Менды происходит из Причерноморья, показывает, что экономические связи этого центра были в значительной степени ориентированы на понтийские рынки. Очевидно, не в последнюю очередь это определялось тем, что торговля Менды входила в орбиту экономического влияния Афин и в большой мере зависела от торговых интересов афинян. Тип мендских клейм — Дионис с канфаром в руке,

⁴⁷ Strab., VIII, 16; ср. Aristot., *Memor*, 844, A, 19: ἐλαιὸν καὶ τὸ ἄλλων ναυτικὸν ῥῶπος.

⁴⁸ И. Б. Брашинский, *Из истории торговли северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н.э.*, Нумизматика и эпиграфика, III 1962, стр. 45 сл.

⁴⁹ V. Grace, *Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World*, Hesperia, Suppl., VIII 1949, стр. 186, табл. 10, I.

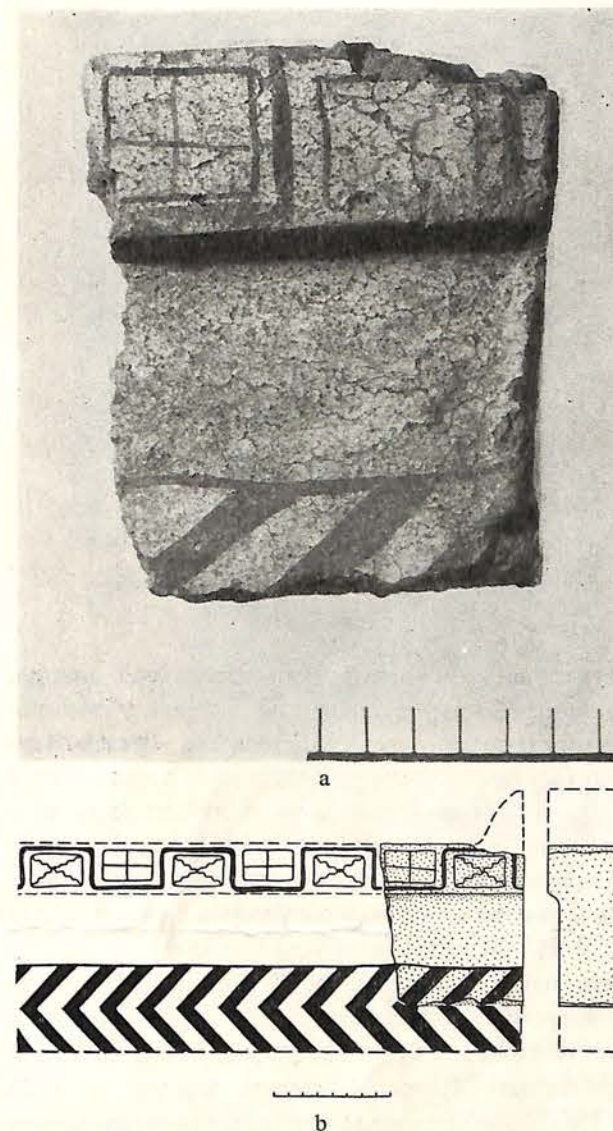

Рис. 9. а — Фрагмент эгинской симы из Ольвии; б — реконструкция ее росписи

возлежавший на осле (рис. 10) — скопирован с серебряных тетрадрахм Менды, которые чеканились приблизительно до 423 г. до н.э., когда Менда, отложившаяся от Афин, была покорена Никием⁵². Эта дата определяет и время бытования клейм Менды — V в. до н.э. Клейма, за одним, возможно, исключением, — анепиграфные.

Немногочисленные клейма Менды, однако, ни в коей мере не отражают действительного объема экспорта вина из этого крупного и пользовавшегося

⁵⁰ См. Нумизматика и эпиграфика, III 1962, стр. 45 сл.

⁵¹ В. И. Пругло, *Синопские амфорные клейма из Мирмекии*, КСИА, 109, 1967, стр. 43.

⁵² Ch. T. Seltman, *Greek Coins*, London 1955, стр. 140. Ср. V. Grace (ук. соч., стр. 178), которая почему-то полагает, что выпуск этих монет продолжался до 358 г. до н.э., т.е. до завоевания Менды Филиппом II Македонским.

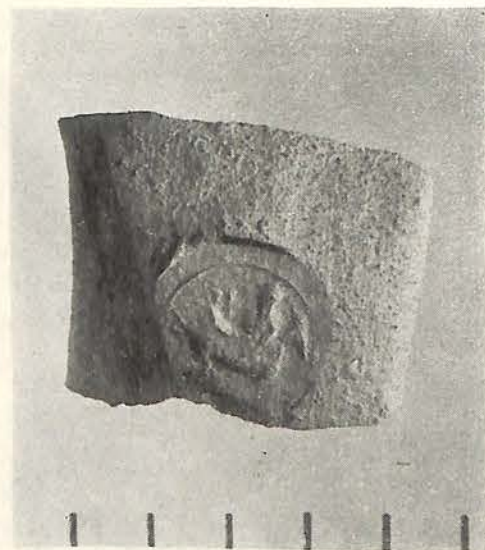

Рис. 10. Мендское клеймо из Ольвии

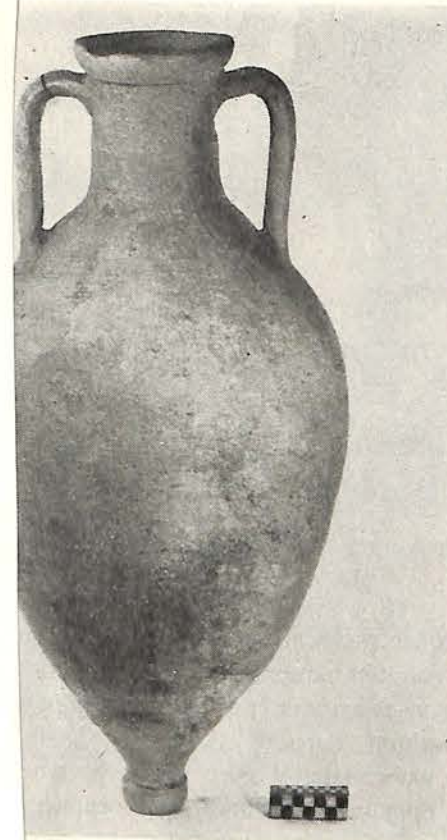
гося широкой славой винодельческого центра. О вине Менды, относившемся к числу высоко-сортных, сохранились свидетельства у ряда античных авторов⁵³. Очевидно, клеймение керамической тары в Менде никогда не получало широкого развития, а было явлением случайным. Но определение клейм Менды позволило В. Грейс выделить также группу неклеяемых амфор этого города, датируемых археологическими комплексами последней четвертью V в. до н.э.⁵⁴ Это дало возможность определить также ряд фрагментов неизвестных амфор из Ольвии, как принадлежащих продукции Менды. А совсем недавно, в 1966 и 1967 гг. обнаружены две целые амфоры в погребениях Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (рис. 11). Эти последние находки представляют особый интерес, поскольку они показывают, что высококачественное вино Менды пользовалось спросом не только в греческих городах Причерноморья, но и в варварской среде в далеких степях северо-восточного Причерноморья и Приазовья. Импорт мендского вина как в северо-западное, так и в северо-восточное Причерноморье был, очевидно, довольно значительным, хотя он и уступал синхронному ввозу из таких мощных центров, как, например, Хиос.

Рассмотренные выше материалы показывают, что одним из важнейших источников для выяснения новых центров, с которыми Причерноморье

было связано торговыми отношениями, равно как и для уточнения хронологии и объема экономических связей известных ранее торговых контрагентов северопонтийских городов, является керамика, в частности, остродонные амфоры и имеющиеся на них клейма. В последние годы достигнуты большие успехи в выделении и локализации целого ряда групп керамических клейм из общей массы клейм неизвестного места происхождения (*loci incerti*). При этом исследователи часто пользуются так называемым нумизматическим методом изучения клейм. Этот метод, заключающийся в сопоставлении изображений на клеймах („эмблем“, „символов“) с монетными типами, позволяет не только локализовать клейма, но иногда довольно точно и датировать их. Нумизматический метод был применен и мною при определении клейм Эгины и попытке выяснения ее роли в экономических связях Ольвии.

Большой интерес для изучения экономических связей Ольвии представляют, как это явствует из рассмотренных материалов, коллекции находок из раскопок Ольвийской агоры и теменоса последних лет и, в частности, в районе северо-западной части ольвийского теменоса (раскоп Е₉). Значительный интерес среди них имеют материалы, дающие возможность расширить наши представления об экономических связях Ольвии с Самосом⁵⁵. В 1962 г. здесь, в одной из хозяйственных ям, которыми изобилует данный район, была найдена целая остродонная амфора (рис. 12), тип которой не был до сих пор отмечен ни в северном Причерноморье, ни где-либо в другом месте. Глина амфоры темно-розового цвета, местами переходящего в бурый; глина хорошо отмучена, промешана и имеет весьма тонкое зерно. Примеси в виде мелких золотистых блесток слюды и крупинки извести (местами встречаются поры от ее выжиги) очень немногочисленны. Поверхность амфоры покрыта светлым ангобом. Сосуд очень хорошо сформован, обожжен и имеет весьма изящный вид. Весь материал из ямы-хранилища, где была найдена амфора, относится к концу VI — первой половине V в. до н.э. Таким образом, сопутствующий материал, как и сама форма амфоры, позволяют датировать ее довольно определенно первой половиной V в. до н.э.

В том же 1962 г. и на том же участке, но в дру-

Самосская (?) амфора из Ольвии

Это изображение воспроизводит тип самой амфоры, на которой оно помещено. Попытка определения места происхождения этого клейма оказалась возможной лишь с помощью нумизматического метода. Наиболее близкие параллели, как выяснилось, дают самосские монеты⁵⁷. Известна серия серебряных и медных оболлов Самоса, на оборотной стороне которых изображена остродонная амфора⁵⁸. Форма амфоры на монетах (рис. 15), близка форме амфоры на клейме (там она, правда, передана более грубо, что обусловлено, очевидно, прежде всего различием материала штемпеля для глины и металла). С формой же

Монеты с изображением амфоры относятся ко II и III периодам монетных выпусков Самоса, которые датируются Гарднером соответственно 494—439 и 439—394 гг. до н.э.⁵⁹ В этих пределах можно датировать и наши амфоры. Однако, по-видимому, имеется возможность некоторого сужения этих хронологических рамок. Во-первых, как сказано, условия находки не позволяют отнести рассматриваемые амфоры ко времени позднее первой половины V в. Во-вторых, ограничение их датировки первой половиной V в. до н.э. может, как мне кажется, быть обосновано и соображениями, связанными с историей Самоса. Из-

⁵⁶ Материал из этой ямы, как и из ямы, в которой была найдена целая амфора, также не выходит за пределы первой половины V в. до н.э.

⁵⁷ См. L. Anson, *Numismatica Graeca*, I, London 1911, Part I — „Industry“, табл. III—IV.

⁵⁸ См. P. Gardner, *Samos and Samian Coins*, The Numismatic Chronicle, II 1882, 3 сер., стр. 250 сл., № 25—27 и табл. IX, 19—20.

⁵⁹ P. Gardner, ук. соч. стр. 250 сл.

⁶⁰ Arist., *Ath. Polit.*, 24.

⁵³ См., например, Athen., I. 23, b; 29, d, e; IV, 120; Pollux, *Onom.*, VI, 15.

⁵⁴ V. Grace, *Amphoras and the Ancient Wine Trade*, Princeton, New Jersey, 1961, рис. 43 — амфора на переднем плане. Несколько иной тип мендской амфоры выделила

И. Б. Зеест (См. И. Б. Зеест, *Керамическая тара Боспора*, МИА, 83, 1960, стр. 81 сл. табл. VI, 17).

⁵⁵ И. Б. Брашинский, *Новые данные о торговле Ольвии с Самосом*, КСИА, 109, 1967, стр. 22 сл.

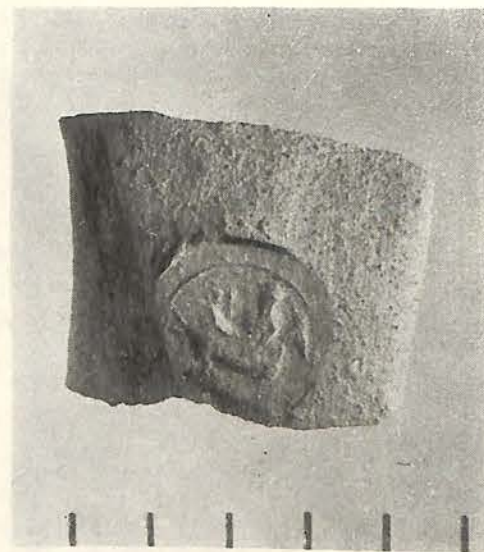

Рис. 10. Мендское клеймо из Ольвии

гося широкой славой винодельческого центра. О вине Менды, относившемся к числу высококачественных, сохранились свидетельства у ряда античных авторов⁵³. Очевидно, клеймение керамической тары в Менде никогда не получало широкого развития, а было явлением случайным. Но определение клейм Менды позволило В. Грейсу выделить также группу неклеяемых амфор этого города, датированных археологическими комплексами последней четвертью V в. до н.э.⁵⁴ Это дало возможность определить также ряд фрагментов неизвестных амфор из Ольвии, как принадлежащих продукции Менды. А совсем недавно, в 1966 и 1967 гг. обнаружены две целые амфоры в погребениях Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (рис. 11). Эти последние находки представляют особый интерес, поскольку они показывают, что высококачественное вино Менды пользовалось спросом не только в греческих городах Причерноморья, но и в варварской среде в далеких степях северо-восточного Причерноморья и Приазовья. Импорт мендского вина как в северо-западное, так и в северо-восточное Причерноморье был, очевидно, довольно значительным, хотя он и уступал синхронному ввозу из таких мощных центров, как, например, Хиос.

Рассмотренные выше материалы показывают, что одним из важнейших источников для выяснения новых центров, с которыми Причерноморье

было связано торговыми отношениями, равно как и для уточнения хронологии и объема экономических связей известных ранее торговых контрагентов северопонтийских городов, является керамика, в частности, остродонные амфоры и имеющиеся на них клейма. В последние годы достигнуты большие успехи в выделении и локализации целого ряда групп керамических клейм из общей массы клейм неизвестного места происхождения (*loci incerti*). При этом исследователи часто пользуются так называемым нумизматическим методом изучения клейм. Этот метод, заключающийся в сопоставлении изображений на клеймах („эмблем“, „символов“) с монетными типами, позволяет не только локализовать клейма, но иногда довольно точно и датировать их. Нумизматический метод был применен и мною при определении клейм Эгины и попытке выяснения ее роли в экономических связях Ольвии.

Большой интерес для изучения экономических связей Ольвии представляют, как это явствует из рассмотренных материалов, коллекции находок из раскопок Ольвийской агоры и теменоса последних лет и, в частности, в районе северо-западной части ольвийского теменоса (раскоп Е₉). Значительный интерес среди них имеют материалы, дающие возможность расширить наши представления об экономических связях Ольвии с Самосом⁵⁵. В 1962 г. здесь, в одной из хозяйственных ям, которыми изобилует данный район, была найдена целая остродонная амфора (рис. 12), тип которой не был до сих пор отмечен ни в северном Причерноморье, ни где-либо в другом месте. Глина амфоры темно-розового цвета, местами переходящего в бурый; глина хорошо отмучена, промыта и имеет весьма тонкое зерно. Примеси в виде мелких золотистых блесток слюды и крупинки извести (местами встречаются поры от ее выжигания) очень немногочисленны. Поверхность амфоры покрыта светлым ангобом. Сосуд очень хорошо сформован, обожжен и имеет весьма изящный вид. Весь материал из ямы-хранилища, где была найдена амфора, относится к концу VI — первой половине V в. до н.э. Таким образом, сопутствующий материал, как и сама форма амфоры, позволяют датировать ее довольно определенно первой половиной V в. до н.э.

В том же 1962 г. и на том же участке, но в дру-

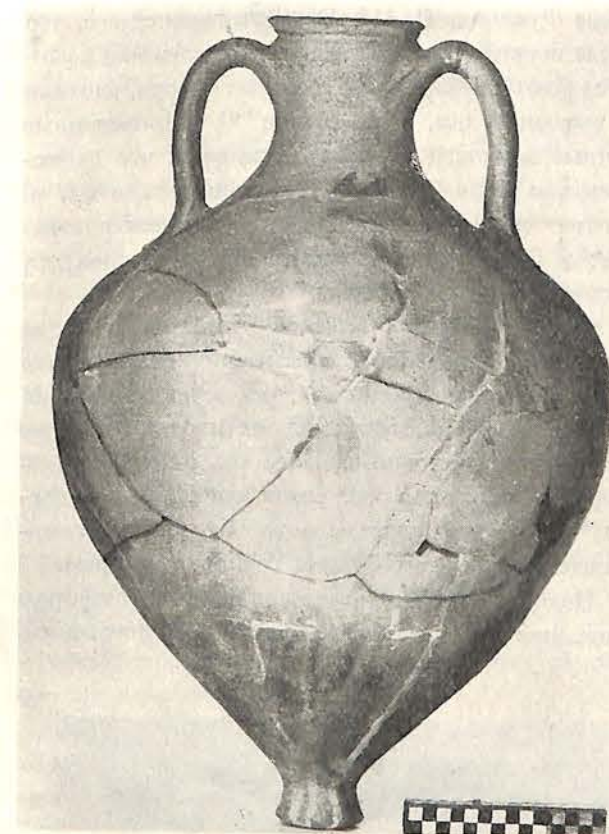

Рис. 11. Мендская амфора из Елизаветовского курганного могильника на Дону

рис. 711.19, 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

гой хозяйственной яме⁵⁶ была найдена верхняя часть (горло с ручками и плечи) амфоры (рис. 13), форма и глина которой, вплоть до деталей, совпадает с описанной. На одной из ее ручек отщипнуто небольшое круглое анэпиграфное клеймо, на котором изображена остродонная амфора (рис. 14). Это изображение воспроизводит тип самой амфоры, на которой оно помещено. Попытка определения места происхождения этого клейма оказалась возможной лишь с помощью нумизматического метода. Наиболее близкие параллели, как выяснилось, дают самосские монеты⁵⁷. Известна серия серебряных и медных оболлов Самоса, на оборотной стороне которых изображена остродонная амфора⁵⁸. Форма амфоры на монетах (рис. 15), близка форме амфоры на клейме (там она, правда, передана более грубо, что обусловлено, очевидно, прежде всего различием материала штампа для глины и металла). С формой же

⁵⁶ Материал из этой ямы, как и из ямы, в которой была найдена целая амфора, также не выходит за пределы первой половины V в. до н.э.

⁵⁷ См. L. Anson, *Numismatica Graeca*, I, London 1911, Part I — „Industry“, табл. III—IV.

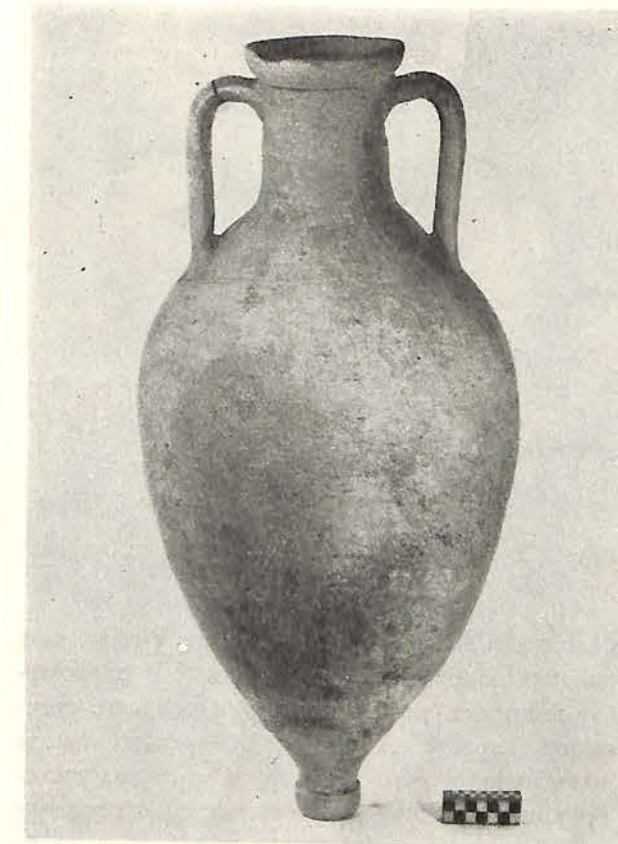

Рис. 12. Самосская (?) амфора из Ольвии

рис. 711.19, 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

целой амфоры из Ольвии она полностью совпадает. Едва ли можно сомневаться в том, что именно этот тип амфоры послужил прототипом для изображения на монетах. Отсюда напрашивается предположение о самосском происхождении как нашего клейма, так и неклеяемой амфоры.

Монеты с изображением амфоры относятся ко II и III периодам монетных выпусков Самоса, которые датируются Гарднером соответственно 494—439 и 439—394 гг. до н.э.⁵⁹ В этих пределах можно датировать и наши амфоры. Однако, по-видимому, имеется возможность некоторого сужения этих хронологических рамок. Во-первых, как сказано, условия находки не позволяют отнести рассматриваемые амфоры ко времени позднее первой половины V в. Во-вторых, ограничение их датировки первой половиной V в. до н.э. может, как мне кажется, быть обосновано и сопоставлениями, связанными с историей Самоса. Из-

⁵³ См., например, Athen., I, 23, b; 29, d, e; IV, 120; Pollux, Onom., VI, 15.

⁵⁴ V. Grace, *Amphoras and the Ancient Wine Trade*, Princeton, New Jersey, 1961, рис. 43 — амфора на переднем плане. Несколько иной тип мендской амфоры выделила

И. Б. Зеест (См. И. Б. Зеест, *Керамическая тара Боспора*, МИА, 83, 1960, стр. 81 сл. табл. VI, 17).

⁵⁵ И. Б. Брашинский, *Новые данные о торговле Ольвии с Самосом*, КСИА, 109, 1967, стр. 22 сл.

⁵⁸ См. P. Gardner, *Samos and Samian Coins*, The Numismatic Chronicle, II 1882, 3 сер., стр. 250 сл., № 25—27 и табл. IX, 19—20.

⁵⁹ P. Gardner, *ук. соч.* стр. 250 сл.

⁶⁰ Arist., *Ath. Polit.*, 24.

Рис. 13. Верхняя часть амфоры с клеймом из Ольвии

вестно, что Самос в первой половине V в. являлся одним из наиболее могущественных и экономически развитых греческих государств. После организации первого Афинского Морского союза и вхождения в него Самоса, остров находился в привилегированном, по сравнению с прочими союзниками, положении⁶⁰, что выражалось прежде всего в том, что самосцы были освобождены от взноса форося в союзную казну, а участие их в союзе выражалось в поставке военно-морских контингентов. Мною уже высказывалось предположение, что политические привилегии Самоса (как и Хиоса и Лесбоса) в Афинском союзе сопровождались, возможно, также и экономическими привилегиями, в частности, в сношениях с Причерноморьем⁶¹. Так продолжалось до 439 г. до н.э. когда, после подавления афинянами наудачного Самосского восстания, Самос не только потерял свое особое положение в союзе, но и подвергся со стороны Афин жестоким репрессиям, нанеся острову серьезный экономический ущерб. Впрочем, вероятно, что ущемление афинянами экономических интересов Самоса началось несколько ранее, и именно это и было одной из причин восстания. Характерно в этом отношении заме-

чание Фукидила (I, 117, 1), подчеркивающего, что после первоначальной победы самосцев над афинским флотом они „были господами моря, ввозили и вывозили все, что хотели“⁶². Приведенные данные заставляют прийти к выводу, что экономические связи Самоса с Причерноморьем в V в. ограничивались первыми шестью его десятилетиями; в более позднее время они маловероятны, а скорее даже исключены.

С начала Пелопоннесской войны афиняне, как известно, установили строжайший контроль над Черноморскими проливами, исключив из пантийской торговли не только своих противников, но и поставив в полную зависимость от себя черноморские экономические связи союзных государств⁶³. В это время уже не может быть речи о самостоятельных связях Самоса с Черным морем.

Находки обломков, принадлежащих амфорам описанного типа в Ольвии весьма многочисленны.

Рис. 14. Клеймо на ручке амфоры

Надо полагать, что они имеются и в материалах других античных городов не только северозападного Причерноморья, но и Боспора⁶⁴. Если верно их определение как самосских, то окажется, что приток самосских товаров в керамической таре в Ольвию в первой половине V в. был значительным и эко-

в VI—IV вв. до н.э. [в:] *Beiträge zur Geschichte und Philosophie des Altertums*, Budapest 1968, стр. 235.

⁶⁴ Это предположение (см. КСИА, 109, стр. 25) подтвердилось, в частности, находкой амфоры описанного выше типа в одном из курганов Елизаветовского могильника на Дону. См. И. Б. Брашинский, А. И. Демченко, *Исследования Елизаветовского могильника в 1966 году*, КСИА, 116, 1969. Находка самосской амфоры V в. до н.э. на Дону свидетельствует об их распространении в городах Боспора, откуда греческий импорт главным образом и поступал на Дон.

номические связи Ольвии с Самосом, которые были интенсивными в VI в. до н.э., продолжали активно развиваться и в первой половине следующего столетия.

Экспорт из Самоса в Ольвию в это время не ограничивался товарами, перевозившимися в амфорах. Продолжали поступать и другие самосские товары, в частности, керамические изделия. В той же яме, в которой была найдена амфора с клеймом, оказалась и фрагментированная толстостенная гидрия из характерной самосской глины, украшенная темными поясками (рис. 16). Эта гидрия по типу восходит к самосским гидриям, найденным при раскопках Герайона на Самосе, относящимся, правда, к значительно более раннему времени (IX—VIII вв. до н.э.)⁶⁵. Однако ольвийская находка, несомненно, относится к тому же времени, что и амфоры, т.е. к первой половине V в. до н.э. или, возможно, ко второй половине VI в. В это же время продолжался и импорт тонкостенной самосской расписной керамики.

Тесные экономические взаимоотношения Самоса с северопантийскими городами хорошо засвидетельствованы археологическим материалом и для VI в. до н.э.⁶⁶ Особенно обильны находки самосских изделий в ранних культурных напластованиях Нимфея, где они необычайно многочисленны по сравнению с аналогичными находками из других городов⁶⁷. Это обилие самосской продукции в Нимфее, так же как и обнаруживае-

Рис. 16. Фрагментированная самосская гидрия из Ольвии

мые там элементы земледельческого культа, даже послужили основанием для предположения о том, что город был основан выходцами с Самоса⁶⁸ или, что они, во всяком случае, принимали активное участие в основании Нимфея ионийскими колонистами⁶⁹. Целый ряд ученых усматривает также влияние самосской чеканки на ранний пантикапейский монетный тип (морда льва на аверсе пантикапейских монет)⁷⁰.

Рис. 15. Тип реверса самосской монеты

⁶⁵ Ср. K. Vierneisel, H. Walter, *Heraion von Samos. Die Funde der Kampagnen 1958 und 1959*, AM, LXXIV 1959, табл. 13, 2—3.

⁶⁶ См. Н. А. Сидорова, *Архаическая керамика из Пантикапея*, МИА, 103, 1962, стр. 102 сл.; 125 сл., где приведена литература по различным центрам северного Причерноморья.

⁶⁷ М. М. Худяк, *Из истории Нимфея*, Ленинград 1962,

стр. 47 сл., 39 сл.; В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, Москва — Ленинград 1949, стр. 175.

⁶⁹ М. М. Худяк, ук. соч., стр. 17.

⁶⁹ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 175.

⁷⁰ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, 16, 1951, стр. 164; Ch. T. Seltman, [в:] *The Cambridge Ancient History*, табл. III, 20, a, b. Ср., однако, возражения Д. Б. Шелова, *Монетное дело Боспора*, Москва 1956, стр. 17.

⁶¹ И. Б. Брашинский, *Афины и северное Причерноморье в VI—II вв. до н.э.*, Москва 1963, стр. 92, 96 сл.

⁶² Ср. Plut., *Per.*, 26: Самосцы в это время „завезли к себе столько необходимого для ведения войны, сколько у них не было и до войны“. В число этих необходимых товаров безусловно, если в первую очередь, входил хлеб, который, несомненно, в значительной части происходил из Причерноморья.

⁶³ См. И. Б. Брашинский, *Значение черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья*

Все эти материалы и соображения относились, однако, лишь к VI в. до н.э. Для более позднего времени материалов для суждения о связях Самоса с северным Причерноморьем не было. Материалы из раскопок Ольвии последних лет позволяют высказаться (пока еще в осторожной форме) в пользу продолжения этих связей и в первой половине V в. до н.э. Вероятно, в это время Самос продолжал играть значительную роль в экономических сношениях как северо-западного Причерноморья, в частности, Ольвии, так и северо-восточного (Боспора).

Новые материалы из Ольвии дают возможность конкретнее представить картину экономических связей северо-западного Причерноморья в конце VI—IV вв. до н.э. вообще. До последнего времени в науке господствовал взгляд, согласно которому начиная со времени греко-персидских войн, сношения Афин с Причерноморьем полностью вытеснили связи этой области со всеми прочими греческими центрами. Этой точки зрения придерживался и автор настоящей статьи⁷¹. Однако такой взгляд, как теперь выясняется, слишком упрощает картину экономических связей Причерноморья в это время. Хотя Афины в первой половине V в. действительно занимали доминирующее положение на пантийских рынках, это все же не привело к полному прекращению экономических сношений Причерноморья с остальными греческими центрами; они продолжали играть заметную и активную

роль в экономической жизни Эвксинского Понта, в частности, северного его побережья. Северо-западное Причерноморье, как очевидно, и весь северный Понт, сохраняло и в первой половине V в. до н.э. широкие торговые связи с различными средиземноморскими центрами. Резкие изменения в направлениях экономических связей пантийских городов наблюдаются после установления действительного контроля афинян на Черноморских проливах в начале Пелопоннесской войны. Так, например, в северопантийских городах на смену средиземноморским партнерам в торговле приходят южнопантийские города, в особенности Гераклея Понтийская и Синопа. Пелопоннесская война и установление строгого контроля афинян на проливах дали, очевидно, решающий толчок развитию внутривантийских экономических связей, но это тема специального исследования⁷².

Новые материалы из раскопок Ольвии, рассмотренные в настоящей статье, позволяют получить более отчетливое представление о конкретном содержании ее экономических связей на протяжении длительного времени от VI до второй половины IV в. до н.э.. Не приходится (сомневаться) в том, что внимательное изучение поистине огромного накопленного материала из раскопок Ольвии, равно как и будущих находок, позволит внести еще много нового в изучение истории развития экономических связей северо-западного Причерноморья.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. а — с Фрагменты коринфских сим из Ольвии; d — реконструкция росписи. И. Б. Брашинский, *Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии*, [b:] *Культура античного мира*, Москва 1966, стр. 49, рис. 1.
а — с Fragments des *simae* de Corinthe, découvertes à Olbia; d — décoration peinte (reconstitution).
а — с Fragmenty korynckich sim z Olbii; d — rekonstrukcja dekoracji malarskiej.
2. Коринфская черепица с симой из Ольвии. Аксонометрия. Там же, стр. 50, рис. 2.
Tuile et *sima* corinthiennes, découvertes à Olbia. Projection axonométrique.
Koryncka dachówka z *simą* z Olbii. Rzut aksonometryczny.
3. Коринфская подставка алтаря из Ольвии. И. Б. Брашинский, *Материалы к изучению торговых связей Ольвии*, Сов. Арх., 1968, № 2, рис. 1, 3.
Base d'autel corinthienne, découverte en terrain d'Olbia
Koryncka baza ołtarza z Olbii.

4. Коринфские глиняные конические подвески из Ольвии. Там же, рис. 1, 4.
Poids corinthiens en argile pour métier à tisser, découverts à Olbia.
Korynckie gliniane ciężarki tkackie z Olbii.
5. Коринфская подвеска из Ольвии с клеймом. Там же, рис. 1, 5.
Poids corinthien pour métier à tisser, timbré, découvert à Olbia.
Koryncki stemplowany ciężarek tkacki z Olbii.
6. Бронзовая подставка светильника из Ольвии: а — негатив фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР; б — И. Б. Брашинский, *Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг.*, КСИА, 103, 1965, стр. 99, рис. 35, 4.
Support de lampe en bronze, trouvé à Olbia.
Brązowa podstawka lampy z Olbii.
7. Клеймо на ручке эгинской амфоры из Ольвии. И. Б. Брашинский, *К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной*, КСИА, 95, 1963, стр. 21, рис. 5.

Timbre sur une anse d'amphore éginète, mise à découvert à Olbia.

Stempel na imadle egineckiej amfory z Olbii.

8. Верхняя часть эгинской (?) амфоры из Ольвии. Там же, стр. 22, рис. 7.

Partie supérieure d'une amphore éginète (?), découverte à Olbia.

Górna część egineckiej (?) amfory z Olbii.

9. а — Фрагмент эгинской симы из Ольвии; б — реконструкция ее росписи. И. Б. Брашинский, *Материалы к изучению торговых связей Ольвии*, Сов. Арх. 1968 № 2, рис. 1, 1, 2.

а — Fragment d'une *sima* éginète (?), découverte à Olbia; б — décoration peinte de la *sima* (reconstitution).

а — Fragment egineckiej (?) symy z Olbii; б — rekonstrukcja jej dekoracji malarskiej.

10. Мендское клеймо из Ольвии. И. Б. Брашинский, *Из истории торговли северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н.э.*, Нумизматика и эпиграфика, III, 1962, стр. 46, табл. I, 5.

Timbre amphorique de Mende, trouvé à Olbia.

Stempel z Mende, znaleziony w Olbii.

11. Мендская амфора из Елизаветовского курганного могильника на Дону. Негатив Фотоархива ЛОИА АН СССР.

Amphore de Mende, trouvée dans une sépulture à kourgane à Jelizawetovskoje sur le Don.

Amfora z Mende znaleziona w pochówku kurhanowym w Jelizawetovskoje nad Donem.

12. Самосская (?) амфора из Ольвии. И. Б. Брашинский, *Новые данные о торговле Ольвии с Самосом*, КСИА, 109, 1967, стр. 23, рис. 2.

Amphore de Samos (?) trouvée à Olbia.

Samijska (?) amfora z Olbii.

13. Верхняя часть амфоры с клеймом из Ольвии. Там же, стр. 23, рис. 3.

Partie supérieure d'une amphore timbrée d'Olbia.

Górna część stemplowanej amfory z Olbii.

14. Клеймо на ручке амфоры. Там же, стр. 24, рис. 4. Timbre amphorique sur l'anse d'une amphore.

Stempel na imadle amfory.

15. Тип реверса самосской монеты. Там же, стр. 24, рис. 4.

Type de revers de monnaie de Samos.

Typ rewersu monety z Samos.

16. Фрагментированная самосская гидрия из Ольвии. Негатив Фотоархива ЛОИА АН СССР.

Fragments d'une *hydria* de Samos, trouvée à Olbia.

Fragmenty samijskiej hydrii z Olbii.

EPH CHI
JOSIF B. BRASHINSKY

NOUVEAUX MATÉRIAUX POUR L'ÉTUDE DES CONTACTS ÉCONOMIQUES D'OLBIA AU VIe—IVe SIÈCLE AVANT NOTRE ÈRE

Résumé

Les nouveaux matériaux livrés par les fouilles archéologiques d'Olbia, menées au cours des années dernières, ont sensiblement élargi notre connaissance des contacts économiques de cette ville, au cours des VIe—IVe siècles avant n.è., avec de nombreux centres méditerranéens. Il est évident aujourd'hui, par exemple, que les importations de Corinthe avaient joué à Olbia un rôle beaucoup plus important qu'on ne le croyait. Au cours des VIe—IVe siècles, Olbia faisait venir de Corinthe de grandes quantités d'éléments architectoniques en terre cuite, tels que les *simae* peintes et les tuiles; on importait également des produits alimentaires dans des amphores, et, enfin, différents objets utilisés dans des rites de culte et importés à Olbia jusqu'au IVe siècle avant notre ère inclusivement.

Parmi les produits découverts à Olbia, on a réussi à distinguer, comme groupe à part, la céramique d'Égine. L'importation des produits éginètes à Olbia a probablement commencé dès la première moitié du VIe siècle avant n.è. (éléments architectoniques en terre cuite), pour durer jusqu'au milieu du Ve siècle. On importait également de petites quantités d'huile d'olive éginète. La possibilité de définir les timbres auxquels étaient marquées les amphores a permis de distinguer les „emballages” céramiques comme groupe à part. Ces données archéologiques confirment indirectement le témoignage d'Hérodote (VII, 147) qui nous informe de l'exportation en Égine du grain de céréales

du bassin de la mer Noire, aux temps des guerres médiques. La mise à découvert, en terrain d'Olbia, des amphores avec des timbres de Mende, a élargi notre connaissance des relations commerciales entre les deux villes, et nous a permis d'établir les limites chronologiques de leurs contacts. Enfin, la possibilité d'identifier un type nouveau d'amphore de Samos, datant de la première moitié du Ve siècle avant n.è., et, de plus, la découverte de différents autres produits samiens, importés à Olbia à la même époque, ont sensiblement augmenté et complété les données dont nous disposons au sujet des rapports économiques de l'époque entre Samos et Olbia.

Les nouveaux matériaux archéologiques livrés par le terrain d'Olbia permettent de mieux préciser l'histoire des relations économiques de la partie nord-ouest du bassin de la mer Noire avec d'autres territoires au cours des VIe—IVe siècles avant n.è.; de plus, les matériaux archéologiques démontrent que ces relations avaient été vastes, variées et plus compliquées que l'on ne le croyait précédemment. Malgré la prédominance athénienne sur les marchés pontiques, établie à partir des guerres médiques, Athènes n'est cependant jamais parvenue à faire cesser, ni même à limiter les contacts économiques entre les villes pontiques et les centres méditerranéens.

⁷¹ См., особенно, И. Б. Брашинский, *Афины и северное Причерноморье в VI—II вв. до н.э.*

⁷² И. Б. Брашинский, *Значение Черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья.*

JOSIF B. BRASZYNSKI

NOWE MATERIAŁY DO BADAŃ KONTAKTÓW GOSPODARCZYCH OLBII
W VI—IV w. PRZED NASZĄ ERĄ

Streszczenie

Nowe materiały wykopaliskowe z Olbii uzyskane w ostatnich latach bardzo poważnie rozszerzyły nasze wyobrażenia o jej kontaktach gospodarczych z wieloma ośrodkami basenu śródziemnomorskiego w VI—IV w. przed n.e. Widoczna staje się dziś na przykład znacznie większa rola importów korynckich niż to dotychczas przypuszczano. W VI—IV w. sprowadzano z Koryntu do Olbii wielkie ilości terakotowych elementów architektonicznych, jak malowane simy, dachówki, importowano także żywność w amforach i rozmaite przedmioty używane w obrzędach kultowych. Import tych ostatnich wyrobów istniał jeszcze w IV wieku przed n.e.

Spośród znalezisk olbijskich udało się wydzielić grupę ceramiki egineckiej. Import z Eginę do Olbii zaczął się prawdopodobnie jeszcze w pierwszej połowie VI wieku przed n.e. (terakoty architektoniczne) i trwał do połowy V wieku. Przywożono też w niewielkich ilościach eginecką oliwę. Określenie stempli na amforach pozwoliło na wydzielenie grupy „opakowań” ceramicznych. Te dane archeologiczne potwierdzają świadectwo Herodota (VII, 147) o wywozie zboża z Naczarnomorza na Eginę w czasie wojen perskich. Z kolei — dzięki odkryciu w Olbii stemplowanych amfor z Mende — możemy rozszerzyć wiadomości o stosunkach handlowych między tymi dwoma miastami i ustalić ramy chronologiczne tych kontaktów. Określenie nowego typu amfory samijskiej z pierwszej połowy V w. przed n.e., a także odkrycie w Olbii innych rodzajów importów z Samos z tego samego czasu w bardzo istotny sposób uzupełniły dane o gospodarczych związkach Olbii i Samos.

Nowe materiały archeologiczne z terenu Olbii pozwalają uściślić historię powiązań gospodarczych północno-zachodniego Naczarnomorza w VI—IV w. przed n.e., ukazują też, że powiązania te były wielostronne i bardziej złożone niż to sądzono do tej pory. Aczkolwiek na rynkach pontyjskich dominowały od czasów wojen perskich Ateny, to jednak nigdy nie udało się im zniszczyć ani nawet poważnie ograniczyć kontaktów ekonomicznych miast czarnomorskich z ośrodkami basenu śródziemnomorskiego.

Archologia XIX, fig. 11

3.026

9

Рис. 11. Вазон с двумя ручками и крышкой.

Рис. 12. Фрагмент керамики.

Рис. 13. Амфора (1) из Ольвии.

Рис. 14. Амфора (2) из Ольвии.

The original of this translation (with many corrections) is filed in the folder SAMIAN - 5.XI.71 APPENDIX TO ARTICLE [4.03]

Brashinsky, "New materials toward the study of economic relations of Olbia with to IVth century B.C.," Archaeologia XIX, 1968, pp. 45-60.

p.4 excavations of Olbia in recent years have considerably expanded our knowledge economic relations of this city with various Medit. centres in the 6th to 4th and The new materials have enabled us not only to supplement but in some cases also existing ideas about the ec. rel. of Olbia, but also to discover a number of unknown centers from which various products came to Olbia. These materials example that Olbia's trade with Corinth in the 6th and 5th c. and even in the is considerably more developed than would have been thought up to now. From Olbia went not only figur painted pottery but also products in ceramic architectural (oras), roof tiles, terracotta archit. ornaments, and also various cult One might think that at this time there was direct trade relations between Corinth, which played an important role with in the economy of Olbia, espec at the end of the 6th and in the 5th c. B.C. thian imports make up the most numerous group among the imported architectural in Olbia in the 6th and 5th c. B.C. This category of wares is made up primarily of rooftiles with painted ^{Simas} ~~cymas~~ ¹. The Corinthian tiles with ^{Simas} ~~cymas~~ from Olbi, belong to one type. Both the face of the ^{Simas} ~~cymas~~ and that part of the lower surface that extended beyond the edge of the roof are smooth. On these are painted ^{decoration} ~~representat~~ ^{painting} ~~representat~~ in redfigure. The ornaments which are done in the color of the clay (engobe) are surrounded by dark background. ^{painting} ~~in~~ The decoration combines the light colors of the engobe with black or darkbrown paint and purple. This primitive type of ^{Sima} ~~syna~~ has an analogue in the sima frgments from Gordion and the Delphian temenos. ² The sima is part of ~~ex~~ a single whole with a flat tile, with relation to which it forms an acute angle; this was evidently due to the need for giving it a strictly vertical position with the corresponding inclination of the roof. Thus the simas from Olbia belong to the category of so-called Traufsima or lateral (horizontal) simae. It should be noted that a Corinthian from Olbia, whose entire width is preserved, lacks a waterspout. Evidently this detail was not obligatory on all tiles, but was present only on some of

Рис. 13. Верхняя часть амфоры с клеймом

видно, что Самос в первой половине V века был одним из наиболее могущественных и чуждым развитых греческих государств. И именно первого Афинского Морского

Рис. 14. Клеймо на дне амфоры

15. В то время уже не может быть речи о самостийности Самоса с Черным морем. Невозможно объяснить привлекательность амфорного типа в Стамбуле только местными условиями.

[4.016]

711.17

Archeologia
XIX, 1968
p. 56, fig. 12

711.16

Archeologia
XIX, 1968
p. 56, fig. 13

711.21
Archeologia
XIX, 1968
p. 52, fig. 7

711.20
Archeologia
XIX, 1968,
p. 52, fig. 8

711.19
Archeologia
XIX, 1968
p. 55, fig. 11

[4.026]

711.18
Archeologia
XIX, 1968
p. 55 fig. 12

I.B. Brashinsky, "New materials toward the study of economic relations of Olbia in the VIth to IVth century B.C.," ~~Arkhologiya~~ Archeologia XIX, 1968, pp. 45-60. (1969)

p.45

The excavations of Olbia in recent years have considerably expanded our knowledge of the economic relations of this city with various Medit. centres in the 6th to 4th c. B.C. The new materials have enabled us not only to supplement ~~but~~ ^{and} in some cases also change the existing ideas about the ec. rel. of Olbia, but also to discover a number of previously unknown centers from which various products came to Olbia. These materials show for example that Olbia's trade with Corinth in the 6th and 5th c. and even in the 4th c. was considerably more developed than would have been thought up to now. From Corinth to Olbia went not only ~~figur~~ ^{architectural} painted pottery but also products in ceramic jars (amphoras), roof tiles, terracotta archit. ornaments, and also various cult objects. One might think that at this time there was direct trade relations between Olbia and Corinth, which played an important role ~~with~~ ⁱⁿ the economy of Olbia, ~~espece~~ especially at the end of the 6th and in the 5th c. B.C.

Corinthian imports make up the most numerous group among the imported architectural terracottas in Olbia in the 6th and 5th c. B.C. This category of wares is made up primarily of roof tiles with painted ^{simas} ~~cymas~~. The Corinthian tiles with ^{simas} ~~cymas~~ from Olbia belong to one type. Both the face of the ^{simas} ~~cymas~~ and that part of the lower surface that extended beyond the edge of the roof are smooth. On these are painted ^{decoration} ~~representat~~ ^{painting} ~~tions~~ in redfigure. The ornaments which are done in the color of the clay (engobe) are surrounded by dark background. ^{painting} ~~in~~ The decoration combines the light colors of the engobe with black or darkbrown paint and purple. This primitive type of ^{simas} ~~cymas~~ has an analogue in the sima fragments from Gordion and the Delphian temenos. The sima is part of ~~as~~ a single whole with a flat tile, with relation to which it forms an acute angle; this was evidently due to the need for giving it a strictly vertical position with the corresponding inclination of the roof. Thus the simas from Olbia belong to the category of so-called Traufsima or lateral (horizontal) simae. It should be noted that a Corinthian from Olbia, whose entire width is preserved, lacks a waterspout. Evidently this detail was not obligatory on all tiles, but was present only on some of

(p.45)

them, which alternated on the roof with tiles lacking waterspouts.

The Corinthian simas of the type here discussed are 0.53 wide and 0.15 high. The face is fully covered by a single zone of painting, consisting of a complex maeander, whose free fields contain rectangles with checkerboard ornament (fig.1). The rectangles with check. orn. are framed by narrow red bands. The entire space between maeanders, like the "checkerboard", is colored with black (darkbrown) paint. This technique is the most common on Corinthian architectural t.c.s beginning with the 5th c. B.C. ³ [Gives ref.s, and remarks: this system of ornamentation

virtually never occurs in Sicily and Magna Graecia] That part of the lower surface of the tile which overhangs the cornice is also ornamented. A wide red band (3 to 4 cm. wide) extends directly along its edge for the entire width of the tile. One corner fragment also preserved the remains of some kind of ornament drawn in brown paint, which could not be reconstructed however because of its poor state of preserv. ⁴

No complete tiles with simas were found in the excavations in Corinth. The finds from Olbia have made possible a complete reconstruction of one type of such tiles (fig.2). ⁵ [In the Olbia excavations of 1960 and 1961 were found fragments of a Corinthian rooftile with sima, from which it was possible to collect an almost complete tile ~~from~~ (inv.no. 0) 60-2779, 0 (61-2031). The full width and almost the full length (72 cm.) up to the sima are preserved.] These tiles are flat, rectangular plates with raised edges along the long sides and a transverse ridge in relief along the rear edge which fits into the overlying tile. They belong to the so-called Megarian Treasury type, or Megarian type, according to the finds in the Megarian Tr. ⁶ in Olympia. [Koch - see ref. - quite justifiably believes this kind comes from Corinth.] The plate is somewhat wider at the front (53 cm.) than at the rear (49.5 cm.). This widening is due to the fact that the anterior part of the tile has projections about 1.5 cm. wide on the side. The reconstructed length of the tile with sima is 78 cm. Its thickness is from 3.2 cm. (in the middle) to 4.7 cm. (at the edges). ⁷ The tile is very heavy. [O. Broneer, op.cit., p. 83, line 37, points out the great variety of flat tiles. Most of these are about 68 cm. by 59 cm. in size

(p. 47)

size, but some are 78 cm. by 70 cm. respectively. The tiles are 2.5 to 4.0 cm. thick] In the anterior part, along the entire width of the tile, runs a semicircular groove 12 cm. wide, which is 3 cm. deep below the surface of the tile; this undoubtedly served as a gutter. The forward edge of the groove merges into the sima, which was thus formed integrally together with the tile. From all indications, the sima was painted after the firing. Only a few slight traces of the black and purple paint remain here and there. The ornament of the sima was incised before painting; a few shallow traces of this incision are preserved.

The restored Corinthian root tile with sima from Olbia represents a new type, hitherto unknown. The ornamental pattern of the Corinthian simas from Olbia -- a complex meander with checkerboard ornamentation in the free spaces -- is characteristic of Corinthian architectural terracottas. This ornamentation usually forms the lower zone of the sima's complicated decoration, as well as the main decor of the face (anterior end) of flat tiles dating from various times. This ornamentation in itself does not provide a basis for dating the simas, inasmuch as it was used for a very long time. But a definite terminus post quem for the Olbia fragments can be obtained from the style of painting. This, as we have said, is red-figure -- light ornamental figures left blank in the color of the clay, against a dark background. This technique began to be used in the painted decoration of Corinthian architectural terracottas in the 5th century B. C., but was also in use later. In the 4th century B. C., however, relief decoration of architectural terracottas was especially common. [An exception are waterspouts in the form of lion heads, which were also made earlier.] But the Olbia fragments, as we have said, are smooth. Thus the simas with which we are concerned can apparently be dated generally in the 5th century B. C. There are some considerations, however, which may enable us to arrive at a somewhat more precise date.

We have already noted

~~the primitiveness and simplicity of the Corinthian simas from Olbia,~~ which distinguishes them from all the known types of similar material coming from Corinth itself and from other places. They have a simple profile and simplified ornamentation, consisting of one zone. These distinctive features suggest that the Olbia simas

(p. 48) belong to the initial period of the red-figured style -- the ~~beginning~~ ^{beginning} of the 5th and perhaps even the end of the 6th century B. C. This supposition is not inconsistent with the conditions under which they were found: they were discovered in strata and pits with material dating from the end of the 6th to beginning of the 5th century B. C. and not going beyond the first half of the 5th century.

The discovery of the Corinthian architectural terracottas from Olbia prompts a new approach ^{trade} to the problem of the economic relations of Corinth with this city, and probably also ^{with} the northwestern and northeastern parts of the Black Sea region generally. It was believed up to now that Corinth had no direct trade relations with the cities of the Northern Pontus, and that the few existing Corinthian imports were brought here by Athenian¹² or Miletian¹³ traders. Such a conclusion had some basis, inasmuch as it was founded on the lack of any extensive importation of Corinthian thin-walled painted pottery. But the coarse ~~ware~~ pottery (coarse ware of Corinthian origin) until recently was never studied, and finds of Corinthian artifacts of such kind were only occasionally mentioned, at best.¹⁴ Corinthian amphoras with pointed bottoms¹⁵ are now well known in the Northern Black Sea region, both on the Bosphorus and at Olbia, and a Corinthian group of every-day pottery (*lutera*, and so forth) has also been identified on the Bosphorus.¹⁶ Similar wares are included in quite considerable numbers among the unpublished materials from the excavations at Olbia in the past few years. It now is becoming clear that expensive ^{ceramic materials} pottery wares were also brought from Corinth to the Northern Black Sea region. Besides the Corinthian architectural terracotta, fragments of ~~Corinthian architectural terracotta~~ plain Corinthian roof tiles have also been found, although in very small quantity, to be sure, at Olbia. Corinthian tiles have also been found at Nymphaea.¹⁷ [Not published; kept in the Hermitage Museum. Among these, in particular, is an almost complete pan flat ~~tile~~ tile and a fragmentary kalypterion with a stamp -- the impression of a gem.]

p. 49 The role of Corinth as one of the most advanced and economically developed centers of production in Greece during the 6th and 5th centuries B. C. is sufficiently well known. In connection with the matters discussed in the present article, we shall say only that ~~the~~ ~~Corinthian roof tiles~~ Corinthian roof tiles (*κεραμίδες Κορινθιακές*) were very popular and in great demand. These tiles are also mentioned in a number of inscriptions.¹⁸ [Corinth,

IV, 1, p. 40 and footnotes, which give the sources]. They were highly valued and exported widely to various places in Sicily, Southern Italy and mainland Greece, especially to the Corinthian colonies.¹⁹ We must now add to the areas where these tiles were exported the Northern Black Sea region as well, although the ~~immense~~ volume of their import was, to be sure, relatively small.

The category of terracotta architectural wares from Corinth found in recent years at Olbia can, with some justification, be considered to include a fragmentary massive round base, the lower part of which could be restored from the pieces (Fig. 3).²⁰ The lower diameter of this base is 45 cm., and its preserved height 15.5 cm. Its wall is almost vertical at the bottom and sloping at the top. Above this was a hollow cylinder, only slight remnants of which are preserved. The original height of this object, as well as its complete appearance, are therefore unknown. The base is ornamented with annular ridges which are ~~colored~~, like the Corinthian ~~sims~~ ^{with} dark brown and red paint. Another feature worth noting is the ~~man~~ fact that the clay and engobe of the base and of the Corinthian architectural terracottas are fully identical.

~~XXXXXXXXXX~~ The Olbia base is very similar to another Corinthian base from Tiritaki,²¹ which V. F. Gaydukevich identifies as the lower part of a terracotta altar.²² The complete appearance and purpose of the object under consideration ~~XXXXXXXXXX~~ are clear from the numerous similar finds in Corinth itself, which provide the basis for an indisputable reconstruction.²³ The name given to these objects, "Lekane on a stand", is not completely clear; it arouses doubt inasmuch as a lekane must have lid (?), no remains of which have been found. This however does not change the essence of the matter. It can be said with confidence that, whatever these objects were named, they were used for cult purposes and served as a special kind of altar for libations. The Olbia base is dated by the objects found with it to the end of the 6th or 1/2 of the 5th centuries B.C. - that is, the same time as the Corinthian architectural terracottas also found there.

Still another category of Corinthian import has recently been found in Olbia. This consists of conical weights of various sizes (ht. ranging from 6.2 to 9.5 cm.)

[Restoration sketch in Fig. 28. Similar fragments have been found at Athens, Olympia (...) and Naukratis (...). These fragments were used to restore the lower part of the object under consideration in the Soviet Archaeological Museum.]

(p.49) made of characteristic Corinthian clay (fig.4).²⁴ Similar weights have been found in large numbers at Corinth, so that they could be classified chronologically beginning with the 8th c. B.C.²⁵ The often bear different stamps: gem-impressions, monograms, abbreviations of words or names.²⁶ The main function of these weights, as loomweights, is undoubted. But such very simple pottery artifacts were usually not traded between Greek cities - they were made locally wherever they were needed. The Corinthian conical clay weights, however, have been found in various places outside the area where they were produced: ~~xxx~~ at Athens, Delphi, in Asian Minor,²⁷ and now also at Olbia.²⁸ A [The Corinthian conical weight with stamp was recently found at Mirmeki, in the NE part of the Black Sea area.]²⁹ In Athens they were even imitated. [One of the Olbia weights () differs sharply from the others in the composition of its clay, which very strongly resembles Attic clay.] It does not seem likely that these weights were imported to Athens or Olbia from Corinth to be used for their primary purpose, as loomweights. They apparently served some other function here.

As we have said, some of the Corinthian weights are stamped. Large numbers of them carry the stamp MEAIΣ (MEAI) PAYK, etc.,. The scholar [Miss Davidson] believes these stamps to be abbreviations of women's names PAYKEPA and MEAIΣEA, and suggests that the owners of the shops which made these weights gave their products feminine names, as is now done,³⁰ for ex., in naming various products for ladies toilet, etc., thus apparently constituting a form of advertising. This interpretation, however, can scarcely be accepted without question. It seems remarkable that among the Corinthian weights found outside Corinth, weights with stamps PAYK and MEAIΣ shd be especially frequent.³¹ ~~Thxxxxx~~ The words in these stamps might be more correctly interpreted as abbreviations not of names (that is, derived from the basic meaning of the words), but as abbreviations of the words themselves - PAYKYΣ (sweet) or its derivatives and MEAI, MEAIΣEA (honey). In this case the wts. and their corresponding stamps (and those without stamps) might it seems be considered rather to be votive objects.

The fact that such objects were abundantly produced in Corinth is indicated by

(p. 50) the wellknown miniature vessels (skyphoi, etc.) that were undoubtedly intended for cult use, as votive objects, which are also widely represented among the Bl. Sea finds.

One of the Corinthian wts. from Olbia (O/64-2536) also preserves a poor impression of the stamp PAYK, above which can be seen the remains of a second stamp - a gem-impression depicting a similar wt. (fig/5).³² In Corinth itself wts. with the stamp PAYK are known only as isolated examples, whereas outside Corinth, especially in Athens, they have been found in large numbers. This has given rise to the suggestion³³ that they were brought to the other places by way of Athens. However this may be, it seems to me more than likely that outside Corinth these wts. were used as votive objects. As for the dating of the conical Cor. wts. from Olbia, according to their chronology³⁴ that has been worked out in detail, they belong to groups IX-XI, which date from 350-250 B.C. This dating (2/2 of 4th c. B.C.) is also confirmed by all the other material from the stratum in which they were found. The presence at Olbia of Cor. wares from the 2/2 of the 4th c. B.C. is of great interest, inasmuch as up to now the archaeological material suggested economic relations between the NW Bl. Sea region and Cor. only in much earlier times.

The unique find of a bronze lamp saucer from Olbia (fig. 6)³⁵ [S. P. Borisovskaya, skaya, The Painted Pottery of Archaic Corinth, its artistic and historical significance, dissertation for the degree of Candidate, Leningrad 1966, p. 18], dating from the end of the 6th to the 1/2 of the 5th c. B.C., may be related to Corinth. A very similar lamp saucer was found in the recent excavations in Corinth.³⁶ But the question of whether bronze wares were imported to Olbia from Cor. still cannot be answered because there is insufficient material.

As a result of the finds of new material, the trade relations between the north-western Black Sea region and Corinth must be sketched out in a new light. On the one hand, it turns out that the importation of Corinthian painted pottery from the middle of the 6th century B. C. on was greater than had been thought up to now, and also that these wares were brought in quite considerable number (especially to Berezan') as early as the last quarter of the 7th and first quarter of the 6th centuries B. C.³⁷

(p.51)

[Single examples of similar bases have thus far been found only at Athens and Olynthus]. On the other hand, there is evidence here of the importation of amphoras, roof tiles and architectural terracottas from the 6th to the first half of the 5th century B. C., and also of artifacts associated with the rites of religious cults. The pottery bases (of altars, sacrificial altars ?), conical ~~iii~~ weights and, undoubtedly, the miniature votive vessels, may be assigned to the latter category.

Judging from the available evidence, there was ~~was~~ ^{never any} massive importation from ~~Northern~~ Corinth to the Black Sea region, but trade relations with these highly developed centers of production, as ~~was~~ may be seen, were regularly maintained for a very long time, from the 7th to the 4th centuries B. C.; moreover the imports from Corinth were highly varied.

The archaeological finds of recent years from Olbia have also provided evidence of trade relations between Olbia and Aegina. No Aeginetan imports were known in the Northern Black Sea region until recently, although it may be supposed that Aegina had trade relations with the cities of the Northern Pontus from a well known, but unclear remark by Herodotus (VII, 147) that the Persian king Xerxes at Abydos on the Hellespont encountered trading ~~many~~ ships carrying loads of grain from the Pontus to Aegina and the Peloponnese. This statement, to which researchers often refer as the earliest evidence of the importation of Black Sea grain into Greece, is not sufficiently concrete, however; and there ~~was~~ ^{was} no archaeological evidence supporting the statement of Herodotus. Now such evidence has come to light: Herodotus' testimony is confirmed by the discovery at Olbia of amphoras that can be identified as Aeginetan with a high degree of probability. ³⁸ It is still, however, hard to judge the volume and intensity of Olbia's trade with Aegina, but the fact of its existence can scarcely be doubted.

The stamp on the handle of one of the amphoras, representing a coin type of Aegina -- a sea tortoise (Figs. 7 - 8), also provides evidence of the chronological limits of the Aegina-Olbia trade. This obviously ~~must have~~ occurred before the conquest and destruction of Aegina by the Athenians in 431 B. C., mainly in the 5th

(p. 51)

century B. C. It is not impossible, however, that these trade relations began considerably earlier -- in the first half of the 6th century B. C.

p. 52

The oldest fragment of terracotta architectural ornaments found at Olbia is a piece of sima (Fig. 9),³⁹ which differs sharply and in every respect from the other wares of this kind found at Olbia. The fragment of sima (right edge) is preserved to its complete height (10.5 cm.). Only the corner, where there was probably a projecting ridge, is broken off from the top. The sima is broken at the bottom at the line where it jointed the surface of the roof tile. The sima was made separately from the tile and then joined to it. The corner projections also appear to have been made separately. The sima together with the tile was probably about 14 cm high (the thickness of the tile was 3.5 cm). The clay from which the sima was made (which has a brick-red color) contains numerous red-brown inclusions of chamotte and particles of quartz sand. The whole surface of the sima is covered by a light-colored engobe, on which the ornamentation has been drawn in dark red paint. The decoration consists of three zones; it is extremely primitive; simple meander, rectangles and slanting lines. The painting is carelessly done.

Painting similar to that on the Olbia sima has thus far not been found. In form, however, it corresponds fully to the simas from the Athenian acropolis,⁴⁰ from Eleusis⁴¹ and Aigina,⁴² where they are reliably dated to the 1/2 of the 6th c. B.C. The Aiginetan sima like the Olbian is ~~pointed~~⁴³ decorated with red-brown paint on a yellowish engobe.⁴³ Judging from the description, the tiles from Aigina and the Olbian sima are also similar in the characteristic admixtures present in their clay.

The archaic sima from Olbia may have been imported from Aigina in the 1/2 of the 6th c. B.C. It is known that rooftiles, many of which were stamped,⁴⁵ were produced on a large scale in Aigina at a very early time. On the other hand, as the materials cited above show, it can be established with a high degree of probability that there were trade relations between Olbia and Aigina in the 2/2 of the 6th and 1/2 of the 5th c.s B.C. It is quite possible that this trade began as early

(p.52) as the 1/2 of the 6th c. B.C. - the time from which the Olbia sima dates.

Aigina, which has a rocky soil little suited to the cultivation of grain crops, and therefore required a constant importation of grain, was until the middle of the 5th c. B.C. one of the principal trading and handicraft centers of Greece. Although Aigina's trade was oriented mainly toward the West and Egypt, the Aiginetans app'tly even in very early times also maintained trade relations with the Black Sea region. It has been suggested that to secure their supply of grain from the Pontos, the Aiginetans maintained a trading station there (AIGINA or AIGINHTHΣ).⁴⁶ The principal article of Aiginetan export consisted of the so-called minor items (PSHIOI), a synonym for which among the Greeks was the term "Aigina goods" (AIGINATAI EMTIOAH). This quite elastic concept app'tly referred to a great variety of handicraft wares.

p.53

⁴⁷ Certain agricultural products, particularly olive oil, were also exported. It is known that the production of pottery and trade in ceramic wares were widely developed on the island; this was the basis for ~~thexx~~ Aigina's epithet ~~XYTPO-~~ HIOAIZ - "trade-pots". All the facts mentioned above, together with the testimony of Hdt. (VII, 147), about the export of Pontic grain to Aigina, suggest that there were economic relations between Aigina and the Pontos in the 6th and 1/2 of the 5th c. B.C. (before the subjugation of ^{Aigina by} the Athenians in 456 B.C. and the final violent battle with the Aiginetans that followed soon after, in 431 B.C.). The volume of this trade was app'tly never great but nevertheless always played a definite role.

The identification of the amphora stamps of Mende found at Olbia has considerably expanded our ideas of the import of wine from this city to Olbia in the 5th century B.C.⁴⁸ Until recently the only evidence for the importation of Mendeian wine into the Northern Pontos cities was a mention in a speech by Demosthenes, Against Lakritos [Dem. XXXV, 10], where he is speaking of 3000 jars of Mendeian wine that were to be brought by 2 Athenian merchants to the Bosphoros or to Olbia. But there was no archaeological support for this statement. ~~xxx~~ ⁴⁹ The stamps on Mendeian amphoras, first identified by V. Grace, are extremely rare. At the

(p.53) present time acc. to my information, only 7 such stamps are known: 3 from Athens,
⁵⁰ 2 from Olbia, 1 from Kerch ⁵¹ and 1 from Mirmeki. The very fact that most of the
 Mendeian stamps known at present come from the Bl. Sea region shows that the trade
 relations of this center were largely oriented to the Pontic markets. It is evident
 that this was due in no small measure to the fact that Mende's trade was within
 the orbit of Athens' economic influence and depended to a large degree on the trading
 interests of the Athenians. The type of Mendeian stamps - Dionysos with a kantharos
 in his hand, reclining on a donkey (fig.10) - is copied from the silver tetradrachms
 of Mende, which were minted until ca. 423 B.C., when Mende, which had detached it-
⁵² self from Athens, was conquered by Nicaea. [Seltman, Greek Coins, London 1955,
 p. 140. See V. Grace, op. cit. p. 178, who for some reason supposes that these
 coins continued to be issued until 358 B.C., that is until Mende's conquest by
 Ph. II of Macedon.] This date also determines the time when the stamps ^{of Mende} were
 current - the 5th c. B.C. - with one possible exception, the stamps are anepi-
 graphic.

p. 54

The small number of Mendeian stamps, however, in no sense reflects the actual
 export volume of wine from this major and widely praised wine-growing center.
 A number of ancient authors testify to the wine of Mende, which was of very high
⁵³ grade. The stamping of pointed jars at Mende was app'tly never extensive but
 only sporadic. But the identification of the Mendeian stamp enabled V. Grace
 to identify a group of non-stamped amphoras of this city dated by archaeological
 (context) to the last quarter of the 5th c. B.C. ⁵⁴ [ref. to Amphoras, fig.43;
 "a somewhat different type of Mendeian amphora was identified by Zeest, Pottery amph.
 of the Bosphoros, etc., p.81, pl. VI. 17.] This has also made it possible to
 identify a number of fragments of unknown amphoras from Olbia as being products of
 Mende. Quite recently, in 1966 and 1967, 2 complete amphoras were found in the
 burials of the Elizabetovskaya cemetery in the Don river delta (fig.11). These
 last finds are of special interest in that they show that the high quality wine
 of Mende was in demand not only in the Gk. cities of the Bl. Sea region, but also

among the barbarians of the far steppes of the NE Bl. Sea region and around the Sea of Azov. The import of Mendeian wine to both the NW and the NE parts of the Bl. Sea region was apparently quite considerable, although it was not as great as the import from such important centers as Chios, for example.

The materials considered above show that one of the most important sources for discovering new centers with which the Bl. Sea region had trade relations, and also for defining more precisely the chronology and the volume of economic relationships of the previously known ^{contractors ?} trading agencies (?) of the north ^{Pontos} Black Sea cities, is the pottery, particularly pointed amphoras and their stamps. In recent years, great progress has been made in the identification and localization of a whole series of groups of pottery stamps of the total mass of stamps of unknown place of origin (loci incerti). Moreover researchers often use the so-called numismatic method of studying stamps. This method, which consists in comparing the figures on the stamps ("emblems" or "symbols") with coin types, makes it possible not only to localize the stamps but sometimes also to date them quite precisely. I used the numismatic method in identifying the stamps of Aigina and in attempting to clarify the role of this island in the trade relations of Olbia.

Of great importance in studying the economic relations of Olbia, as is clear from the materials we have considered, are the collections of finds from the excavations of the Olbian Agora and Temenos in recent years, particularly the northwestern part of the Olbian temenos (excavation E 9). Of considerable interest among these are the materials which add to our knowledge of the trade relations between Olbia and Samos.⁵⁵ Here in 1962, in one of the pits in which this area abounds, was found a complete amphora (fig.12), whose type until now has not been mentioned either in the northern Black Sea region or anywhere else. The clay of this amphora is dark pink in color, in places grading to brown; the clay is well ~~irrigated~~ mixed and very fine-grained. Admixtures in the form of minute golden flakes of mica and granules of lime (in places one finds pores left when the lime was burned away) are very few in number. The surface of the amphora is covered with a light-colored engobe. The vessel is well-formed and well-fired and has an elegant shape. All the material

storage
from the pit in which the amphora was found belongs to the end of the 6th and 1/2 of the 5th c. B.C. Thus the accompanying material, like the shape of the amphora itself, date it quite definitely to the 1/2 of the 5th c. B.C.

56

p.55

In the same year 1962, and in the same area, but in a different storage pit, [The material from this pit like that from the pit in which the complete amphora was found also does not go beyond the 1/2 of the 5th c. B.C.] was found the upper part (neck with handles and shoulders) of an amphora (fig.13) whose form and clay are the same as those of the amphora described above, down to the last detail. On one of its handles is impressed a small round anepigraphic stamp depicting a pointed amphora (fig.14). This illustration reproduces the type of the amphora itself on which it is stamped. The place of origin of this stamp could be identified only by means of the numismatic method. The closest parallels it turned out are provided by Samian coins. There is a series of silver and copper obols of Samos whose reverse side illustrates a pointed amphora. The shape of the amphora on the coins (fig.15) is close to that of the amphora on the stamp (fig.14) there to be sure it is shown more roughly, apparently because of the differences between clay and metal as material for a stamp). It is exactly the same as the shape of the complete amphora from Olbia. There can scarcely be any doubt that it was this amphora which served as the prototype for the illustration on the coins. This is why one is brought necessarily to the conclusion that both our stamp and the unstamped amphora are of Samian origin.

57

58

conclusion

The coins with the amphora representation belong to the periods of coin issues of Samos, which Gardner dates as 494-439 B.C. and 439-394 B.C. respectively. Our amphora can also be dated within these limits. It may be possible, however, to narrow this chronological framework somewhat. In the first place, as we have said, the conditions under which they were found do not permit us to assign the amphoras under consideration later than the first half of the 5th c. Secondly, the limitation of their dating to the 1/2 of the 5th c. B.C. can also it seems to me, be based on some considerations of Samian history. It is known

59

date

p.56

(p.56)

that Samos in the 1/2 of the 5th c. was one of the most powerful and economically developed of the Greek states. After the organization of the first Athenian maritime league and its joining by Samos, the island was in a privileged position, relative to the other members of the league; this was reflected primarily in the fact that the Samians were exempt from paying tribute to the league's treasury. Their participation in the league consisted of contributing ~~navar~~ naval contingents. I have already suggested that the political privileges of Samos (like those of Chios and Lesbos) in the Athenian League may also have been accompanied by economic privileges, particularly in regard to trade with the Black Sea region. This continued to 439 B.C., when, after the Athenians had put down the unsuccessful rebellion of Samos, the Samians not only lost their special position in the League but were also subjected to severe repression by Athens which caused the island serious economic loss. It is probable, moreover, that the Athenians' infringement on the economic interests of Samos began somewhat earlier, and that this was one of the causes of the uprising. In this respect there is an interesting remark by Thucydides (I, 117, 1) who stressed that after the initial victory over the Athenian fleet by the Samians, they "were rulers of the sea and imported and exported whatever they wished." [The Samians at this time "supplied themselves with as much as was necessary to wage war which they had not had before the war." Among these necessary goods would definitely have been grain, a considerable part of which undoubtedly came from the Black Sea.] These data compel us to conclude that the trade relations of Samos with the Black Sea region in the 5th century were limited to the first 6 decades; later they are unlikely or rather even impossible.

From the beginning of the Peloponnesian war the Athenians, it is known, established the most rigorous control over the Black Sea straits, excluding from trade with the Pontos not only their opponents, but also forcing the trade-relations of their allies with the Black Sea to be completely dependent on themselves. At this time there is no longer any basis for speaking of independent relations between

(p.56)

Samos and the Black Sea.

The fragments of amphoras of the type described here found at Olbia are very numerous. One must suppose that they are also present in the materials of other ancient cities not only in the NW part of the Bl. Sea region, but also the Bosporos.⁶⁴ [This suggestion (see KSIA 109, p.25) is supported particularly by the finding of an amphora of the type described above in one of the burials of the Elizabetovskaya cemetery on the Don river. See . . . KSIA 116, 1969. The finding of the 5th c. B.C. Samian amphora on the Don river shows that they were brought as far as the cities on the Bosporos, from which Greek imports were carried to the Don river region.] If their identification as Samian is correct, it would appear that the importation of Samian goods in pottery containers to Olbia in the 1/2 of the 5th c. was considerable, and the trade-relations between Olbia and Samos, which were intensive in the 6th c. B.C., continued to develop actively also in the 1/2 of the next century

p. 57

Exports from Samos to Olbia at this time were not limited to goods transported in amphoras. Other Samian goods, particularly pottery, also continued to arrive. The same pit in which the stamped amphora was found also yielded a fragmentary thickwalled hydria of characteristic Samian clay, decorated with dark bands (fig.16). This hydria can be traced back in type to the Samian hydrias found in the excavations at the Heraion, on Samos, which to be sure date from a much earlier time (9th to 8th cent.s B.C.).⁶⁵ The Olbian find, however, undoubtedly dates from the same time as the amphoras - that is, to the 1/2 of the 5th cent. B.C. or perhaps the 2/2 of the 6th c. Thin-walled Samian painted pottery also continued to be imported at that time.

The close economic relations of Samos with the northern Pontos cities are also well-testified by the archaeological material for the 6th c. B.C.⁶⁶ [. . . which cites the literature on the various centers of the N Bl. Sea area.] Finds of Samian wares are especially abundant in the early cultural levels of Nymphaia, where they are extraordinarily numerous in comparison to similar finds from other cities.⁶⁷

This abundance of Samian products at Nymphaia, like the elements of an agricultural

(p.57) (agrarian) cult found there have even given rise to the suggestion that the city
68
was founded by emigrants from Samos or that they at least took an active part in the
69
founding of Nymphaia by Ionian colonists. A whole series of scholars also think
that Samian coinage had an influence on the early coin types of Panticapaion (the
muzzle, he says 70
lion's mask on the obverse of the Panticapaion coins). [. . . See however the
objection of D.B.Shelov, Coinage of the Bosporus, Moscow 56, p.17 (in Russian)]

p. 58 All these materials and remarks apply however only to the 6th c. B.C. For later
times there were no materials from which to judge the relations of Samos with the
northern Bl. Sea region. The materials from the Olbia excavations of recent years
enable us to say (although ~~must~~ still very cautiously) that these relations also
continued into the 1/2 of the 5th century B.C. At this time Samos probably con-
tinued to play a considerable part in the economic relations both of the NW Bl. Sea
region, particularly Olbia, and also the NE part (the Bosporus).

The new materials from Olbia provide the basis for a more concrete picture
of the economic relations of the NW Bl. Sea region at the end of the 6th to the
4th centuries B.C. in general. Until recently the predominant ~~view~~ view was that
from the time of the Greco-Persian wars the relations of Athens with the Bl. Sea
region completely supplanted the relations of this region with all the other Greek
71
centers. This view was also shared by the author of the present article. This
view however, it is now clear, excessively simplifies the picture of the economic
relations of the Bl. Sea region at this time. Although the Athenians in the 1/2 of the
5th c. actually did dominate the Pontic markets, this nevertheless did not complete-
ly put an end to the economic relations of the Bl. Sea region with the remaining
Greek centers; they continued to play a marked and active role in the economic
life of the Euxine Pontos, particularly its northern coast. The NW Bl. Sea region
and obviously the entire northern Pontos, continued to maintain extensive trade
with the various Medit. centers in the 1/2 of the 5th c. B.C. as well. Sharp
changes in the economic relations of the Pontic cities can be seen after the
Athenians established actual control over the Bl. Sea straits at the beginning

(p.58) of the Peloponnesian war. Thus for example in the northern Pontos cities the Medit. trading partners were replaced by the southern Pontos cities, especially by Pontic Herakleia and Sinope. The Peloponnesian war and the establishment of strict control by the Athenians over the straits evidently gave the decisive push to the development of intraPontic trade-relations, but this is a subject for special study.⁷²

The new materials from the Olbia excavations that we have considered in this article yield a more concrete picture of its trade relations over the long interval from the 6th to the 2/2 of the 4th century B.C. There can be no doubt that careful study of the truly enormous accumulation of material from the Olbia excavations as well as future finds will contribute much to the study of the history of the trade-relations of the N Bl. Sea region.

(Note in the captions in several languages that the references are only in the Russian version.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

116

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

[5.01]

6.01

30.XII.76

Elizabetov

field investigations

gion in Ancient Times,

cted the attention

avations there were

d West Group of mounds

object of study here

tirely disappeared

excavation of these

little expenditure

complexes which are

y. The latest ex-

ntial.

estigations, subse-

ot to be found. The

ly completely dis-

p of (some kind of

tracting of this

tween the mounds

ounds are situated

zero, and sometimes

re not very large -

se mounds most

y a v. small group

ly larger dimensions

); they do not form

a complex group but judging by the part of the cemetery that is free from any

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

[5.01]

*rec'd ca.
2.11.72
sch. inst. det.*

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

116

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

отдельный оттиск

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1969

Cordial welcome
Ym.

И. Б. БРАШИНСКИЙ, А. И. ДЕМЧЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЯ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Investigation

В 1966 г. *7 = Zhelezovskaya mound*

Елизаветовский курганный могильник на нижнем Дону давно привлекает внимание исследователей¹. После некоторого перерыва его раскопки были продолжены в 1965—1966 гг. Работы велись в так называемой Западной группе курганов на южной окраине хут. Городище (рис. 42). Объектом изучения здесь были малые курганы, насыпи которых либо полностью исчезли, либо сохранились на незначительную высоту. Раскопка этих курганов позволяет в короткое время при сравнительно небольшой затрате средств получить значительную серию хорошо документированных комплексов, абсолютно необходимых для дальнейшего изучения Елизаветовского могильника. Последние раскопки еще раз подтвердили эту необходимость.

На доступной для исследования территории могильника позднейшие разрушения, за исключением грабительских раскопок, отсутствуют. Насыпи же курганов в большинстве случаев практически полностью исчезли в результате естественной эрозии, так как они состоят из супесчанистого грунта, из которого сложен остров. Ввиду длительной выборки грунта для насыпки курганов, дневная поверхность между насыпями изрезана неглубокими (до 0,70—1,00 м) западинами. Поскольку насыпи располагались очень тесно, их высотные отметки зачастую близки к условному нулю, а иногда и ниже его.

Диаметры заметных на глаз насыпей невелики — 6—7 м; высота их — 0,10—0,70 м; в плане эти курганы чаще всего образуют почти правильную окружность. Лишь небольшую группу составляют курганы удлиненной в плане формы. Они имеют значительно большие размеры (приблизительно 10—11 × 14—15 м при высоте до 1 м); они не составляют компактной группы, но, судя по свободной от застройки части могильника, сосредоточены главным образом в его северо-западной части.

Погребения находятся на небольшой глубине (0,40—0,70 м) от уровня древнего горизонта, который практически равен современному.

Все сказанное приводит к заключению о необходимости раскапывать «малые» курганы так же, как грунтовые могильники, т. е. широкой площадью. В связи с этим необходимо отметить, что употребляемый нами тер-

¹ См.: В. П. Ш и л о в. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. «Известия Ростовского обл. музея краеведения», № 1(3), 1959, стр. 13 сл.; он же. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 1, стр. 150 и сл.; он же. Ушаковский курган. СА, 1966, № 1, стр. 174 и сл.; И. Б. Зеест. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19, 1951, стр. 121 и сл.; И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 3, стр. 178 и сл.

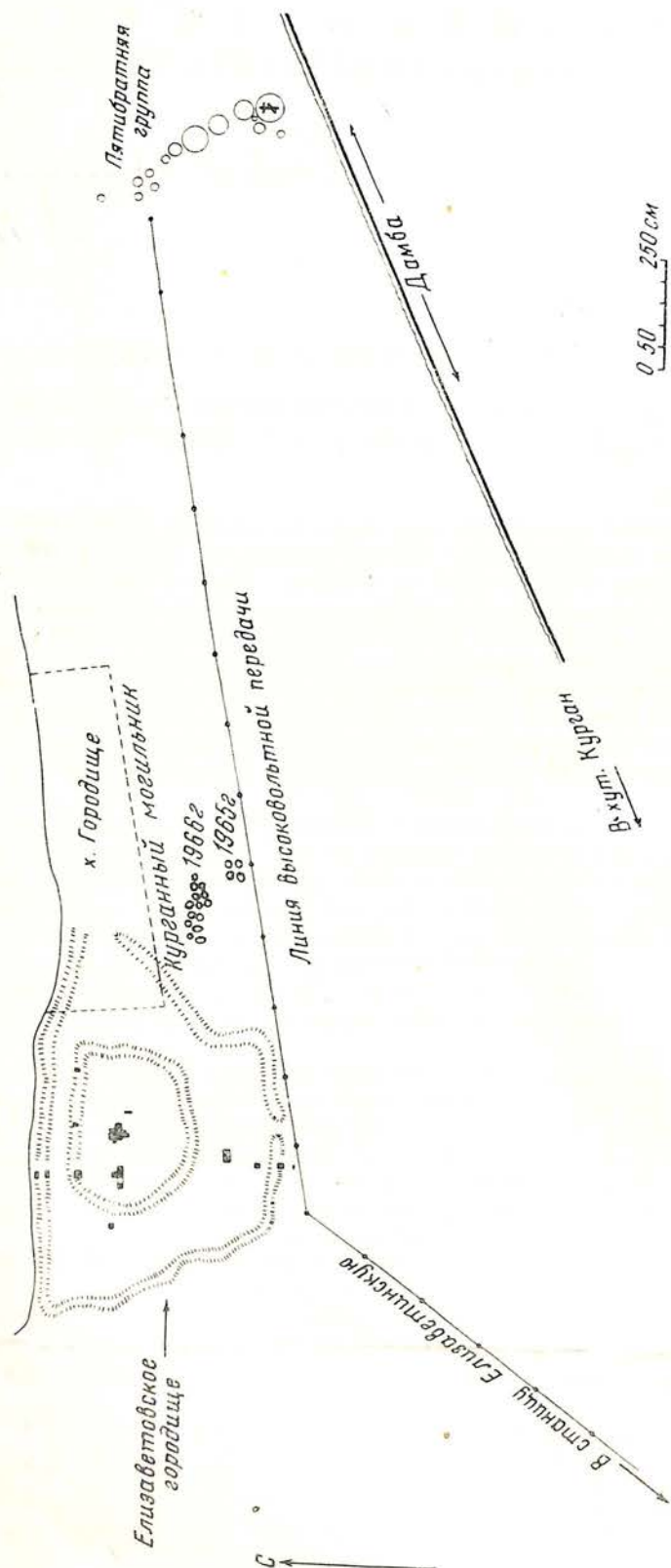

Рис. 42. Схематический план Елизаветовского городища и курганного могильника

мин «курган» зачастую весьма относителен — при раскопке видимой насыпи часто вскрывались также погребения, насыпь над которыми была полностью разрушена и границы ее фиксировались лишь по кольцевому ровику, образовавшемуся в результате выборки грунта. Последнему наблюдению способствовали древние наводнения, оставившие на дне ровиков отложения чистого речного песка. В некоторых случаях эти отложения перекрывали и сами насыпи.

Раскопками 1965—1966 гг. вскрыто 11 видимых насыпей, под которыми открыто 33 погребения (в 1966 г. — 22). Шесть из них принадлежат различным культурам эпохи бронзы, остальные 27, связанные с Елизаветовским городищем, — скифскому времени.

Обнаружение погребений ямной, катакомбной и срубной культур эпохи бронзы на острове в дельте Дона чрезвычайно интересно, так как они указывают не только на раннее существование самого острова, но и на начало его освоения не позднее начала II тыс. до н. э. и непрерывную жизнь на нем. Вместе с тем этот факт уточняет ареал культур эпохи бронзы Северного Приазовья — Нижнего Подонья.

Безусловный интерес представляет небольшая, но довольно выразительная серия погребений скифского времени. К сожалению, не в каждой могиле удавалось проследить все элементы погребального обряда. Но их повторяемость и однообразие столь велики, что позволяют говорить об обряде всей серии в целом.

Погребения совершены в вытянутых прямоугольных ямах, торцовые стенки которых слегка закруглены. Сверху ямы перекрывались камышом или деревянными плахами. В некоторых случаях перекрытие было частично обожжено. Положение погребенных очень устойчиво: все они лежат в вытянутом положении на спине, в подавляющем большинстве случаев головой на запад. Лишь в трех случаях отмечено отклонение в ориентировке: в кургане № 9 (1965 г.)² — на юг, в кургане № 19 — на север и в кургане № 27, погребение 7 — на восток.

Не менее устойчив и набор вещей в могилах. Как правило, в погребении лежат амфора и лепная миска, которые находятся рядом с костями животного. В ряде случаев, помимо этих сосудов, в могилу положен килик (чернолаковый или чернофигурный) или скифос. Все эти предметы всегда лежат в ногах погребенного, в восточной части могилы.

В ряде погребений удалось зафиксировать деталь погребального обряда, до сих пор не отмечавшуюся: под горлом амфоры лежит сосуд для питья — килик, лепной одноручный кувшин — кубок и т. д. Следовательно, амфора не ставилась, а клалась в могилы, глубина которых к тому же всегда меньше высоты амфор. Очевидно также, что амфоры не клались в могилы наполненными вином (возможно, оно выпивалось во время трапезы). Сочетание амфоры с положенным под нее сосудом для питья символически олицетворяло возлияние. Эта характерная деталь погребального обряда в «малых» курганах, до сих пор не отмеченная, трижды встречалась и при раскопках А. А. Миллера³.

Набор оружия в мужских погребениях стандартен. Это — копье или дротик (редко), короткий меч-акинак или кинжал и стрелы с железными или бронзовыми наконечниками. Все эти предметы вооружения занимают в могиле обычное положение, хорошо известное в скифских погребениях Северного Причерноморья.

² Курганы № 1—7 раскопаны В. П. Шиловым в 1954 г. Продолжаем нумерацию курганов В. П. Шилова.

³ А. А. Миллер. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 229 и сл., рис. 20—22 (курган № 6 — под горлом амфоры краснофигурная котила V в. до н. э.); стр. 237, рис. 35 (курган № 9 — под горлом одной из трех амфор чернолаковая котила); стр. 239, рис. 45 (курган № 26 — под амфорами — их три — краснофигурная котила).

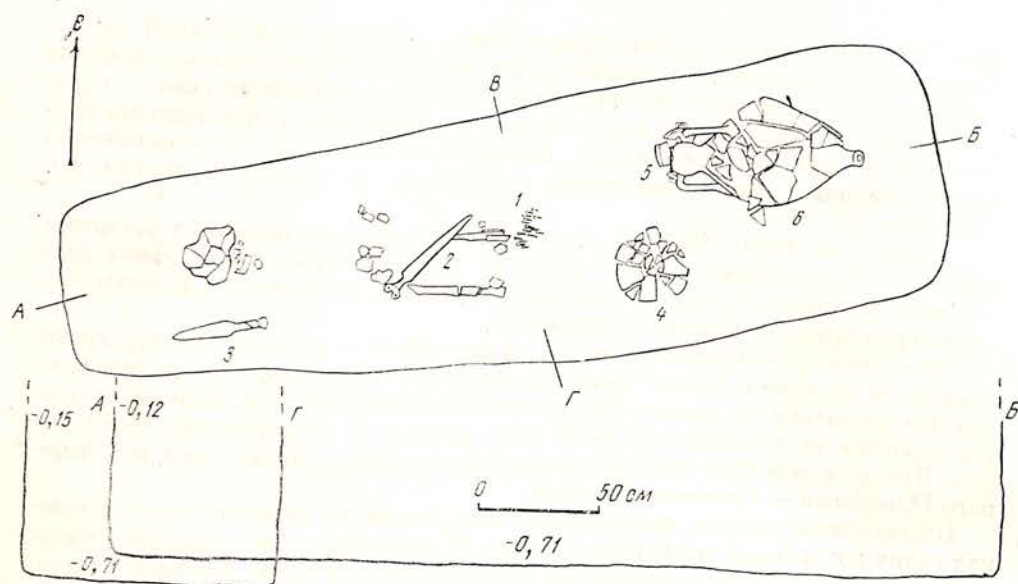

Рис. 43. Елизаветовский могильник. Курган № 15. Погребение

1 — наконечник стрел; 2 — железный меч; 3 — железный наконечник копья; 4 — лепной сосуд; 5 — чернолаковый килик; 6 — амфора

Во всех без исключения курганах были обнаружены остатки тризн. Хорошо они сохранились лишь в курганах № 15 и 17, но обломки амфор, лепных сосудов и кости животных найдены повсеместно.

Наибольший интерес среди раскопанных погребений представляет группа могил, относящаяся к началу — первой половине V в. до н. э.⁴ — наиболее древние захоронения Елизаветовского могильника.

К числу их относятся захоронения в курганах № 13, 15, 19, 25.

Типичным погребением этой группы является мужское погребение в кургане № 15 (рис. 43)⁵. Скелет погребенного, как и кости во всех прочих могилах, сохранились очень плохо. Инвентарь погребения включает оружие: копье, лежавшее справа от костяка (наконечник копья — на уровне черепа), меч-акинак, положенный поперек тела погребенного от правой руки к левому бедру, горит (несохранившийся), в котором уцелели железные и бронзовые наконечники стрел — у левого бедра. У ног погребенного в правой части лежала хиосская пухлогорлая амфора, под горлом которой стоял аттический чернолаковый килик; несколько выше горла амфоры слева лежала лепная лощеная миска.

Дата захоронения определяется прежде всего греческой привозной керамикой — амфорой и киликом. Амфора (рис. 44, 1) принадлежит к широко распространенному типу хиосских пухлогорлых амфор той разновидности, которая датируется первой половиной V в. до н. э.⁶ Амфора была положена

⁴ Предположение о том, что в Елизаветовском могильнике будут найдены захоронения этого времени, было в свое время высказано В. П. Шиловым (раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг., стр. 26). Правда, предположение это основывалось на принятой тогда, а позднее опровергнутой тем же В. П. Шиловым, датировке Ушаковского кургана VI в. до н. э. Теперь В. П. Шилов убедительно датирует курган первой половиной IV в. до н. э. (Ушаковский курган, стр. 174 и 191).

⁵ Не даем описания характера насыпи, могильной ямы, ориентировки и т. д., поскольку они полностью соответствуют данному выше описанию особенностей, характерных для всех раскопанных курганов.

⁶ См.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, тип 11, табл. III; V. Grase. Amphoras and the Wine Trade. Princeton, 1961, рис. 44, третья амфора слева.

⁷ См.: Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднпровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. САИ, вып. Д 1—27, 1966, табл. IX, 9; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, рис. на стр. 133.

блечения — она
ы следы по-
олаковый ат-
ный ему ки-
умской обл.⁷
рой четверти

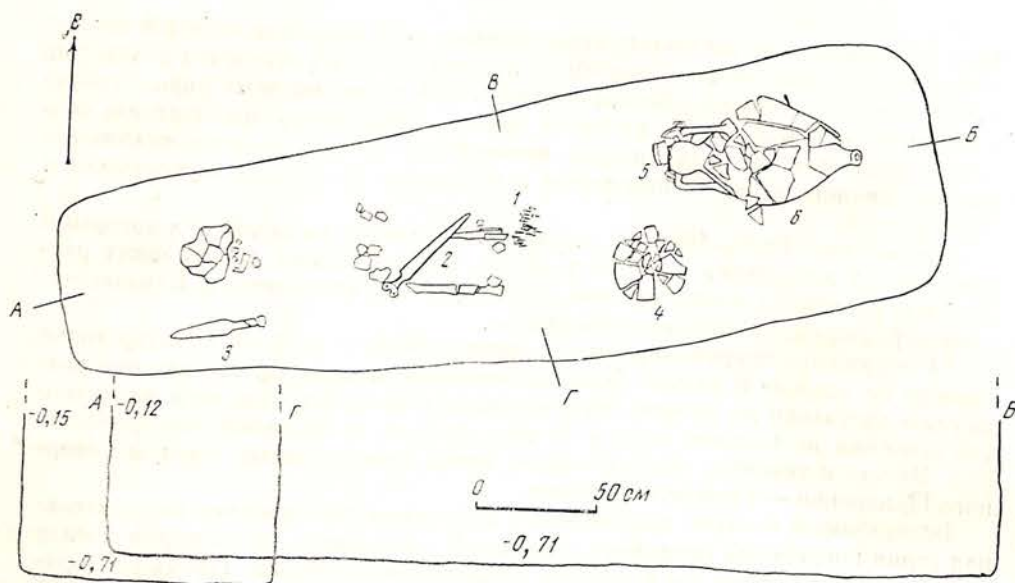

Рис. 43. Елизаветовский могильник. Курган № 15. Погребение

1 — наконечник стрел; 2 — железный меч; 3 — железный наконечник копья; 4 — лепной сосуд; 5 — чернолаковый килик; 6 — амфора

Во всех без исключения курганах были обнаружены остатки тризн. Хорошо они сохранились лишь в курганах № 15 и 17, но обломки амфор, лепных сосудов и кости животных найдены повсеместно.

Наибольший интерес среди раскопанных погребений представляет группа могил, относящаяся к началу — первой половине V в. до н. э.⁴ — наиболее древние захоронения Елизаветовского могильника.

К числу их относятся захоронения в курганах № 13, 15, 19, 25.

Типичным погребением этой группы является мужское погребение в кургане № 15 (рис. 43)⁵. Скелет погребенного, как и кости во всех прочих могилах, сохранились очень плохо. Инвентарь погребения включает оружие: копье, лежавшее справа от костяка (наконечник копья — на уровне черепа), меч-акинак, положенный поперек тела погребенного от правой руки к левому бедру, горит (несохранившийся), в котором уцелели железные и бронзовые наконечники стрел — у левого бедра. У ног погребенного в правой части лежала хиосская пухлогорлая амфора, под горлом которой стоял аттический чернолаковый килик; несколько выше горла амфоры слева лежала лепная лощеная миска.

Дата захоронения определяется прежде всего греческой привозной керамикой — амфорой и киликом. Амфора (рис. 44, 1) принадлежит к широко распространенному типу хиосских пухлогорлых амфор той разновидности, которая датируется первой половиной V в. до н. э.⁶ Амфора была положена

⁴ Предположение о том, что в Елизаветовском могильнике будут найдены захоронения этого времени, было в свое время высказано В. П. Шиловым (раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг., стр. 26). Правда, предположение это основывалось на принятой тогда, а позднее опровергнутой тем же В. П. Шиловым, датировке Ушаковского кургана VI в. до н. э. Теперь В. П. Шилов убедительно датирует курган первой половиной IV в. до н. э. (Ушаковский курган, стр. 174 и 191).

⁵ Не даем описания характера насыпи, могильной ямы, ориентировки и т. д., поскольку они полностью соответствуют данному выше описанию особенностей, характерных для всех раскопанных курганов.

⁶ См.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, тип 11, табл. III; V. Grace. Amphoras and the Wine Trade. Princeton, 1961, рис. 44, третья амфора слева.

Рис. 44. Елизаветовский могильник. Вещи из погребений.

1—5 — курган № 15; 6, 7 — курган № 25; 8 — курган № 13

в могилу, очевидно, после более или менее длительного употребления — она была разбита и затем реставрирована еще в древности (видны следы починки в виде просверленных дырочек для скрепления). Чернолаковый аттический килик (рис. 44, 2) позволяет уточнить дату. Аналогичный ему килик найден в кургане № 2 у с. Аксютинцы Роменского р-на Сумской обл.⁷ Подобные килики датируются концом первой — началом второй четверти

⁷ См.: Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. САИ, вып. Д 1—27, 1966, табл. IX, 9; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, рис. на стр. 133.

V в. до н. э. (480—470) ⁸. Лепная лощеная миска (рис. 44, 3), как и амфора, имеет следы древней починки. У нее плоское дно и прямые расходящиеся стенки. Обломки мисок подобного типа встречаются и на Елизаветовском городище ⁹.

Оружие из погребения также характерно для конца VI — первой половины V в. до н. э. Меч с антенным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 44, 4) принадлежит к I подотделу II отдела скифских мечей, по классификации А. И. Мелюковой ¹⁰. Длина его 48,5 см (длина лезвия с перекрестием — 38 см). Наконечник копья (рис. 44, 5) весьма массивен (длина его 39,5 см, длина пера — 23 см); он принадлежит к типу лавровых наконечников без ребра на пере (3-й вариант 3-го типа I отдела, по классификации А. И. Мелюковой) ¹¹.

Как видим, весь инвентарь погребения не выходит за пределы первой половины V в. до н. э. Очевидно, захоронение должно датироваться второй четвертью V в. и является, таким образом, одним из наиболее древних известных в настоящее время в Елизаветовском могильнике.

К близкому (возможно, даже несколько более раннему) времени относится женское погребение в кургане № 25. Погребение ограблено. От погребального инвентаря сохранились бронзовое височное кольцо, бусы (глиняные, пластовые глазчатые и стеклянные), амфора и килик. Как и в погребении кургана № 15, килик лежал под горлом амфоры у ног погребенной.

Амфора (рис. 44, 6) принадлежит к редкому типу, который недавно был предположительно отнесен к продукции Самоса ¹². Датироваться подобными амфорами, как и пухлогорлые хиосские, первой половиной V в. до н. э.

Большой интерес представляет аттический чернофигурный килик из погребения (рис. 44, 7) — первый целый чернофигурный сосуд, найденный в Елизаветовском могильнике. Глубокий килик имеет низкую ножку; на противоположных сторонах стенок его — изображения двух одинаковых «туалетных» сцен. Пространство между этими композициями заполнено пальметками и побегими плюща. Роспись беглая, небрежная, но с применением врезных линий для обозначения складок одежды и т. д. Точных аналогий нашему килику пока найти не удалось. Однако датировка его особыми трудностей не вызывает: по форме сосуда и характеру росписи он относится к первой четверти V в. до н. э., скорее всего к концу этого периода. Таким образом, погребение в кургане № 25 также датировается второй четвертью V в. до н. э.

Большой интерес представляет и второй чернофигурный килик из мужского погребения № 13 (рис. 44, 8) ¹³. Он также относится к числу поздних изделий массового производства. На противоположных сторонах стенок килика помещены два одинаковых изображения: Силена с тирсом в вытянутой руке преследует убегающую Менаду с тимпаном в руке. По Дж. Бизли, наш килик принадлежит к подгруппе *Lai-cut* группы Хаймона ¹⁴ и датируется по находкам в Олинфе и на афинской агоре — первой четвертью V в. до н. э. ¹⁵

⁸ *Pots and Pans of Classical Athens*, by B. O. Sparkes and L. Talcott. Excavations of the Athenian Agora. Picture Book, № 1, 1961, рис. 11 (слева).

⁹ См.: Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 166, рис. 48, 2 (5-й тип).

¹⁰ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д 1—4, 1964, стр. 53 и сл., табл. 20.

¹¹ Там же, стр. 38 и сл., табл. 13.

¹² И. Б. Брашинский. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 22 и сл. рис. 2, 3.

¹³ Ср.: CVA. France, 13. Musée national de Sèvres, табл. 17, 10, 14.

¹⁴ J. D. Beazley. Attic Black — Figure Vase — Painters. Oxford, 1956, стр. 576 и сл.

¹⁵ D. M. Robinson. Vases found in 1934 and 1938, Olynthus, XIII, 1950 стр. 54 и сл., табл. 12, 4—7. Как указывает Робинсон, в Олинфе эти килики не могут быть намного позднее 500 г. до н. э.

В погребении кургана № 13 была также лепная плоскодонная миска, аналогичная миске из кургана № 15. Это погребение, как и описанные выше, датируется не позднее второй четверти V в. до н. э.

Остальные раскопанные погребения, давшие многочисленные и интересные находки предметов вооружения и керамики, относятся преимущественно ко второй половине V и IV вв. до н. э. Важны находки разнообразных амфор, некоторые типы которых встречены впервые не только в Елизаветовском могильнике, но и вообще в северном Причерноморье. Большой интерес представляет и коллекция лепных сосудов, которые получают надежную дату благодаря комплексу остального инвентаря.

Важнейшим итогом раскопок Елизаветовского могильника в 1966 г. является, как сказано, открытие ряда погребений первой половины V в. до н. э. Этот факт имеет большое значение для истории как самого могильника и Елизаветовского поселения, так и для истории Нижнего Подонья в целом. Если до недавнего времени общепринятым считалось, что Елизаветовский курганный некрополь не выходит за рамки IV—III вв. до н. э. ¹⁶ (лишь два погребения могли быть отнесены ко второй половине — концу V в. до н. э. ¹⁷), то теперь становится ясным, что могильник существовал уже во всяком случае в первой половине V в. до н. э. Поскольку еще А. А. Миллер и Т. Н. Книпович справедливо отметили тесную связь Елизаветовского могильника с городищем ¹⁸, очевидно, что углубление датировки могильника должно повлечь за собой и соответствующие коррективы в датировке Елизаветовского городища (что, кстати, подтверждается и материалами из его раскопок).

Благодаря работам 1966 г. заполняется лакуна между временем существования эмпория близ Таганрога (середина — вторая половина VI в. до н. э.) ¹⁹ и предполагавшимся началом существования Елизаветовского поселения в качестве центра греко-скифской торговли в дельте Дона (рубеж V и IV вв. до н. э.) ²⁰. Теперь выясняется, что торговый центр на месте Елизаветовского городища существовал во всяком случае уже в первой половине V в. до н. э., вероятно, с начала столетия, если не раньше.

Раскопки 1966 г. подтвердили местный характер Елизаветовского могильника, что позволяет говорить и о местном характере поселения ²¹. Можно полагать, что Елизаветовское поселение было до основания Танаиса тем конечным пунктом, где происходил торговый обмен между греками и туземными племенами. Страбон, как известно, сообщает ²², что выше устья реки Танаиса грекам была известна лишь небольшая часть территории потому, что кочевники препятствовали их проникновению в глубь страны. Вероятно, таким же положение было и за несколько веков до Страбона, во время существования жизни на Елизаветовском городище.

Дальнейшие исследования Елизаветовского городища и могильника, несомненно, представят новые важные данные для воссоздания истории Нижнего Подонья античного периода.

¹⁶ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 187; И. Б. Зеест. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя, стр. 123. Лишь Ушаковский курган датировался, и как теперь выясняется, неправильно, значительно более ранним временем (см. выше, стр. 114, прим. 4).

¹⁷ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 123, прим. 2; В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. стр. 23, 26.

¹⁸ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 123, сл.; Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 187.

¹⁹ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 8.

²⁰ Там же, стр. 9.

²¹ В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 26.

²² Strabo, XI, 2, 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955
 АДЖ — Античная декоративная живопись на юге России
 АИБ — Археология и история Боспора
 БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
 ГХМ — Государственный Херсонесский историко-археологический музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
 ДСИФ — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ
 ДТМАО — Древности. Труды Московского Археологического общества
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИА — Институт археологии АН СССР
 ИАДВ — Известия на Археологического дружество гр. Варна
 ИАДК — История и археология древнего Крыма
 ИБАД — Известия на Българского Археологического дружество
 ИАК — Известия императорской археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КАМ — Культура античного мира. Сб. в честь В. Д. Блаватского
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НС — Нумизматика и сфрагистика
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты императорской Археологической комиссии
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников СССР
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СИЭ — Советская историческая энциклопедия
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея
 Труды ОАМ ГЭ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
 ХС — Херсонесский сборник
 АА — *Archäologischer Anzeiger*
 АМ — *Jahrbuch des Deutschen Archäol. Instituts. Athenische Mitteilungen*
 АЖА — *American Journal of Archaeology*

①

Fig: 44, 6.

S.026

x 25 Fig. 44, 7.
w49

S.036

I. B. Brashinsky, A. I. Demchenko, "Investigations of the Elizabetov cemetery in 1966," Brief Communications about the reports and field investigations of the Institute of Archeology, No.116, The North Black Sea Region in Ancient Times, pp. 111-117, Moscow, 1969.

p.111 The Eliz.mound-cemetery in the lower Don region has attracted the attention of scholars for a long time. ¹ After a brief interruption, excavations there were continued in 1965-6. The work was carried out in the so-called West Group of mounds in the southern sector of the Gorodishche farm (fig 42). The object of study here was the small mounds, the earth filling of which had either entirely disappeared or had been retained only to a very insignificant height. The excavation of these mounds enables one in a very short time and with comparatively little expenditure of resources to obtain a significant number of well-documented complexes which are absolutely essential for any further study of the Eliz. cemetery. The latest excavations have once again confirmed the fact that they are essential.

In the terrain of the cemetery which was available for investigations, subse-
apart from
quent destruction, ~~with the exception of~~ robbery diggings, is not to be found. The earth fill of the mounds in the majority of cases has practically completely disappeared as a result of natural ^eerosion since they are made up of (some kind of sand) of which this island is composed. Because of the long extracting of this bottom (sand) for the earth filling for the mounds, the ~~day~~ surface between the mounds is cut by shallow (from .70 to 1.00) indentations. Since the mounds are situated v. close together, their tops are frequently close to arbitrary zero, and sometimes even lower than that.

The diameters of the mounds which are visible to the eye are not very large - 6 to 7 meters; their ht. - is .10 to .70 meters; in form, these mounds most frequently ~~are~~ form an almost exact circularity. There is only a v. small group of mounds which have an elongated shape. These have significantly larger dimensions (approx. 10 to 11 by 14 to 15 meters. with a ht of up to 1 meter); they do not form a compact group but judging by the part of the cemetery that is free from any

(p.111) buildings, they are concentrated chiefly in its NW section.

The burials are found at a sl. depth (.40 to .70 meters) from the level of the ancient horizon, which is practically the same as today's.

p.111/3 All that we have said leads to the conclusion that it is necessary to excavate the "small" mounds as well as the (hardpan) ^{burial sites} ~~XXXX~~, that is in the wide square. In this connection we must mention the fact that when we use the term "mound" it is very frequently quite relative - in excavating a visible mound, there were often uncovered other burials the filling over which had been completely destroyed and its boundaries were fixed only by a little ditch surrounding it which had been formed as a result of digging the hardpan. [i.e. to make the mound] This last observation was facilitated by ancient floods which left on the bottom of the little ditches traces of pure river sand. In some cases these traces covered over the mounds themselves.

During the excavations of 1965-6 11 visible mounds were opened, under which there were discovered ~~4~~ 33 burials (in 1966 - 22). Six of these belong to various cultures of the Bz Age, the remaining 27 which are connected with the Eliz. town belong to the Scythian period.

The discovery of burials of pit, catacomb, and hewn cultures of the Bz. Age on an island in the delta of the Don is extraordinarily interesting, since they point not only to the early existence of the island itself but also to the beginning of its being inhabited not later than the beginning of the 2nd millennium B.C., and of uninterrupted life on the island. And at the same time this fact clarifies the areal spread (?) of the Bz. Age cultures in the region of the N Azov and the lower Don.

Of Unusual interest is the small but quite ^{striking} ~~expressive~~ number of burials of the Scythian period. Unfortunately ~~it~~ we did not succeed in investigating all the elements of the burial ritual in each of the graves. But their duplication and similarity is so great that we can speak about the ritual of the entire group as a whole.

The burials were made in extended rectangular pits, the wooden-blocked walls of which were slightly rounded. ~~Toward~~ ^{At} the top the pits were covered by rush or wooden

6.03

(p.113)

lids. In some instances the lid was partially burned. The position of the remains was always the same: they all lay in the extended position on their backs and in the great majority of cases with the head to the W. Only in 3 instances did we note a deviation from this orientation: in Mound No. 9 (1965) ² - facing S, in Mound No. 19, to the N and in Mound No.27, burial no. 7 to the E.

No less constant was the selection of items in the graves. As a rule in the burial there was an amphora, a moulded ^{and modelled} [i.e. not wheel-made, app'ly] bowl which were found alongside animal bones. In a number of cases in addition to these vessels there was also placed in the grave a kylix (black glazed or black figured) or a skyphos. All these objects were always found at the Feet of the deceased in the E part of the grave.

In a number of burials we succeeded in establishing the details of the burial ritual which had previously not been noted: under the neck of the amphora there lay a vessel for drinking - a kylix, or a moulded one-handled pitcher - a goblet, etc. Consequently the amphora was not set upright but laid in the graves, the depth of which moreover was always less than the height of the amphoras. It was obvious also that the amphoras were not placed in the grave filled with wine (it is possible that it had been consumed during the funeral banquet). The combination of an amphora with a drinking vessel placed beneath it symbolically personified a libation. This characteristic detail of the burial ritual in the "small" mounds which had been noted heretofore was encountered on 3 occasions in the excavations made by A. A. Miller. ³
[Series of examples of cups ^{in the neck} under amphora necks.]]

The selection of weapons in the male burials is standard. That is to say, a spear or a ~~dart~~ javelin (rarely) a short sword-akinak or a dagger and arrows with iron or bz arrowheads. All of these weapons occupy a special position in the grave which is very well-known in the Scythian burials of the N Black Sea region.

p.114

In all mounds without exception were discovered the remains of funeral feasts. They were well-preserved only in mounds 15 and 17, but ^{of amphoras and of} the fragments ^{of} handmade vessels and animal bones were found in all.

I. B. Brashinsky, A. I. Demchenko, "Investigations of the Elizabetov cemetery in 1966," Brief Communications about the reports and field investigations of the Institute of Archeology, No.116, The North Black Sea Region in Ancient Times, pp. 111-117, Moscow, 1969.

p.111

The Eliz.mound-cemetery in the lower Don region has attracted the attention of scholars for a long time. After a brief interruption, excavations there were continued in 1965-6. The work was carried out in the so-called West Group of mounds in the southern sector of the Gorodishche farm (fig 42). The object of study here was the small mounds, the earth filling of which had either entirely disappeared or had been retained only to a very insignificant height. The excavation of these mounds enables one in a very short time and with comparatively little expenditure of resources to obtain a significant number of well-documented complexes which are absolutely essential for any further study of the Eliz. cemetery. The latest excavations have once again confirmed the fact that they are essential.

In the terrain of the cemetery which was available for investigations, subsequent destruction, ^{apart from} ~~with the exception of~~ robbery diggings, is not to be found. The earth fill of the mounds in the majority of cases has practically completely disappeared as a result of natural ~~erosion~~ ^{erosion} since they are made up of (some kind of sand) of which this island is composed. Because of the long extracting of this (sand) for the earth filling for the mounds, the ^{bottom} day surface between the mounds is cut by shallow (from .70 to 1.00) indentations. Since the mounds are situated v. close together, their tops are frequently close to arbitrary zero, and sometimes even lower than that.

The diameters of the mounds which are visible to the eye are not very large - 6 to 7 meters; their ht. - is .10 to .70 meters; in form, these mounds most frequently ~~are~~ form an almost exact circularity. There is only a v. small group of mounds which have an elongated shape. These have significantly larger dimensions (approx. 10 to 11 by 14 to 15 meters, with a ht of up to 1 meter); they do not form a compact group but judging by the part of the cemetery that is free from any

(p.111) buildings, they are concentrated chiefly in its NW section.

The burials are found at a sl. depth (.40 to .70 meters) from the level of the ancient horizon, which is practically the same as today's.

p.112/3 All that we have said leads to the conclusion that it is necessary to excavate the "small" mounds as well as the ^{burial sites} (hardpan] ~~mxs~~, that is in the wide square. In this connection we must mention the fact that when we use the term "mound" it is very frequently quite relative - in excavating a visible mound, there were often uncovered other burials the filling over which had been completely destroyed and its boundaries were fixed only by a little ditch surrounding it which had been formed as a result of digging the hardpan. [i.e. to make the mound] This last observation was facilitated by ancient floods which left on the bottom of the little ditches traces of pure river sand. In some cases these traces covered over the mounds themselves.

During the excavations of 1965-6 11 visible mounds were opened, under which there were discovered 33 burials (in 1966 - 22). Six of these belong to various cultures of the Bz Age, the remaining 27 which are connected with the Eliz. town belong to the Scythian period.

The discovery of burials of pit, catacomb, and hewn cultures of the Bz. Age on an island in the delta of the Don is extraordinarily interesting, since they point not only to the early existence of the island itself but also to the beginning of its being inhabited not later than the beginning of the 2nd millennium B.C., and of uninterrupted life on the island. And at the same time this fact clarifies the areal spread (?) of the Bz. Age cultures in the region of the N Azov and the lower Don.

Of unusual interest is the small but quite ^{striking} ~~expressive~~ number of burials of the Scythian period. Unfortunately ~~it~~ we did not succeed in investigating all the elements of the burial ritual in each of the graves. But their duplication and similarity is so great that we can speak about the ritual of the entire group as a whole.

The burials were made in extended rectangular pits, the wooden-blocked walls of which were slightly rounded. ^{On At} ~~Toward~~ the top the pits were covered by rush or wooden

(p.113)

lids. In some instances the lid was partially burned. The position of the remains was always the same: they all lay in the extended position on their backs and in the great majority of cases with the head to the W. Only in 3 instances did we note a deviation from this orientation: in Mound No. 9 (1965)² - facing S, in Mound No. 19, to the N and in Mound No.27, burial no. 7 to the E.

No less constant was the selection of items in the graves. As a rule in the burial there was an amphora, a moulded [i.e. not wheel-made, app'ly] bowl which were found alongside animal bones. In a number of cases in addition to these vessels there was also placed in the grave a kylix (black glazed or black figured) or a skyphos. All these objects were always found at the Feet of the deceased in the E part of the grave.

In a number of burials we succeeded in establishing the details of the burial ritual which had previously not been noted: under the neck of the amphora there lay a vessel for drinking - a kylix, or a moulded one-handled pitcher - a goblet, etc. Consequently the amphora was not set upright but laid in the graves, the depth of which moreover was always less than the height of the amphoras. It was obvious also that the amphoras were not placed in the grave filled with wine (it is possible that it had been consumed during the funeral banquet). The combination of an amphora with a drinking vessel placed beneath it symbolically personified a libation. This characteristic detail of the burial ritual in the "small" mounds which had been noted heretofore was encountered on 3 occasions in the excavations made by A. A. Miller.³ (Series of examples of cups under amphora necks.)]

The selection of weapons in the male burials is standard. That is to say, a spear or a short javelin (rarely) a short sword-akinak or a dagger and arrows with iron or bz arrowheads. All of these weapons occupy a special position in the grave which is very well-known in the Scythian burials of the N Black Sea region.

p.114

In all mounds without exception were discovered the remains of funeral feasts. They were well-preserved only in mounds 15 and 17, but the fragments of amphoras and of handmade vessels and animal bones were found in all.

BRASHINSKY

To: by Maria Louisa Bernhardt.

With my best wishes
J.B.

15. XI. 67

epigraphie

[7]

ue grecque marque
à l'étranger. Les
as souvent cités par
problèmes nombreux de

tériel trouvé dans
on connaît déjà
localisation et la
ffisamment bien
brage ont été bien
es amphoriques et
pleine valeur.
res années le déve-
que dans les pays
en Pologne, où cette
ment.

les recherches de

mpli dans l'étude
publications et
al, a vu le jour.
u critique des
liés à l'étranger

aux du timbrage.
ne courte contri-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

Brashinsky, "Nouvelles recherches archéologiques
sur les céramiques épigraphiques"

Transl. by Maria Louisa
Bernhardt

2

МОСКВА · 1966

BRASINSKY

With my best wishes

J.B.

edit.
1968

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

[7]

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

Brasinsky, "New research abroad
on ceramic epigraphy"

Transl. by Max Louis
Borland

2

МОСКВА • 1966

НОВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КЕРАМИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

Особенно следует отметить, что за последние годы наблюдается быстрое развитие греческой керамической эпиграфики в социалистических странах — Болгарии и Румынии, а также в Польше, где до недавнего времени этой научной дисциплины вообще не существовало.

С тех пор в работе по изучению клеев на амфорах и черепицах сделан существенный шаг вперед. Вышел в свет ряд публикаций и исследований, которые заслуживают того, чтобы стать предметом специального рассмотрения и оценки.

332

⁷ И. Б. Брашинский. Экономическая история древней Греции. М., 1963, стр. 136.

не преобладающую их часть) были предназначены для продажи в качестве тары, а не для транспортировки синопских товаров. Имеются все основания полагать, что в Синопе, как и во многих других греческих центрах, клеймивших свои амфоры, клеймение керамической тары никогда не было всеобщим. Особенно это относится к раннему периоду (IV в. до н. э.), когда клеймению подвергалась лишь небольшая часть сосудов. По-видимому, клеймилась лишь единичные амфоры из каждой партии⁸. Назначение же амфор, как клейменных, так и неклеяемых, было одинаковым.

Поддерживаемая А. Садурской точка зрения о широком экспорте керамической тары Родоса в винодельческие районы, не имевшие своей высококачественной тары, в частности в Мирмекий, представляется вполне обоснованной. Недоумение вызывает утверждение автора, будто клейменные ручки родосских амфор составляют лишь небольшой процент среди массы родосских ручек без клейм. Напротив, на Родосе клеймение амфор проводилось в жизнь наиболее последовательно и, насколько мне известно, неклеяемые ручки родосских амфор составляют исключительную редкость. На многие сотни родосских клейменных ручек, по наблюдениям над материалами из раскопок Ольвии, приходится буквально единицы неклеяемых. Интересным и правильным представляется указание на важность изучения эмблем керамических клейм, содержащиеся в рассматриваемой статье. На примере эмблем очень ограниченного числа синопских клейм из польских раскопок Мирмекия автор показывает, какие интересные культурно-исторические выводы сулит их специальное изучение.

Следует отметить, что молодой польской керамической эпиграфике принадлежит несомненная заслуга в изучении эмблем керамических клейм, которые до сего времени, как правило, не привлекали должного внимания. Их специальному исследованию посвящена докторская диссертация З. Штеттыло, о которой мне известно лишь по краткой хроникальной заметке⁹.

Интересное исследование, посвященное рассмотрению эмблем на фасосских амфорных клеймах, изображающих «гермические» памятники, опубликовал Ф. Сальвия¹⁰. Особое внимание уделено изучению гомогенной группы эмблем с изображением «зигзагообразной» гермы (hermès en zigzag). Подробно разбирается эмблема клейма Вон, № 2143, которую издательница толкует как «изображение Гермеса на троне или под портиком». Отвергая это толкование, Сальвия сравнивает изображение с рельефом из музея в Спарте и доказывает, что оно воспроизводит бога Диоскуров. Таким образом, он показывает, что в изображении керамических клейм проникли мотивы народной религии.

Ж. Ру, исследуя изображения гермы Гелиоса на родосских клеймах, пришел к заключению, что эта эмблема представляет собой схематическое изображение знаменитого Колосса Родосского¹¹. Признавая возможность такого объяснения, следует, однако, иметь в виду, что к тому времени, когда указанная эмблема появляется на родосских клеймах (а они все поздние), гигантская статуя Гелиоса давно уже лежала в обломках, разрушенная известным землетрясением.

При изучении керамических клейм в последние годы большое внимание уделяется их использованию в качестве исторического источника. Особенно интересны в этом отношении амфорные клейма, найденные при раскопках Севтополя в Болгарии. В статье А. Балканской на основании этих находок исследуются торговые связи города Севта¹². При раскопках Севтополя было найдено 90 амфорных клейм — первая значительная по количеству материала находка керамических клейм в глубине Фракии¹³.

Важность Севтопольского материала заключается также и в том, что он может быть довольно точно датирован археологически — 359—229 гг. до н. э. (временем существования города). Амфорные клейма из раскопок Севтополя указывают на доминирующую роль Фасоса в экономических связях Фракии — более двух третей всех найденных здесь клейм принадлежит фасосским амфорам. Преобладание фасосской амфорной тары характерно и для юго-западного Причерноморья. Она занимает первое место в античных греческих городах на территории современной Болгарии —

Одессе, Аполлонии¹⁴. Вероятно, через эти греческие города-колонии античный импорт и проникал в глубь страны. А. Балканска не исключает и другой, с моей точки зрения менее вероятной, возможности — непосредственных связей Севтополя с Фасосом.

Амфорные клейма из Севтополя указывают также на импорт, правда, весьма ограниченный, из Синопы. Установление этого факта имеет немаловажное значение. До сих пор синопский импорт на территории внутренних районов Фракии не был засвидетельствован. Возникает вопрос, каким путем синопский импорт мог поступать в Севтополь. А. Балканска его не рассматривает, а между тем он представляет немалый интерес. Дело в том, что, судя по находкам в греческих городах Юго-Западного Причерноморья, ни Аполлонии, ни Месембрии — наиболее вероятные посредники в заморской, в частности Понтийской, торговле Фракии, не ввозили синопских товаров в керамической таре: как в том, так и в другом городе, судя по опубликованным материалам, синопские амфоры не найдены. Наиболее южным из западно-понтийских городов, где синопский импорт засвидетельствован, является Одесс. Начало синопского ввоза туда относится не ранее, чем ко второй половине III в. до н. э. К этому же времени, к конечному периоду существования Севтополя, принадлежат синопские клейма, найденные там. Возможно, их малочисленность и объясняется тем, что начало синопского импорта в этот район совпадает с концом жизни города. Наиболее вероятным посредником здесь является Одесс.

В рассматриваемой статье А. Балканска уделяет большое внимание и колесообразным клеймам, найденным в Севтополе. Этой же категории амфорных клейм из раскопок Севтополя, а также собранных в Варненском музее (всего 16 экз.) посвящено и специальное исследование того же автора¹⁵. А. Балканска принимает гипотезу о принадлежности этих клейм Фасосу и приводит в ее пользу дополнительные аргументы. Она высказывает предположение, что сама форма клейма (круг, разделенный на четыре сектора) является древней формой буквы Θ — начальной буквы названия Фасоса. Следует, однако, отметить, что это предположение весьма шатко. Дело в том, что, как известно, колесообразные клейма далеко не всегда имеют четыре сектора (разделены крестом), но зачастую делятся на три или пять секторов. А это никак не согласуется с интерпретацией их формы, предложенной А. Балканской.

Что касается определения времени бытования этих клейм, то автор принимает их раннюю датировку¹⁶, справедливо указывая на то, что севтопольские находки противостоят их поздней датировке (II—I вв. до н. э. — Бон, Эфтимие).

Особый интерес для советских исследователей истории Северного Причерноморья представляет статья А. Балканской, специально посвященная изучению торговых связей между Одессом и Пантикапеем в эллинистическую эпоху¹⁷. Автор изучает три амфорных клейма из Варненского музея и путем сопоставления с боспорскими черепичными клеймами приходит к выводу об их возможном происхождении из Пантикапеи. Этот материал служит основанием для установления существования торговых связей между Боспором и Одессом, которые, по мнению автора, относятся к III—II вв. до н. э. и возникают в результате дальновидной политики боспорского царя Евмела, а также упадка боспорской хлебной торговли с Афинами.

Наличие экономических связей между северным и западным (в данном случае северо-восточным и юго-западным) Причерноморьем не вызывает сомнений, но до сих пор фактические данные об этих связях более чем скудные. Поэтому, если бы А. Балканска оказалась права в своей атрибуции указанных варненских амфорных клейм, это было бы в высшей степени важным для изучения истории внутрипантикапейских торговых сношений. Но все дело в том, что вопрос о боспорских (пантикапейских) амфорных клеймах, само существование которых едва ли может оспариваться, пока еще не нашел удовлетворительного решения. Предложенные до сих пор атрибуции клейм вызывают серьезные возражения¹⁸. Нельзя безоговорочно согласиться и с определениями А. Балканской. Они, как кажется, основаны главным образом на чисто внешних сопоставлениях с клеймами боспорских черепиц. При этом надлежит подчеркнуть, что даже и внешней полной аналогии между ними не наблюдается. Что же касается глины рассматриваемых автором клейменных амфорных ручек, то, судя по ее описанию, она не соответствует той глине, которую И. Б. Зеест считает характерной для пантикапейских амфор IV—III вв. до н. э.¹⁹ Поэтому к предполо-

¹⁴ М. Мирчев. Амфорные печати от музея във Варна. София, 1958; Аполлония. София, 1963, стр. 257 сл.

¹⁵ А. Балканска. Към въпроса за колелообразните амфорни печати. ИВАД, XIV, 1963, стр. 35—37.

¹⁶ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 295. [См. 1961, стр. 293—300].

¹⁷ А. Балканска. Търговски връзки между Одесос и Пантикапей през еллинистическата епоха. Сб. «Изследвания в памет на Карел Шкорпил». София, 1961, стр. 323—327.

¹⁸ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 298 сл. В последнее время к попытке выделения боспорских амфорных клейм вновь обращался Л. А. Ельницкий (Л. А. Ельницкий. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья. ВДИ, 1961, 1, стр. 110 сл.), однако, с моей точки зрения, его выводы не могут быть признаны достаточно убедительными. Подробнее об этом сказано в упомянутой выше статье в ВДИ.

¹⁹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 94 сл.

⁸ И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 3, стр. 179 сл.; Его же. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, V, 1965, стр. 9 сл.

⁹ Z. Sztetyło. Przedstawienia figuralne stemplowanych imadel amfor greckich. Zw. XXX, 1964, стр. 249. По материалам диссертации опубликована одноименная статья в Rocznik Muz. Nar., Rok 7, Warszawa, 1963, стр. 185—209, к сожалению, оставшаяся мне недоступной.

¹⁰ F. Salviat. Religion populaire et timbres amphoriques: Hermès; Hélène et les LOKANA. BCH, 88, 1964, стр. 486—495.

¹¹ G. Roux. Qu'est-ce qu'un Kolossos? Rev. des Et. Anciennes, 62, 1960, стр. 17 сл.

¹² A. Balkanska. Die Handelsbeziehungen von Seuthopolis. Acta Antiqua Philippopolitana. Studia Archaeologica. Serdicae, 1963, стр. 49—58.

¹³ До сих пор о проникновении во внутренние районы Фракии греческих товаров в керамической таре свидетельствовали лишь единичные находки. Д. Дечев. Античные надписи. Мадара, I, София, 1954, стр. 166 сл.; В. Дремсизова, В. Антонова. Принос към найстарата история на Шумен и Шуменското плато, Шумен-Коларовград. «Сборник от статии и материали за миналото на града», I, Коларовград, 1960.

жению о пантикапейском происхождении рассматриваемых А. Балканской клейм следует пока подходить с большой осторожностью.

В. Грейс посвятила специальную статью группе амфор и клейменных амфорных ручек, найденных при раскопках укрепленного лагеря на п-ове Корони в Аттике, представляющих, как указывает автор, необыкновенный интерес²⁰.

Наибольшее значение имеет выделение типа раннеродосских клейменных амфор, названных, в отличие от амфор обычного родосского типа, протородосскими. Основные отличия этих амфор от обычных родосских типов заключаются в форме венчика, имеющего высокий вертикальный срез, и ножки, сходной с ножками кидских амфор. Очень близкую аналогию целой амфоре протородосского типа с п-ова Корони представляет клейменная амфора из Елизаветинского могильника, хранящаяся в Краснодарском музее и опубликованная И. Б. Зеест, которая, на основании знакомства с ней по фотографическому снимку, поместила ее в число кидских²¹. По-видимому, теперь и краснодарскую амфору следует скорее всего считать раннеродосской.

У этих протородосских амфор известны и другие варианты венчика: со скошенным срезом и обычные валикообразные. Что касается времени их бытования, то В. Грейс указывает на конец IV в. до н. э.

Выделение нового типа ранних родосских амфор имеет важное значение и для советских археологов. При раскопках античных городов и поселений Северного Причерноморья нередко встречаются обломки этих амфор, которые до сих пор обычно зачислялись в материал неизвестного происхождения. Внимательный пересмотр имеющегося материала (в том числе и клейм) и новые находки, очевидно, позволят внести некоторые коррективы в историю развития экономических связей северопонтийских городов с Родосом.

Для клейм «протородосских» амфор характерно отсутствие упоминания месяца, обязательного в более поздних клеймах. Этот критерий, однако, может быть использован лишь при находках амфор, у которых сохранились обе ручки. В. Грейс приводит и список эпонимов этого периода, включающий 24 имени.

На основании находок клейменных амфор с п-ова Корони В. Грейс пытается датировать время существования раскопанного там лагеря и в связи с этим обсуждает ряд исторических проблем, вытекающих из этой датировки. Руководители раскопок (Ю. Вандерпул, Дж. Мак Креди и А. Штейнберг) считают, что укрепленный лагерь на п-ове Корони был сооружен войсками Птолемея II, пришедшими на помощь афинянам против македонян во время Хремонидовой войны (265—261 гг. до н. э.), и что он существовал только в течение периода войны, а затем был разрушен²². Эта датировка была подвергнута критике с разных точек зрения рядом ученых, в том числе и В. Грейс, которая доказывает, что амфорный материал противоречит столь поздней дате. Она полагает, что лагерь скорее всего следует связывать с действиями наварха Птолемея I Сотера Зенона, который около 290 г. до н. э. крейсировал в Егейском море и патрулировал египетские хлебные транспорты в Афины. С точки зрения амфорного материала, даже такая дата кажется ей слишком поздней. Однако руководители раскопок выступили с контраргументами²³, и вопрос пока остается нерешенным.

Другое исследование В. Грейс посвящено амфорам, поднятым со дна моря, куда они попали в результате кораблекрушения, около Антикиферы еще в 1902 г.²⁴. Здесь представлены родосские, косские и италийские амфоры. Большой интерес этой статьи в том, что в ней публикуются хорошо датированные родосские и клейменные (и неклеменные) амфоры наиболее позднего периода — I в. до н. э. Обломки подобных амфор нередко встречаются и в Северном Причерноморье. Теперь имеются прочные основания для их датировки. Интересен и важен также вывод автора о вероятности изготовления «косских» амфор с двустольными ручками в различных центрах вне Коса, начиная с III в. до н. э.

Новые дополнения к списку родосских эпонимов В. Грейс внесла, публикуя амфорные клейма из раскопок в Нессане (на египетской границе Палестины)²⁵.

Значительный интерес представляет публикация склада клейменных амфор, найденных в Ислам Джаферка в Румынии²⁶. Из 26 амфор, обнаруженных в яме, заполненной песком, сохранилось в целостности или удалось полностью собрать из обломков 20 экземпляров. 18 амфор из этого числа принадлежат одному типу, известному ра-

нее лишь по изолированным находкам в Добрудже. Значительная часть амфор (примерно половина) имеет энглифические клейма на горлах, соответствующие по форме и содержанию одной из групп гераклейских клейм. Это клейма, состоящие из отдельных букв или сокращений имен — ΔΙΟΝΥ, ΔΙ, Δ, ΝΙ, ΜΙ. Однако тип самих амфор не соответствует ни одному из известных типов гераклейских амфор, и ряд признаков (в частности, форма ручки) сближает их с более поздними амфорами римского времени. Некоторые отличия от гераклейских амфор наблюдаются и в глине отдельных амфор.

Автор публикации Э. Бужор полагает, что клейменные амфоры из Ислам Джаферка принадлежат продукции скорее всего самой Гераклеи, но не исключает и возможности того, что они были изготовлены в каком-нибудь другом понтийском центре. Автор датирует указанные амфоры по морфологическим признакам I в. до н. э., а возможно и началом I в. н. э.

Между тем известно, что массовое клеймение гераклейских амфор прекращается около середины III в. до н. э. Если принять выводы Э. Бужора, то окажется, что спустя два столетия после этого происходит возрождение прежних традиций. Кажется, однако, возможным и другое решение. Полное совпадение некоторых клейм из Ислам Джаферка с наиболее поздними из известных гераклейских клейм невольно вызывает предположение, что они непосредственно следуют за последними во времени²⁷. В таком случае придется и новый тип гераклейских амфор датировать значительно более ранним временем, чем предполагает Э. Бужор, и попытаться найти объяснение наличию в них некоторых черт, характерных для более позднего времени. Пока же вопрос о датировке рассматриваемых амфор следует, как мне кажется, считать открытым.

Весьма интересны находки керамических клейм, сделанные при раскопках Царского дворца в столице Македонии Пелле²⁸. До конца 1960 г. здесь было найдено 1057 амфорных клейм, среди которых наиболее многочисленными группами составляют клейма Фасоса и Родоса (соответственно 255 и 208 экз.). Особый интерес представляет находка здесь 149 клейм Пармениска (Παρμενίσκου). Эти клейма, а также ряд сходных с ними, были на основании общности формы и глины ручек, а также и самих клейм, уже ранее выделены В. Грейс в самостоятельную группу, получившую условное название «группы Пармениска»²⁹. Находки клейм этой группы известны и в Северном Причерноморье³⁰.

Находка в Пелле значительно превосходит общее число известных до сих пор клейм группы Пармениска, найденных в самых разных местах греческого мира. Она позволяет если и не решить окончательно, то во всяком случае поставить вопрос о македонском (пелльском?) происхождении амфор с этими клеймами. Если бы высказанное предположение подтвердилось, это представило бы несомненный интерес и для исследователей истории Северного Причерноморья, позволив установить ранее неизвестный факт экономических связей этого района с Македонией.

При раскопках Пеллы было найдено и 16 клейм, происходящих из причерноморских центров («du Bosphore»). К сожалению, они не описаны подробнее, но можно почти уверенно предполагать, что речь идет о клеймах Синопы, которые некоторые зарубежные исследователи до сих пор неправильно именуют «понтийскими» или «боспорскими». Любопытно, что количество этих клейм в Пелле превосходит число косских, что свидетельствует о значительной роли понтийской торговли Македонии.

Если сопоставить факт наличия в Пелле относительно большого числа клейм понтийского происхождения (Синопа?) с находками в Причерноморье клейм группы Пармениска, то он, как кажется, может явиться дополнительным косвенным аргументом в пользу македонского происхождения последних.

Большой интерес представляют и черепичные клейма из Пеллы³¹. Среди них имеются как муниципальные (Πέλλης, Διόσκια), так и царские (Βασιλική, Βα'Αντι- (γ'ονο), Βα. Φι, и клейма с именами частных лиц. Последние, однако, всегда дополняются царским сокращением ΒΑ.

В. Грейс опубликовала очередные отчеты о работе над клейменными амфорами³². Первый отчет посвящен результатам исследования клейм, хранящихся в коллекциях Родоса, Сими и Коса. На Родосе решительно преобладают клейма местного происхождения (6978 из 7321). Здесь имеется и 16 «понтийских» клейм (по любезному сообщению Грейс, они в большинстве своем синопские). По два-три таких клейма имеются и на Симе и Косе.

²⁷ И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской, стр. 9 сл.

²⁸ Ch. Makaronas. Arch. Deltion, 16, 1960 (изд. в 1962 г.), стр. 82 и табл. 79—80. Известно мне по J. et L. Robert. Bulletin épigraphique. REG, 75, 1963, стр. 123, № 19.

²⁹ V. Grace. Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments. «Hesperia», X, 1956, стр. 168 сл.

³⁰ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 269 и рис. 1 и 2.

³¹ Arch. Deltion, 16, стр. 82 и табл. 71—73. Некоторые из них публиковались и в ежегодных Chroniques des fouilles в BCH.

³² Year Book of the American Philosophical Society, 1959, стр. 472—477; 1964, стр. 518—522.

²² Советская археология, № 2

²⁰ V. Grace. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula. «Hesperia», XXXII, 1963, стр. 319—334.

²¹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 102 и рис. 5 (на стр. 79).

²² «Hesperia», XXXI, 1962, стр. 26—61.

²³ E. Vanderpool, J. McCredie, A. Steinberg. Koroni: The Date of the Camp and the Pottery. «Hesperia», XXXIII, 1964, стр. 69—75.

²⁴ Virginia R. Grace. The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck. Transactions of the American Philosophical Society, vol. 55, Part 3, June 1965, стр. 5 сл.

²⁵ H. Dunscombe Colt and others. Excavations at Nessana: Excavations Report, I, London, 1962, стр. 113 сл. Известно мне лишь по ссылке, в упомянутой выше статье В. Грейс.

²⁶ E. Bujor. Depozitul de amfore de la Islam Geaferca. SCIV, XII, 1, 1961, стр. 85—91; его же. The Amphorae Deposit of Islam Geaferca. «Dacia», нов. серия, VI, 1962, стр. 475 сл.

Во втором отчете В. Грейс сообщает о работе в Александрийском музее над амфорными клеймами из известной коллекции Бенаки. Эта крупнейшая в мире коллекция керамических клейм, содержащая более 66000 экз., была летом 1962 г. передана в дар Греко-римскому музею в Александрии ее собственником Лукасом Бенаки. Подавляющее большинство клейм коллекции (более 54 тыс. экз.) являются родосскими. Работа В. Грейс была посвящена главным образом исследованию и классификации неродосских клейм: киждских (5357), косских (1344), латинских (727), фасосских (149) и т. д. Для полного приведения в порядок всей коллекции Бенаки потребуются еще очень большая и трудоемкая работа, которая без сомнения должна привести к весьма интересным и важным результатам.

В настоящее время В. Грейс готовит к печати корпус косских клейм, а на очереди стоит киждский корпус.

Статья обзорного характера была посвящена керамическим клеймам, найденным польскими археологами при раскопках Мирмекии в 1956—1958 гг.³³ За три года на сравнительно небольшом участке здесь было найдено более 200 клейм, большинство из которых, как обычно в Мирмекии, являются синопскими и родосскими. Автор статьи З. Штеттылло полагает, что сравнительно большое количество найденных клейм объясняется тем, что польская экспедиция раскапывала торговый центр, может быть рыночную площадь города. Такой вывод, однако, лишен оснований и не подтверждается археологическими данными. Существенным недостатком статьи, как и других публикаций, посвященных мирмекийским клеймам из польских раскопок, является то, что они, составляющие лишь очень небольшую и в значительной степени случайную коллекцию, рассматриваются изолированно от огромной массы клейм, найденных на том же участке советскими археологами. При изучении этих клейм исторические выводы делаются без всякого учета тех данных, которые представляет вся совокупность клейм, найденных в Мирмекии. Разумеется, что от этого они теряют убедительность.

В указанной статье, как и в других своих работах, З. Штеттылло обращает внимание на эмблемы клейм, которые могут стать источником реконструкции античных памятников монументальной скульптуры, не дошедших до нас и известных из литературной традиции.

Небольшая статья того же автора посвящена публикации амфорных клейм из польских раскопок в Тель-Атрибе в Египте³⁴. За пять лет раскопок здесь найдено всего 40 клейм, 36 из которых являются родосскими, относящимися в основном ко времени пергамского комплекса (220—180 гг. до н. э.).

Ряд публикаций был посвящен новым клеймам, найденным при раскопках в различных местах Болгарии.

Г. Тончева опубликовала керамические клейма из раскопок Бизоне (Каварна) 1952—1953 и 1955 гг.³⁵ С клеймами из Бизоне, расположенной недалеко от Одессы (Варна), мы уже были знакомы по публикации клейм Варненского музея М. Мирчева. Новые материалы (27 клейм, из которых одно на синопской черепахе и одно на маленьком сосуде) не вносят чего-либо нового в существующие представления об экономических связях Бизоне. Они подтверждают необычно большой для Юго-Западного Причерноморья импорт в керамической таре из Гераклеи Понтийской, который здесь доминирует. Небезынтересно отметить, что подавляющее большинство гераклейских амфор из Бизоне происходит из одной керамической мастерской — эргастерии Аристократа³⁶. По-видимому, это результат большой одновременной закупки.

Большой интерес здесь представляет клеймо на небольшом массивном сосуде: $\text{Νικη}[\epsilon\varsigma]/\text{Αχιλ}(\epsilon\upsilon\varsigma)$ (?). Издательница считает последнее слово эпитетом и полагает, что сосуд происходил из Ликии. Неправильность такого толкования была недавно показана В. И. Пругло³⁷, которая на основании многочисленных аналогий доказала, что речь здесь идет о весьма популярном в эллинистическое время медикаменте ликии ($\text{Αχιλ}(\epsilon\upsilon\varsigma)$). Последняя буква в этом слове на рассматриваемом клейме поэтому должна, очевидно, читаться как *ню*, а не *исилон*.

А. Балканска опубликовала 13 амфорных клейм, найденных в Варне при раскопках римской бани в 1960 г.³⁸ Среди них имеется ряд ранних родосских клейм, которые издательница датирует концом IV в. до н. э. Кажется, что в некоторых случаях скорее можно было бы говорить о III в. до н. э. (до 220 г.). В связи с немногочисленными находками синопских клейм автор касается вопроса о причинах различной интенсивности синопского импорта на западном и северном побережьях Черного моря.

³³ Z. Sztetyllo. Stemplowane imadla amfor greckich z wykopalisk w Mirmekei na Krymie. «Meander», XV, 1960, стр. 382—392.

³⁴ Z. Sztetyllo. Stamped Amphora Handles from Polish Excavations in Tell Attrib (1957—1961). «Eos», LIII, 2, 1963, стр. 335—340.

³⁵ М. Мирчев, Г. Тончева, Д. Димитров. Бизоне-Карвуна, ИВАД, XIII, 1962, стр. 37 сл., табл. I—II.

³⁶ Г. Тончева по недоразумению именует его Аристоклом и в качестве аналогии к штемпелям фабриканта Аристократа приводит клейма эпонима Аристокла.

³⁷ В. И. Пругло. Эллинистические флаконы для лекарства. СА, 1966, 1, стр. 193 сл.

³⁸ А. Балканска. Новооткрити амфорни печати във Варна. «Археология», IV, 4, София, 1962, стр. 64—65.

Значительное преобладание синопской керамической тары на севере она объясняет большой потребностью здесь в оливковом масле, которое было основным продуктом, перевозившимся в синопской таре. Это, безусловно, верно. Но ведь и на западе потребность в масле была не меньшей, ведь и там олива не произрастала и масло импортировалось. Но здесь, очевидно, основным поставщиком был Фасос, расположенный ближе, чем Синоп, в то время как для североопонтийских греков Синоп был ближайшим оливконосным районом.

Опубликованы также амфорные клейма из раскопок некрополя Аполлонии³⁹. Среди весьма немногочисленных здесь клейм представлены клейма Фасоса, Родоса и Гераклеи Понтийской.

Б. Лифшиц опубликовал амфорные клейма, найденные в Цезарее в Палестине⁴⁰. Особый интерес представляет астиномное клеймо ($\text{Ἀστίνομοιοῦν}(\tau\omicron\varsigma)$), хранящееся в муниципальном музее Хайфы. Автор публикации справедливо отмечает, что оно «возможно, происходит из одного из городов северного побережья Понта Евксинского». Клеймо скорее всего является херсонесским⁴¹. Если это так, то хайфское клеймо будет самой южной находкой херсонесских клейм. Это также явилось бы, как мне представляется, основанием для обсуждения вопроса о пользовании купцами североопонтийских греческих городов торговой магистралью Амис-Тарс, единственной сухопутной торговой дорогой, пересекавшей Малую Азию с севера на юг⁴².

За последние годы опубликован также и ряд популярных работ по керамической эпиграфике.

В серии «Picture Books» раскопок афинской агоры, издаваемых Американской школой классических исследований в Афинах, вышла в свет популярная брошюра известного специалиста по керамическим клеймам Вирджинии Грейс под названием «Амфоры и античная торговля вином»⁴³. В книге в интересной и доступной форме описывается история развития амфор, клейм на них и виноделия с так называемых ханаанейских амфор (XV—XIV вв. до н. э.) до позднеримских (V—VI вв.). Особо следует отметить многочисленные и отличные иллюстрации, дающие яркое наглядное представление о развитии керамической тары с древнейших времен до конца античного периода. Особенно ценным в брошюре В. Грейс является убедительная демонстрация связи греческих керамических клейм с древневосточными. Как кажется, такое сопоставление может оказаться весьма плодотворным при выяснении ряда кардинальных и пока нерешенных вопросов керамического клеймения и, прежде всего, вопроса о назначении клейм.

Можно пожалеть лишь о том, что В. Грейс ограничилась в основном материалами коллекций из раскопок Афинской агоры (хотя в ряде случаев ею используется и другой материал) и не привлекла поэтому клейменных амфор черноморских центров (Синоп, Гераклеи Понтийской, Херсонеса), которые в Афинах либо отсутствуют, либо чрезвычайно редки. С привлечением и этого материала картина, представленная автором, была бы значительно более цельной и, несомненно, выиграла бы.

Другая популярная брошюра о клеймах на греческих амфорах и строительных материалах опубликована З. Штеттылло⁴⁴. Автор в очень сжатой форме сообщает сведения об изделиях, подвергавшихся клеймению, о его технике и характере. Специальный раздел озаглавлен: «История работ над клеймами». Следует, однако, отметить, что по сути дела автор ограничился здесь перечислением, и притом далеко неполным, имен исследователей разных стран и ему не удалось показать историю развития керамической эпиграфики.

Далее сообщаются сведения об эмблемах на клеймах, надписях, форме штемпелей и коротко описываются клейма разных производственных центров.

Прежде всего возникает вопрос: кому адресована брошюра З. Штеттылло? Судя по общезвестным сведениям, сообщаемым в ней, она, по-видимому, рассчитана на широкого читателя, так как специалист, даже очень поверхностно знакомый с предметом, ничего нового в ней не найдет. С другой же стороны, тираж брошюры (всего лишь 700 экз.) и далеко не «популярный» характер содержания и изложения противоречат этому. Таким образом, книжка оказывается без «адреса».

Истории развития керамической эпиграфики в России и СССР З. Штеттылло⁴⁵ посветила и специальную работу, отдавая должное вкладу русских и советских ученых

³⁹ Аполлония. София, 1963, стр. 260 сл. (автор этого раздела — Т. Иванов).

⁴⁰ B. Lifshitz. Timbres amphoriques trouvés a Césarée de Palestine. «Revue biblique», 4, 1963, стр. 557, № 16.

⁴¹ Ср. Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, 4, стр. 106, № 4, табл. I, 4; стр. 110, табл. IV, 15.

⁴² О торговом пути Понт-Киликия (Амис-Тарс) см. М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 14 сл., 81 сл.

⁴³ Virginia R. Grace. Amphoras and the Ancient Wine Trade. Excavations of the Athenian Agora. Picture Book, 6, Princeton, New Jersey, 1961.

⁴⁴ Z. Sztetyllo. Stemple greckich amfor i ceramicznych materiałow budowlanych. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa, 1962.

⁴⁵ Z. Sztetyllo. Badania nad stemplowanymi imadłami amfor greckich w literaturze rosyjskiej i radzieckiej. «Meander», XVI, 5, Warszawa, 1961, стр. 250—265.

в разработку многих важных вопросов керамической эпиграфики. Основное внимание автор уделит начальному периоду археологических разысканий в Северном Причерноморье и связанными с ними первыми находками керамических клейм, а также работе над херсонесскими клеймами. Подвергая справедливой критике первые издания клейм, содержавшие порой весьма наивные, с теперешней точки зрения, высказывания и выводы, З. Штеттылло, однако, совершенно обошла молчанием образцовые для своего времени публикации П. В. Беккера, который, несомненно, был в середине XIX в. крупнейшим в Европе специалистом по керамической эпиграфике, а также и публикации акад. Л. Стефани.

«Не повезло» и крупнейшему русскому и советскому специалисту в области керамической эпиграфики Е. М. Придику — его деятельность также осталась в тени. Зато неправомерно большое место, как отмечено выше, уделено работам над херсонесскими клеймами. О послевоенных работах советских исследователей сказано очень бегло и односторонне; работы, на которые автор ссылается, часто являются второстепенными и случайными, между тем как основные обойдены молчанием.

Совершенно непонятно то, что З. Штеттылло пишет о гераклейских клеймах. Она, судя по всему, относит их к продукции Гераклейского полуострова, указывая, что они «происходят главным образом из раскопок на Гераклейском и Таманском полуостровах», и определяет гераклейскую группу клейм как группу местного, северочерноморского производства, ссылаясь при этом на Б. Н. Гракова и И. Б. Зеест. Между тем хорошо известно, что именно Б. Н. Граков, а вслед за ним и подавляющее большинство советских и зарубежных ученых считает эти клейма происходящими из Гераклеи Понтийской, расположенной на северном берегу Малой Азии, на месте современного турецкого города Эрегли.

В статье З. Штеттылло есть и фактические ошибки: искажены имена даты и т. д. Таковы основные итоги зарубежных работ в области греческой керамической эпиграфики за последнее пятилетие. Здесь имеются большие и несомненные успехи; есть, однако, и неудачные работы. В целом же в дальнейшем развитие этой отрасли науки внесен, как мы старались показать, новый существенный вклад.

Характерной особенностью развития керамической эпиграфики в наши дни является то, что в разных странах она развивается в одних и тех же направлениях. Зарубежные специалисты широко пользуются достижениями своих советских коллег в этой области, равно как и советские ученые — результатами работ зарубежных исследователей. Работы эти, таким образом, проводятся в тесном сотрудничестве. Ученые в разных странах независимо друг от друга приходят к одинаковым выводам. Это придает им большую объективность и достоверность. В этом плодотворном сотрудничестве залог дальнейших успехов греческой керамической эпиграфики.

М. Г. Рабинович. О древней Москве
Изд-во «Наука». М. 1964

Одним из наиболее крупных достижений советской археологии за послевоенные годы безусловно является изучение древнерусских городов. Самобытная культура древней Руси нигде не проявилась с такой яркостью и отчетливостью, как в городах, особенно в крупных, бывших культурными и экономическими центрами древнерусских земель. Архитектура, жилище, прикладное искусство, одежда, пища — все те стороны древнерусской жизни, которые нам были так плохо известны, а порой даже совсем неизвестны, проявились в раскопках русских городов с такой полнокровностью, о какой нельзя было даже мечтать, пока исследователи ограничивались кругом письменных источников. В результате изучения древнерусских городов материальная культура древней Руси облеклась в плоть и кровь, стала зримой и реальной.

Исследования последних лет охватили ряд городов, как крупных, так и мелких. При этом масштаб работ был различным. В некоторых городах систематические раскопки, проводимые в течение многих лет, раскрыли целые районы древнего города. В других городах эти раскопки носили гораздо более эпизодический характер. В третьих — дело ограничилось небольшими разведочными шурфами. По некоторым городам опубликованы уже целые серии книг с итогами археологических исследований (Новгород, Белая Вежа); в ряде случаев подведены итоги и опубликованы монографии, посвященные культуре отдельных городов (Киев, Рязань, Гродно). Сейчас к этому ряду прибавилась новая работа — книга М. Г. Рабиновича о древней Москве. Книга эта дает общую картину развития материальной культуры и быта московских горожан XI—XVI вв.

Роль Москвы в истории России не нуждается в комментариях. И тем не менее систематические археологические раскопки здесь начались сравнительно недавно, лишь с 1946 г.

Решение многих важнейших вопросов древней истории Москвы становится возможным только сейчас, в результате археологических раскопок последних лет. Это

To. by Maria Louisa Bernhardt.

Discussion 1 for the (for Poland)
A. H. 15. 8. 67

I.B.Vrašinski

Les recherches nouvelles à l'étranger sur l'épigraphie
céramique.

/Sovetskaia Archeologia 1966, 2, pp. 332-340./

L'intérêt croissant pour l'épigraphie céramique grecque marque les années dernières aussi bien chez nous qu'à l'étranger. Les timbres céramiques sont de plus de plus en plus souvent cités par les chercheurs en tant que sources pour les problèmes ^mnombreux de l'histoire ancienne.

Il n'y en a rien d'étonnant: la quantité du matériel trouvé dans les fouilles est devenue des nos temps énorme; on connaît déjà centaines de milles des timbres céramiques. La localisation et la chronologie du nombre des groupes sont déjà suffisamment bien établies, nombre des problèmes généraux du timbrage ont été bien avancés. Tout cela permet d'utiliser les timbres amphoriques et ceux sur tuiles comme une source historique de pleine valeur.

Il faut spécialement remarquer dans ces dernières années le développement rapide de l'épigraphie céramique grecque dans les pays socialistes, en Bulgarie et Roumanie, et aussi en Pologne, où cette discipline n'a pas du tout existé encore récemment.

Un de mes articles a été consacré à la revue des recherches de l'épigraphie céramique jusqu'en 1960 /1/.

Depuis cette date un progrès notable s'est accompli dans l'étude des timbres sur amphores et tuiles. Nombre des publications et d'études, qui méritent un examen critique spécial, a vu le jour.

L'article présent est consacré à un compte-rendu critique des travaux récents sur l'épigraphie céramique, publiés à l'étranger dans ces 5 années écoulées /2/.

Nombre des travaux concerne les problèmes généraux du timbrage.

Parmi eux, on voudrait nommer en premier lieu une courte contri-

bution ~~xx~~ de Virginia Grace et de Fr. Salviat /3/, dans laquelle ils publient une trouvaille unique du sceau en argile, trouvé à Thasos en 1961. Le dessin représente une amphore, et la légende contient en plus de l'ethnicon ordinaire, le nom d'Astykreôn, très rare dans la prosopographie thasienne. Les timbres faits par moyen de ce sceau nous sont jusqu'à présent inconnus.

A propos du sceau, les auteurs considèrent le problème des sceaux pour timbrage en général, et aussi celui des différences du développement de l'écriture monumentale et celle des inscriptions céramiques.

Les arguments les plus importants de l'article sont comme suit:

1/Les sceaux pour timbrage étaient faciles à produire. Cela explique que la multiformité des timbres et leur diffusion. Le manque des sceaux parmi les trouvailles archéologiques ne résulte-t-il pas de leur destruction voulue après l'usage, pour éviter l'emploi illégal?

2/Les inscriptions sur les sceaux en argile permettent de comprendre les différences paléographiques entre l'épigraphie lapidaire et céramique /Oméga et sigma cursives dans les inscriptions céramiques de haute date, les cas nombreux des timbres aux inscriptions rétrogrades/.

Tout en admettant que l'argile constituait le plus ordinaire et le plus employé des matériaux pour faire les sceaux, Grace et Salviat n'excluent pas l'usage d'autres matières à cet effet /bois métal/. Ils estiment pourtant que l'utilisation de ces matériaux, d'ailleurs rare, arrive surtout à l'époque romaine.

Il faut nécessairement rappeler à ce propos les timbres de Rhodes portant les traces apparentes des fibres de bois qui sont une preuve incontestable de l'usage des sceaux en bois /4/. S'il n'y a pas des raisons suffisantes pour croire avec E.I. Levi que le

bois était le matériel principal des sceaux rhodiens, l'usage de bois pour la fabrication des sceaux n'était quand même si rare comme le veulent certains chercheurs.

Dans l'article de Grace et Salviat un sceau de la coll. Benachi est également publié. Il est fait d'un pied d'amphore. Le monogramme ΠΑΡ y est gravé, très proche du monogramme à rencontrer sur les timbres bien connus de Panticapée et Tiritaki /5/.

Quelques problèmes généraux du timbrage et de l'emploi d'emballages céramiques dans le commerce sont traités par l'article de A. Sadurska consacré aux timbres amphoriques provenant des fouilles polonaises à Mirmeki en 1956 et 1957 /6/. Surtout, le problème de destination des timbres a été abordé. Pourtant, les raisonnements de l'auteur sont confuses et contradictoires. D'un côté, Sadurska considère que les timbres amphoriques de Sinope sont en rapport avec le contenu des vases timbrés, c-à-d. l'huile. Cette affirmation se trouve contredite par le fait que les mêmes timbres ont servi à Sinope pour signer les tuiles aussi bien qu'amphores.

D'autre part, l'auteur déclare que les amphores rhodiennes étaient importées à Mirmeki toutes vides, comme emballage, et par ⁱⁿ conséquent leurs timbres se rapportaient aux vases mêmes et non à leur contenu. Ainsi, les jugements de l'auteur, exprimés d'une façon laconique, ne peuvent pas aider à préciser le but du timbrage, ce qui est l'un des problèmes les plus importants et les plus complexes que présentent les timbres amphoriques. L'opinion de Sadurska que l'huile était un article principal exporté de Sinope en amphores est tout à fait juste. Comme on sait, cette opinion a été exprimée il y a déjà longtemps par les savants soviétiques /7/.

Il nous faut nous opposer décidément à une autre opinion de l'auteur selon qui les amphores de Sinope non timbrées /qui forment partie

p 334 la plus grande ou bien même prépondérante de celles-ci/ étaient

déstinées à vente en tant qu'emballages, et non pour le transport des marchandises exportées de Sinope. Il y a toutes raisons de croire qu'à Sinope, comme dans beaucoup d'autres villes grecques qui pratiquaient le timbrage de leurs amphores, cet usage n'était jamais exclusif. Ceci est vrai surtout pour la période plus haut /IV s.av.n.e./, quand le nombre restreint seulement des receptacles était timbré. Evidemment, on timbraient seulement une seule amphore dans chaque transport /8/.

La destination d'amphores, timbrées ou non, était la même.

L'opinion, partagée par Sadurska, sur l'exportation large d'amphores rhodiennes vers les régions vinicoles qui n'avaient pas de sa propre céramique de bonne qualité, entre autres à Mirmeki, est bien fondée. On est étonné de voir l'auteur affirmer que les anses timbrées des amphores rhodiennes constitueraient-ils le pourcentage restreint parmi les anses non-timbrées. Par contre, le timbrage était effectué à Rhodes d'une façon la plus systématique et, pour tant que je sache, les anses non-timbrées des amphores rhodiennes sont d'une rareté exceptionnelle.

Parmi les centaines des anses rhodiennes timbrées, d'après les observations sur les spécimens retrouvés dans les fouilles d'Olbie, on rencontre les exemples littéralement uniques des anses non-timbrées.

La remarque de l'auteur sur l'importance des études sur les emblèmes des timbres est juste et intéressante. En analysant les emblèmes du nombre très restreint des timbres provenant des fouilles polonaises à Mirmeki, l'auteur a montré quelles conséquences intéressantes sur l'histoire culturelle aurait leur étude spéciale.

Il faut noter le mérite indubitable de l'epigraphie céramique jeune encore en Pologne d'étudier les emblèmes des timbres céramiques, qui, en général, n'ont jusqu'alors été l'objet d'une attention

qui leur est due.

La thèse du doctorat de Sophie Sztetylko est consacrée à cette recherche, mais je ne la connais que par l'intermédiaire d'une courte note dans une chronique /9/.

Une étude intéressante sur les emblèmes des timbres de Thasos qui représentent les monuments hermétiques a été publiée par Fr. Salviat /10/. L'attention spéciale y est prêtée à un groupe homogène d'emblèmes, représentant l'"Hermès en zigzag". Une analyse minutieuse de l'emblème du timbre Bon n° 2143, qui avait été publié comme figurant "Hermès sur un trône ou sous un portique", a été donnée. En rejetant cette interprétation, Salviat compare l'image au relief du musée de Sparte et prouve qu'il figure la *δοκρυα* des Dioscures. Ainsi, l'influence de la religion populaire sur les représentations des timbres amphoriques a été démontrée.

G. Roux, en étudiant les représentations de l'herme d'Hélios sur les timbres de Rhodes, est arrivé à la conclusion que cette emblème est une simplification schématique de la représentation du Colosse Rhodien /11/. Tout en admettant la possibilité de cette interprétation, il faut tout de même se rappeler qu'à l'époque où l'emblème en question apparaît sur les timbres de Rhodes /c-à-d. assez tard/, la statue gigantesque était depuis longtemps tombée en pièces, par suite du tremblement de terre bien connu.

L'étude des timbres amphoriques dans ces dernières années prête beaucoup d'attention à leur utilisation comme source historique. Les timbres trouvés à Seuthopolis en Bulgarie sont à cet égard spécialement intéressants. L'article de A. Balkanska /12/ basé sur ces trouvailles, examine les contacts commerciaux de la ville. Dans les fouilles de Seuthopolis 90 timbres amphoriques ont été retrouvés. C'est une première trouvaille du nombre important des timbres amphoriques à l'intérieur de la Thrace /13/.

(this comes from 19 on Antiquities)

L'importance du matériel de Seuthopolis est accrue par le fait qu'il peut être daté d'assez près, entre 359 et 229 av.n.e. /par les dates limites de l'existence de la ville/. Les timbres amphoriques trouvés à Seuthopolis accusent le rôle prépondérant de Thasos dans les contacts économiques de la Thrace: plus que deux tiers de tous ces timbres faisaient part d'amphores thasiennes.

p. 335 La prépondérance d'amphores thasiennes caractérise aussi les régions au Sud-Ouest de la Mer Noire. Elles prennent la première place dans les villes grecques sur le territoire bulgare- Odessos, Apollonie/14/. Vraisemblablement, les importations antiques parvenaient à l'intérieur du pays par ces mêmes colonies grecques.

A.Balkanska n'exclue pas aussi une possibilité des contacts directs entre Seuthopolis et Thasos, ce qui est moins probable à mon avis. Les timbres de Seuthopolis prouvent aussi l'importation, tout à fait restreinte il est vrai, de Sinope. C'est un fait d'importance notable. Jusqu'à présent, les importations de Sinope n'étaient point attestées à l'intérieur de la Thrace. Le problème se pose, par quelles voies ces importations sont parvenues à Seuthopolis. A.Balkanska ne le considère pas, malgré son grand intérêt. Si nous nous appuyons sur les résultats acquis grâce aux trouvailles dans les villes grecques du Sud-Ouest de la Mer Noire, les intermédiaires les plus probables dans le commerce maritime, et surtout pontique de la Thrace, Apollonie et Messembrie, n'ont pas importé des marchandises en amphores de Sinope; dans les deux villes, d'après les matériaux publiés, les amphores de Sinope font défaut.

Odessos est la ville de la côte Ouest où les importations de Sinope ont été repérées le plus au Sud. Elles n'apparaissent pas avant la deuxième moitié du IIIe siècle av.n.e. De la même époque viennent les timbres de Sinope trouvés à Seuthopolis, qui se rangent ainsi dans la phase finale de l'existence de cette ville.

Il se peut que leur petit nombre soit l'effet de la coïncidence du commencement des importations de Sinope vers cette ^{région} avec la fin de la ville. L'intermédiaire le plus probable de ce commerce était Odessos.

Dans son article A. Balkanska prête beaucoup d'attention aux timbres circulaires trouvés à Seuthopolis. Une étude spéciale de cet auteur a été consacrée à cette catégorie des timbres /15/, provenant des fouilles de Seuthopolis et aussi conservés au musée de Varna /en tout 16 pièces/. A. Balkanska adopte une hypothèse que ces timbres proviennent de Thasos, en ajoutant quelques arguments nouveaux en sa faveur. Elle suppose que la forme même du timbre /un cercle divisé en quatre/ est une forme ancienne de la lettre Theta, initiale du nom de Thasos. Il faut seulement remarquer que c'est une supposition chancelante. Comme on sait, les timbres circulaires ne se composent pas toujours de quatre secteurs /divisés par une croix/, mais très souvent sont partagés entre 3 ou 5 secteurs. Ce qui ne s'accorde point avec l'interprétation de leur forme, présentée par Balkanska. Quant à la chronologie de ces timbres, l'auteur se prononce pour une date assez haute /16/, en soulignant avec raison que les trouvailles de Seuthopolis contredisent une date tardive /II-I siècles, d'après Bon, Eftimie /?? ce dernier nom translitéré du russe /. L'intérêt particulier pour les chercheurs soviétiques, s'occupant de l'histoire du Nord pontique, présente l'article de Balkanska qui se propose l'étude des contacts commerciaux entre Odessos et Panticapée à l'époque hellénistique /17/. L'auteur considère trois timbres amphoriques du musée de Varna, et par comparaison avec les timbres sur tuiles de Bosphore arrive à la preuve de leur possible provenance de Panticapée. Ce matériel sert de base pour la constatation du commerce entre Bosphore et Odessos, selon l'auteur au III-II s. qui serait le résultat de la politique à long terme du roi de Bos-

phore, Eumèle, et aussi de la faillite du commerce de blé avec Athènes.

L'existence des liens économiques entre les côtes Nord et Ouest /dans ce cas Nord-Est et Sud-Ouest/ de la Mer Noire n'est pas douteuse; seulement les données dont on dispose à présent sont plus qu'exiguës. Pour cela, si A. Balkanska tomberait juste dans son attribution des timbres de Varna évoqués, elle fournirait une contribution extrêmement importante à l'histoire des rapports commerciaux dans la région pontique. Mais le problème des timbres amphoriques du Bosphore /Panticapée/, dont l'existence même pourrait être mise en doute, n'a pas encore trouvé une solution satisfaisante. Les attributions des timbres proposées jusqu'alors ont provoquées des doutes sérieuses /18/.

Il est impossible aussi d'accepter sans réserve toutes les constatations de Balkanska. Elles sont, paraît-il, fondées surtout sur les rapprochements purement extérieurs des timbres en question aux timbres de tuiles de Bosphore. Il faut souligner, qu'on n'observe même pas une analogie extérieure complète entre eux.

Quant à l'argile dont les anses timbrées considérées par l'auteur sont faites, il est différent de celui qui a été reconnu par Zeest comme caractérisant les amphores de Panticapée du IV-III s. /19/.

p. 336 L'affirmation de la provenance de Panticapée de ces timbres, exprimée par Balkanska, doit être traitée avec beaucoup de précaution.

IV. Grace a publié un compte-rendu spécial sur un groupe d'amphores et d'anses timbrées, trouvées dans les fouilles du camp retranché de la péninsule Koroni en Attique, qui présentent, comme l'auteur le montre, un grand intérêt /20/.

La plus grande importance revêt l'isolement du type d'anciennes amphores timbrées de Rhodes, appelées protorhodiennes pour les différencier du type rhodien commun. Les particularités de ces vases envers les autres types (en forme de la couronne, coupée à la verti-

sont montrées

cale, et du pied, pareil à celui des amphores de Cnide. Une amphore timbrée du tombeau de Yelizavetin, conservée au musée de Krasnodar, présente une analogie très proche à une amphore protorhodienne entièrement préservée de la péninsule Koroni. Elle a été publiée par I.B.Zeest qui la connaissait par une photo comme une amphore cnidienne /21/. Apparemment, l'amphore de Krasnodar devrait être maintenant considérée comme protorhodienne.

Parmi les amphores protorhodiennes d'autres variantes de la couronne ne sont connues : coupées obliquement, et ordinaires en forme de tore. Quant à leur temps de diffusion, V.Grace se prononce pour la fin du IV s.

L'isolement du type nouveau d'amphores rhodiennes est important pour les archéologues soviétiques. Dans les fouilles de villes et agglomérations antiques de la côte Nord du Pont Euxin on trouve souvent les tessons provenant de ces amphores, qui étaient communément comptés parmi les matériaux de provenance inconnue.

Un réexamen attentif de poteries connues /ainsi que de timbres/ et les trouvailles nouvelles permettront évidemment de corriger sur certains points l'histoire du développement des rapports commerciaux des villes pontiques du Nord avec Rhodes.

Les timbres protorhodiens omettent le nom du mois, qui devient obligatoire pour les timbres postérieurs. Mais ce critère est utilisable seulement quand on trouve les amphores avec deux anses conservées. V.Grace donne la liste d'eponymes pour cette période qui comprend 24 noms.

En s'appuyant sur les trouvailles d'amphores timbrées de la péninsule Koroni, V.Grace essaya de préciser le temps d'utilisation du camp où elles ont été ^{retrouvées} ~~répérées~~ et se prononça par conséquence sur nombre de problèmes historiques.

⑧ Grace 1963,
p. 322, note
10. ①

(voir Timbre No 10
en l'annexe X)

Les fouilleurs /E.Vanderpool, J.McCredie, A.Steinberg/ ont jugé que le camp fortifié fût fondé par les troupes de Ptolémée II, venues en aide ~~à Athènes~~ aux Athéniens contre la Macédoine au temps de la guerre de Chrémonide /265-261/ et qu'il ne fonctionna que pendant cette guerre, pour être ensuite détruit /22/. Cette datation subit la critique de la part de certains savants et de différents points de vue. V.Grace, entre autres, prouva que la céramique contredit une date si tardive. Elle propose de considérer le camp comme le fait de Zénon, nauarque de Ptolémée I, qui croisa aux environs de l'an 290 les eaux de la Mer Egée et escorta les transports égyptiens de blé à destination d'Athènes. Du point de vue du matériel céramique, même cette datation lui semble trop basse elle aussi. Mais les fouilleurs ont avancé les contre-arguments /23/ et le problème reste ouvert.

Une autre recherche de V.Grace concerne les amphores repêchées encore en 1902 de la mer, et qui proviennent d'un bateau naufragé au large d'Antikythère /24/. Il y'en a des amphores de Rhodes, de Cos et d'Italie C'est le plus grand intérêt de ce travail que l'auteur y publia les amphores de Rhodes, timbrées ou non, bien datées de la plus basse période, c-à-d. du I s.av.n.e. Les fragments de pareilles amphores se trouvent souvent sur la côte Nord de la Mer Noire. On possède maintenant la base solide pour leur datation. Il est aussi important et intéressant ce que l'auteur constata sur la probabilité d'amphores aux anses à deux tores, dites de Cos, étant produites aussi dans plusieurs centres en dehors de cette île, et c'est en commençant par le III s.

V.Grace ajouta des noms nouveaux à la liste d'eponymes de Rhodes, en publiant les timbres amphoriques trouvés à Nessana /sur la frontière égyptienne de la Palestine/ /25/.

Très intéressante est la publication du dépôt d'amphores timbrées, trouvé à Islam Geaferca en Roumanie /26/. Parmi les 26 amphores retrouvées dans une excavation remplie de sable, 20 ont été préservées intactes ou bien recollées sans manquer un fragment.

p. 337 18 amphores parmi ces dernières appartiennent au même type, connu auparavant par les trouvailles isolées en Dobrudja. Une partie notable /environ une moitié/ présente les timbres sur les cols, rappelant par leur forme et contenu un groupe des timbres d'Héracléa Pontica. Ce sont les timbres composés de lettres isolées ou des abréviations de noms - ΔΙΟΝΥ, ΔΙ, Δ, ΝΙ, ΜΙ. Mais le type d'amphores mêmes ne correspond à aucun type connu d'amphores d'Héracléa, et nombre de traits /en particulier la forme de l'anse/ les rapproche aux amphores plus tardives de l'époque romaine. Certaines différences d'argile d'avec les amphores d'Héracléa sont à observer dans les vases particuliers.

E. Bujor considère que les amphores timbrées d'Islam Geaferca sont dues vraisemblablement aux ateliers d'Héracléa, sans exclure la possibilité de leur fabrication par un autre centre pontique. Il les place, d'après le critère de la forme, dans le I siècle av.n.e., ou peut-être au commencement du I siècle n.e.

On sait d'ailleurs ~~par~~ que le timbrage en masse d'amphores ~~de~~ d'Héraclée finit vers le milieu du III s. av. n.e. Si on accepte les thèses de Bujor, il faut supposer que deux siècles plus tard les anciennes traditions reviennent au jour. Pourtant, une autre solution est possible. Certains timbres d'Islam Geaferca étant identiques aux timbres les plus tardifs connus d'Héraclée, on supposerait malgré tout qu'ils suivent ^{ceux} ~~celui-ci~~ de près /27/. Si les choses vont ainsi, il faudra assigner au type nouveau d'amphores d'Héraclée une date sensiblement plus haute que celle proposée par Bujor et essayer d'expliquer leurs traits caractéristiques pour l'époque plus basse. Pour le moment, le problème de leur date reste, il me semble, ouvert.

Egalement très intéressants sont les ^Ytrouvailles de timbres céramiques dans les fouilles du palais royal à Pella /28/. A la fin de 1960 on a trouvé là-bas 1057 timbres amphoriques, parmi lesquels les plus nombreux étaient ceux de Thasos et de Rhodes /respectivement 255 et 208/. La trouvaille de 149 timbres de Parmeniskos éveille un intérêt spécial. Ces timbres, ainsi que ^Ybeaucoup de timbres analogues, ont été déjà isolés auparavant par V. Grace, qui se fonda sur les formes et la qualité d'argile des anses, pour former un groupe à part dit "de Parmeniskos"/29/. Les timbres de ce groupe ont été trouvés aussi au Nord de la Mer Noire /30/.

Le nombre de timbres de Pella dépasse sensiblement celui de tous les autres timbres du groupe de Parmeniskos, trouvés dans les endroits les plus différents du monde grec. Cela permet, sinon de trancher du moins de poser le problème de la provenance macédonienne /de Pella même ?/ d'amphores appartenant à ce groupe. Si cette hypothèse se trouverait justifiée, elle serait d'une importance particulière pour les spécialistes de ~~l'histoire~~ l'histoire de la côte Nord du Pont Euxin, en permettant d'établir les contacts économiques insoupçonnés de cette région avec la Macédoine.

Pendant les fouilles à Pella 16 timbres provenant "du Bosphore" ont été trouvés. Malheureusement, ils ne sont pas décrits en détail mais on peut supposer vraisemblablement qu'il s'agit de timbres de Sinope, appelés à tort par certains savants étrangers même maintenant, "pontiques" ou "du Bosphore". Il est curieux que leur nombre à Pella est supérieur à celui de timbres de Cos, ce qui atteste le rôle ⁿconsidérable que le commerce pontique joua en Macédoine. Si l'on juxtapose le fait de la présence à Pella des timbres en provenance du Pont /Sinope?/ aux trouvailles des timbres de Parmeniskos sur la Mer Noire, on peut fournir une évidence indirecte supplémentaire en faveur de l'origine macédonienne de ces derniers.

16.12.67
Sinope, le
groupe de
cos, sinope
et Pontus
ont été trouvés
à Pella

Les timbres sur tuiles de Pella sont aussi d'un grand intérêt /31/. Parmi eux, il y a aussi bien les timbres municipaux (*Πελλήνη, Δημοσία*) que royaux (*Βασιλική, Βα' Αντιγόρου, Βα' Φι'*) et ceux aux noms de notables. Ces derniers pourtant sont toujours accompagnés du sigle royal BA.

V. Grace publia deux compte-rendus successifs sur l'^{es} études d'amphores timbrées /32/. Le premier est consacré aux résultats d'investigations sur timbres conservés dans les collections de Rhodes, de ^{Syme} Sima et de Cos. A Rhodes, la majorité décisive ce sont les timbres d'origine locale /6978 parmi 7321/. Il y a là aussi 16 timbres "pontiques" /d'après l'information obligeante de Grace, ils sont pour la plupart de Sinope/, mais deux ou trois timbres de cette catégorie on trouve à Sima et à Cos.

p. 338 Le second compte-rendu de Grace informe sur les travaux au musée d'Alexandrie sur les timbres de la collection Benachi. Cette collection, la plus grande au monde, comprend plus que 66 milles exemplaires. Elle a été offerte en été 1962 par son propriétaire Lucas Benachi au musée gréco-romain d'Alexandrie. La plus grande partie des timbres de cette collection /plus que 54 milles/ est formée par les timbres rhodiens. V. Grace s'occupa surtout des timbres autres que rhodiens, de l'étude *et* classification des timbres de Cnidos /5357/, de Cos /1344/, latins /727/, de Thasos /149/ etc. Pour mettre en ordre toute la collection, un travail très long et absorbant est nécessaire, qui donnera sans doute les résultats importants. A présent, V. Grace va publier le corpus des timbres de Cos, pour préparer ensuite celui de Cnidos.

Un article de circonspection a signalé les timbres trouvés par les archéologues polonais dans les fouilles de Mirmeki en 1956-58 /33/. Pendant ces trois saisons on a trouvé sur un secteur relativement petit plus que 200 timbres, pour la plupart de Sinope et de Rhodes, comme c'est ordinaire à Mirmeki. L'auteur suggère que le nombre élevé des timbres retrouvés s'explique par le fait que les fouilles

avaient lieu dans le centre commercial, peut-être à l'Agora de la ville. Pourtant, cette thèse est dénuée de fondement et n'est pas confirmée par les données archéologiques. Le défaut principal de l'article, tout comme d'autres publications consacrées aux timbres de Mirmeki retrouvés dans les fouilles polonaises, consiste en ce que cette collection pourtant modeste et assez fortuite est considérée abstraction faite de la masse énorme des timbres retrouvés par les archéologues soviétiques en même endroit. Les considérations historiques ne prennent aucune ~~part~~ notion des possibilités dont l'ensemble des timbres de Mirmeki invite à profiter. Bien sûr, elles perdent ainsi la vraisemblance.

Dans son article, ainsi que dans plusieurs autres, Zofia Sztetykło s'occupe spécialement des emblèmes de timbres, considérés comme une source possible pour la reconstitution des monuments antiques de sculpture connus par la tradition littéraire, mais perdus pour nous.

Les timbres amphoriques des fouilles polonaises de Tell Atrib en Basse-Egypte sont publiés dans un petit article du même auteur /34/. Pendant les 5 saisons on a trouvé seulement 40 timbres, dont 36 sont rhodiens, en général de la période de Pergame /220-120 env./ Plusieurs publications s'occupent des timbres nouveaux trouvés en Bulgarie sur les chantiers différents.

G. Tončeva a publié les timbres provenant des fouilles de Bizone /Karvuna/ en 1952/53 et 1955 /35/. Les timbres de Bizone, située près d'Odessos /Varna/, nous étaient déjà connus par la publication des timbres du musée de Varna par M. Mirčev.

Le matériel nouveau /27 timbres dont un sur une tuile de Sinope et un sur un petit vase/ n'enrichit guère les connaissances préexistantes sur les contacts commerciaux de Bizone. La prédomination d'importations en amphores de Héracléa Pontica, extraordinaire pour le Sud-Ouest de la Mer Noire, est confirmée. Il n'est pas sans intérêt que

la majorité prépondérante d'amphores d'Héraclée vient d'un seul atelier céramique- d'ergastère d'Aristokratos /36/. C'est un résultat, évidemment, d'une seule grande transaction.

Un timbre sur un petit vase massif : *Νικίας / Λυκίων*? est d'un grand intérêt. Tončeva considère le dernier mot comme ethnikon et conclue que le vase vient de Lycie. La faute a été démontrée par B.I. Pruglo /37/ qui prouve, se fondant sur nombre de cas analogues, qu'il s'agit d'un médicament *λύκιον*, très populaire à l'époque hellénistique. La dernière lettre sur le timbre cité devait se lire donc Nu et non Upsilon.

13 timbres, trouvés à Varna en 1960 dans les fouilles des thermes romains ont été publiés par A. Balkanska /38/. Parmi eux, il y a plusieurs timbres de Rhodes de haute date, qui sont datés par l'auteur vers la fin du IV s. Il paraît que dans certains cas on pourrait parler plutôt du III s./avant 220/

Les timbres de Sinope étant peu nombreux, l'auteur se demande quelle est la cause de l'intensité variée d'importations de Sinope sur les côtes Ouest et Nord de la Mer Noire.

p. 339

La prépondérance de la céramique de Sinope sur la côte Nord est expliquée par une grande consommation de l'huile, produit principal transporté dans ces vases. Cela est bien vrai. Mais sur la côte Ouest cette consommation était nécessairement aussi grande, les oliviers n'y étant point cultivés. Mais là, le fournisseur principal était Thasos, moins éloignée ~~de~~ que Sinope, pendant que pour les Grecs du Nord pontique celle-ci constituait le centre de culture d'oliviers le plus proche.

Les timbres provenant des fouilles de la nécropole d'Apollonie sont aussi publiés /39/. Cet ensemble peu nombreux comprend les timbres de Thasos, de Rhodes et d'Héraclée Pontique.

*See also
p. 339
the same
published*

8.16

Les timbres trouvés à Césarée de Palestine sont publiés par B.Lifshitz /40/. Un intérêt spécial présente un timbre d'astynome /*Ηρακλειτο/αστυνομού(τος)* / conservé au musée municipal de Haifa. L'auteur remarque justement qu'il "provient peut-être, d'une ville de la côte Nord du Pont Euxin". Le timbre est le plus probablement de Chersonnèse /41/. Si cela est correct, le timbre de Haifa serait celui trouvé le plus au Sud de tous les timbres de Chersonnèse. Il donnerait aussi, comme il me semble, le point de départ des recherches sur la fréquentation par les marchands du Nord pontique de la voie commerciale Amissos-Tarsos, une seule qui traverse l'Asie Mineure en direction Nord-Sud /42/. Dans les années récentes un nombre de travaux de vulgarisation a été publié sur l'épigraphie céramique.

Dans la série "Picture Books" de l'Ecole Américaine d'Athènes une brochure de V.Grace, spécialiste bien connu en timbres céramiques, a vu le jour sous le titre "Amphoras and the Ancient Wine Trade"/43/. Ce livre traduit en forme intéressante et à la portée de tous l'histoire d'amphores, de timbres amphoriques et de commerce du vin, en commençant par les amphores dites canaanéennes /XV-XIV s./ et jusqu'aux amphores romaines tardives /V-VI s./. Il convient de souligner que le texte est illustré d'une manière abondante et excellente, et donne une idée par images du développement d'emballage céramique depuis les temps reculés jusqu'à la fin du monde antique. D'une grande valeur est la démonstration convainquante des liaisons entre les timbres grecs et orientaux. Il semble que la question ainsi posée pourra servir à l'explication des problèmes cardinaux encore irrésolus comme surtout celui du but de timbrage.

On peut se plaindre seulement que V.Grace se limita en général à la collection de l'Agora d'Athènes (bien qu'elle se servit

HAT

aussi d'autre matériel) et par conséquent excepta les amphores des centres pontiques (Sinope, Héraclée, Chersonnèse) qui sont très rares à Athènes ou bien font complètement défaut. Une perspective de l'ouvrage serait beaucoup plus juste si compte était tenu d'eux, et eût gagné un avantage indubitable.

Une autre brochure de vulgarisation sur timbres grecs sur amphores et matériaux de construction a été donnée par ~~Zest~~ Z. Sztetylko/44/

L'auteur présente, dans une forme concise, les informations sur les objets timbrés, sur la technique et caractère du timbrage.

Un chapitre est intitulé : "Histoire des recherches sur timbres".

Il faut tout de même remarquer que l'auteur se contenta en effet de l'énumération, et de beaucoup incomplète, des noms de savants de différents pays, sans qu'il eût réussi d'écrire l'histoire du développement de l'épigraphie céramique.

Suivent les informations sur les emblèmes des timbres, sur les inscriptions, les formes des sceaux, ainsi qu'une courte description des timbres provenant des centres différents de production.

Une question survient avant toutes: à qui la brochure de Sztetylko est-elle adressée? A en juger d'après les informations généralement connues qu'elle contient, elle est manifestement écrite pour le grand public, étant donné que le spécialiste, même des connaissances très superficielles, n'y trouvera rien de nouveau.

D'autre part, le tirage /seulement 700 exemplaires/ et la façon d'exposer, qui est loin de vulgarisation, semblent exclure la destination de l'ouvrage au lecteur non-averti. Le livre est donc sans "adresse".

Z. Sztetylko a consacré une étude spéciale à l'histoire du développement de l'épigraphie céramique en Russie et en USRR /45/, en rendant se qui est dû à l'apport des savants russes et soviétiques aux problèmes nombreux de l'épigraphie céramique. Une attention

particulière a été donnée à la période initiale des recherches archéologiques au Nord de la Mer Noire et aux premières trouvailles des timbres ainsi qu'aux travaux sur les timbres de Chersonnèse. L'auteur a critiqué justement les premières publications des timbres, qui contiennent parfois des jugements assez naïfs, du point de vue de notre temps. Elle passa pourtant sous silence les éditions de P.V.Bekker, exemplaires pour son époque, qui était incontestablement le plus éminent spécialiste de l'épigraphie céramique en Europe au milieu du XIX siècle, et aussi celles de L.Stefani, membre de l'Académie.

Aussi, le plus grand spécialiste russe et soviétique dans ce domaine, E.M.Pridik, "n'a pas eu de chance" - son activité est restée à l'ombre. En revanche, les recherches sur les timbres de Chersonnèse ont reçues une attention disproportionnée.

Les travaux d'après la guerre sont relatés d'une façon très sommaire et partial; l'auteur se réfère souvent aux publications accidentielles et de second ordre, en passant sous silence les principales.

On ne comprend plus ce que l'auteur écrit sur les timbres d'Héraclée. Elle les croit, à ce qu'on peut juger, originaires de la péninsule Héracléa, en disant qu'ils "proviennent surtout des fouilles sur les péninsules d'Héraclée et de Taman" et en les rangeant parmi les timbres de provenance locale, de la côte Nord de la Mer. Elle se réfère à B.N.Grakov et I.B.Zeest.

Il est bien connu que ce même Grakov, et après lui la majorité écrasante de savants russes et étrangers, considèrent ces timbres comme provenant d'Héraclée Pontica, sur la côte Nord de l'Asie Mineure, à l'emplacement de la ville turque moderne d'Eregli.

L'article de Sztetylko contient aussi des erreurs de fait: des noms, des dates etc. y sont corrompus.

Ce sont les résultats principaux des recherches à l'étranger sur l'épigraphie céramique grecque pendant les 5 dernières années.

Il y a des succès grands et indubitables, mais aussi des travaux manqués. En tout et malgré tout, le développement de cette discipline spéciale est sensiblement avancé, comme nous l'essayions de montrer.

Un trait caractéristique de ce développement: dans les différents pays il suit les mêmes directions. Les chercheurs étrangers font grand usage des résultats acquis par ses collègues soviétiques, ainsi que ceux-ci profitent des résultats obtenus à l'étranger. Les recherches se poursuivent en coopération étroite. Les savants arrivent indépendamment aux mêmes conclusions, ce qui garantit une grande objectivité et vraisemblance. Dans cette coopération féconde l'avenir de l'épigraphie céramique et ses succès futurs sont assurés.

N O T E S

- 1/I.B.Vrašinski, Les succès de l'épigraphie céramique /en russe/, Sov.Arch. 1961, 2, pp.293-306.
- 2/Les travaux des chercheurs soviétiques sont discutés dans l'article "Le développement de l'épigraphie céramique grecque en l'URSS" qui va être publié dans BCH. L'article de Y.S.Kruškol "Les amphores timbrées et leur étude en URSS"/Klio 43, 1963/ ne représente pas ce développement d'une façon adéquate. Il est tout à fait superficiel, incomplet, et contient beaucoup de jugements erronés qui ne sont pas partagés par la majorité des chercheurs soviétiques, ainsi que les erreurs matérielles. L'article de Kruškol ne peut que désorienter le lecteur non averti et n'est pas pour cela recommandable.
- 3/BCH 86, 1962, pp.510-16.
- 4/E.I.Levi, Le complexe céramique du III-II s.av.n.e. trouvé dans les fouilles de l'Agora d'Olbie /en russe/, dans: Olbie.Téménos et l'Agora, Moscou 1964, pp.228 sq.
- 5/L.A.Yelnitski, Les nouvelles épigraphiques de Kertch, VDI 1947, 3, p.2207 sq.; V.F.Gaïdukevič, Fouilles de Tiritaki et Mirmeki en 1946-52, MIA 85, 1958, p.171 sq, fig.25; I.B.Vrašinski, Succès de l'épigraphie céramique, p.299 /tous en russe/.
- 6/Anna Sadurska, Timbres amphoriques de Mirmeki /en français/ dans: Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes, Berlin 1961, p.109 sq.
- 7/I.B.Vrašinski, Liaisons économiques de Sinope en IV-II s. av.n.e. /en russe/, dans: Ville antique, Moscou 1963, p.136.
- 8/Id., Amphores provenant des fouilles du tombeau de Yelizavetin en 1959, Sov.Arch.1961, 3, p.179 sq; Id., Les timbres céramiques d'Héracléa Pontica, NE V, 1965, p.9 sq./en russe/
- 9/Zofia Sztetyllo, Les représentations figurées ~~sur~~ sur les anses timbrées d'amphores grecques /en polonais/, Eos XXX, 1964, p.249. Un article sous même titre a été publié dans Rocznik Muz.Nar.,

- Varsovie 1963, pp. 185-209, qui reste pour moi malheureusement inaccessible.
- 10/BCH 1964, pp. 486-95.
- 11/REA 62, 1960, p. 17 sq
- 12/Die Handelsbeziehungen von Seuthopolis, Acta Antiqua Philippopolitana, Studia Archeologica, Serdicae 1963, pp. 49-58.
- 13/Jusqu'à présent des preuves isolées seulement d'importation à l'intérieur de la Thrace des marchandises grecques en amphores ont été reconnues : D. Dečev, Inscriptions antiques. Madara I, Sofia 1954, p. 166 sq; V. Dremsizova, V. Antonova, Contribution à la plus ancienne histoire de Sumen et du plateau de Sumen. Sumen-Kolarovgrad, Recueil des articles et matériaux sur le passé de la ville, I, Kolarovgrad 1960 /en bulgare/.
- 14/M. Mirčev, Les timbres amphoriques au musée de Varna /en bulg./, IVAD XIV, 1963, pp. 35-37.
- 15/A. Balkanska, Autour du problème des timbres amphoriques circulaires /en bulg./, IVAD XIV, 1963, pp. 35-37
- 16/Vrašiniski, Les succès, p. 295.
- 17/Balkanska, Liaisons commerciales entre Odessos et Panticapée à l'époque hellénistique /en bulg./, Mélanges Karel Škorpil, Sofia 1961, pp. 323-27.
- 18/Vrašiniski, Succès, p. 298 sq. L.A. Yelnitski vient d'essayer encore
 XX/une fois d'isoler les timbres de Bosphore /Sur les inscriptions grecques peu étudiées ou perdues du Nord de la Mer Noire, VDI 1961, 1, p. 110 sq, en russe/ mais ses déductions ne peuvent à mon avis être considérées ~~comme~~ suffisamment convaincantes. Plus de détails sur cet article dans BCH, à paraître.
- 19/I. B. Zeest, Emballages céramiques du Bosphore /en russe/, MIA 83, 1960, 94 sq.

20/Hesperia 1963, p. 319 sq.

21/Zeest, Emballages, p. 102, fig. 5 /p. 79/.

22/Hesperia 1962, pp. 26-61

23/Hesperia 1964, pp. 69-75

24/Trans. Amer. Phil. Soc. 55, 1965, p. 5 sq.

25/H. Dunscombe, Colt, Excavations at Nessana, Report I, London 1962, p. 111

113. Cette contribution ~~n'est~~ ne m'est connue que par une note accompagnant l'article cité de Grace.

26/E. Bujor, Depositul de anfore de la Islam Geaferca, Dacia VI, 1962, p. 475 sq.

27/Vrasinski, Les timbres céramiques d'Héraclée Pontique /en russe/, p. 9.

28/Makaronas, Arch. Deltion 1960 /paru 1962/, 82, fig. 79-80. Connue par Robert, Bull. épigr. REG 1963, 123, n° 19.

29/Hesperia 1956, p. 168.

30/Vrasinski, Succès, p. 269, fig. 1, 2.

31/Deltion 16, p. 82, tabl. 71-73; plusieurs ont été publiés dans les Chroniques des fouilles de BCH.

32/Yearbook of Amer. Philos. Soc. 1959, pp. 472, 77; 1964, pp. 518-522.

33/Zofia Sztetyklo, Les anses timbrées d'amphores grecques des fouilles de Mirmeki en 1956-58 /en polonais/, Meander XV, 1960, pp. 382-92.

34/Id., Stamped Handles from Polish Excavations in Tell Atrib 1957-61, Eos LIII, 2, 1963, pp. 335-340.

35/M. Mirčev, G. Tončeva, D. Dimitrov, Bizone-Karvuna, IVAD XIII, 1962, p. 37 sq., pl. I-II.

36/G. Tončeva par un malentendu le nomme Aristoklès, et pour analogie aux timbres du fabricant Aristocrate cite ceux de l'éponyme Aristoklès.

37/Les flacons hellénistiques aux médicaments /en russe/, Sov. Arch. 1966, I, p. 193 sq.

- 38/Les timbres amphoriques récemment découverts à Varna /en bulg./
Archeologia IV,4, Sofia 1962, pp.61-65.
- 39/Apollonia /en bulg./, Sofia 1963, p.260 sq.-chapître de T.Ivanov
- 40/Revue Biblique 1963,4,p.557,n°16.
- 41/Cf.R.B.Achmerov, Sur les timbres d'astynomes du Chersonnèse
héliénistique /en russe/, VDI 1949,4,p.106,n°4,pl.I,4;
p.110,pl.IV,15.
- 42/Cf.M.I.Maksimova, Les villes antiques du Sud-Est pontique
/en russe/, Moscou 1956, p.14 sq, 81 sq.
- 43/Excavations of the Athenian Agora. Picture Book 6, Princeton 1961
- 44/Timbres d'amphores et de matériaux céramiques de construction
grecs, Varsovie 1962 /en polonais/
- 45/Recherches sur les anses timbrées d'amphores grecques dans
la littérature russe et soviétique /en polonais/ Meander XVI,
1961, pp.250-265.

BRASHINSKY

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

Brashinsky, "Stamp found at Pelka"
transl. by Maria Louise Bernhart

(13.11.67

MST is copy
is being translated
by somebody on staff
at Moscow - not good)

4

МОСКВА • 1966

[9.01]

[10.01]

Bernhart

Pelka

15.11.67

s dans les fouil
é mentionnés dans
ger sur l'épi-
écrit, la publi-
/m'étant inaccess
e de J. et L.

s.

s, j'ai pu prendre
7-60 et aussi de
1963 /4/.

aussi de V. Grace.
nt quelques in-
n'est pas juste
ions de Makaronas
eurs jugements

r Makaronas
pposition que
lés jusqu'à
angers "pontiques"
sous ce terme
ont été reconnus

comme me le fait

remarquer V. Grace par sa lettre du 18.IV.66/ sur une constata-
tion injustifiée de Sztetylko /6/. Je me suis déjà prononcé en
cette matière /7/. Il faut donc conclure qu'il n'y a point

BRASHINSKY

19

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

[9.01]

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

Brashinsky, "Stamp found at Pelka"
transl. by Maria Louise Brashinsky

(13.11.67
MST is copy
is being translated
by somebody on staff
at Moscow - not good)

With my compliments
and best wishes
J.B.

ОБ АМФОРНЫХ КЛЕЙМАХ ИЗ ПЕЛЛЫ

В статье «Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике»¹ мною было уделено внимание чрезвычайно интересным керамическим клеймам, найденным при раскопках столицы македонских царей Пеллы (стр. 377). Однако в то время, когда я писал эту статью (как указано в примеч. 28), мне была недоступна публикация материалов о раскопках Пеллы Х. Макаронаса² и сведения о найденных там клеймах я почерпнул из известного «эпиграфического бюллетеня» Ж. и Л. Роберов³. Теперь я получил возможность, благодаря любезности Х. Макаронаса, познакомиться не только с его предварительной публикацией о раскопках Пеллы 1957—1960 гг., но также и с краткими отчетами о раскопках 1961 и 1963 гг.⁴. Получил я также некоторые разъяснения относительно клейм из Пеллы от В. Грейса. Эти материалы показали, что в мою статью в связи с не совсем верным освещением ряда фактов Ж. и Л. Роберами вкрались некоторые неточности, а кроме того, выяснилось, что не со всеми определениями, данными в публикации Х. Макаронаса можно согласиться, и поэтому не все мои суждения были правильными.

Прежде всего это относится к клеймам, отнесенным в публикации Х. Макаронаса к группе «боспорских» («du Bosphore»). В своей статье я высказал предположение, что речь здесь идет, по-видимому, о синопских клеймах, которые некоторыми зарубежными исследователями до сих пор иногда неправильно именуются «понтскими» или «боспорскими». Однако оказалось, что под «боспорскими» клеймами в названной публикации разумеются не синопские, а так называемые колесообразные. Ошибочное их определение в статье Х. Макаронаса основано, очевидно (это предполагает уверенно и В. Грейс в письме от 18.IV.1966), на неверном определении З. Штеттыло⁵, о чем мне в свое время уже приходилось писать⁷. Таким образом,

¹ И. Б. Брашинский. Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике. СА, 1966, 2, стр. 332—340.

² «Arch. Deltion», 16, 1960/1962.

³ «Arch. Deltion», 16, 1960/1962.

⁴ «Arch. Deltion», 17, 1961, 1962, стр. 209 сл.; там же, 18, 1963, стр. 200 сл.

⁵ «Arch. Deltion», 17, 1961, 1962, стр. 209 сл.; там же, 18, 1963, стр. 200 сл.

⁶ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, 2, стр. 294 сл.

⁷ Z. Sztetyło. Stemplowanie amfor greckich. «Kwartalnik historii kultury materialnej», VI, 3, 1958, стр. 467, рис. 2, а.

⁸ И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 294, примеч. 14.

следует прийти к выводу, что на самом деле ни о каких понтийских (в том числе и синопских) клеймах в статье Х. Макаронаса речи не было. Находка же определенного числа колесообразных клейм в Пелле, где преобладают фасосские клейма, вполне закономерна.

Однако высказанные в моей статье предположения о понтийско-македонских экономических связях остаются в силе не только ввиду находок клейм «группы Пармениска» (о них — ниже) в Причерноморье, но и благодаря тому, что теперь в Пелле засвидетельствованы и находки амфорных клейм Синоп. Впервые синопское клеймо в Пелле было найдено в 1963 г. См. об этом у Макаронаса⁸.

Что касается клейм «группы Пармениска», то в 1957—1960 гг. в Пелле было найдено 149 клейм не самого Пармениска (как я писал вслед за Ж. и Л. Роберами), а «группы Пармениска» с различными именами. К настоящему времени число их еще более увеличилось, причем ряд имен встречается и на клеймах этой группы из Северного Причерноморья. Вопрос о месте происхождения амфор с этими клеймами пока еще не нашел определенного решения. Однако высказанное мною предположение об их местном македонском (пелльском?) происхождении сохраняет силу и находит косвенное подтверждение в факте широкого распространения клеймения черепиц в Пелле. Вместе с тем, не следует исключать и возможности того, что клейма «группы Пармениска» происходят из какого-то неизвестного нам приморского центра южнофракийского побережья, с которым Македония была тесно связана. Следует отметить, что пока не зафиксировано совпадений имен в клеймах на пелльских черепицах и амфорах.

Публикация и дальнейшее изучение керамических клейм из Пеллы (которые готовятся к изданию г-жей Петропулаку (Савватиану)), несомненно, приведут к весьма интересным выводам, которые будут иметь важное значение и для советских исследователей.

И. Б. Брашинский

⁸ «Arch. Deltion», 18, 1963, стр. 201, примеч. 5.

Печатное
Printed matter
ЕНТУПА

[9.02]

УНИВЕРСИТЕТ

Miss Virginia R. Grace

American School of Classical Studies
Agora Excavations

Athens

Greece - Греция - Ελλάδα

Евр. И.Б. Брагинский
СССР. Ленинград. Д-44
Дворовая п. 18
Институт археологии АН СССР

Translaté par Marie Louise Beauchard
Reçu pour lui (p. Poland)
Attesté 15.XI.67

V
Vrasinski

Sur les timbres amphoriques de Pella.

/Sovetskaia Archeologia 1966,4,pp.229-30/

Les timbres d'un intérêt extraordinaire, trouvés dans les fouilles de la capitale des rois macédoniens, ont été mentionnés dans mon article "Les recherches nouvelles à l'étranger sur l'épigraphie céramique"⁽¹⁾. Seulement, quand je l'avais écrit, la publication de trouvailles de Pella par Makaronas /2/ n'étant inaccessible, je me suis servi du Bulletin épigraphique de J. et L.

Robert /3/ pour les informations sur les timbres.

Maintenant, grâce à l'obligeance de Ch. Makaronas, j'ai pu prendre connaissance de sa publication des fouilles 1957-60 et aussi de ses courtes notices sur les fouilles de 1961 et 1963 /4/.

Quelques éclaircissements ~~me~~ me sont parvenues aussi de V. Grace. Ces matériaux ont montré que mon article contient quelques inexactitudes dues au compte-rendu de Robert qui n'est pas juste sur plusieurs points. De plus, quelques conclusions de Makaronas m'ont paru discutables. Par conséquent, plusieurs jugements que j'ai exprimé ne se trouvent pas justes.

Surtout, cela concerne les timbres qualifiés par Makaronas "du Bosphore". Dans mon article, j'exprime la supposition que ce sont en réalité les timbres de Sinope, appelés jusqu'à présent incorrectement par certains savants étrangers "pontiques" ou "du Bosphore". Pourtant, Makaronas comprend sous ce terme les timbres ^{dits} circulaires, qui depuis longtemps ont été reconnus par la plupart de savants comme thasiens /5/.

Leur attribution erronée se fonde évidemment /comme me le fait remarquer V. Grace par sa lettre du 18.IV.66/ sur une constatation injustifiée de Sztetylko /6/. Je me suis déjà prononcé en cette matière /7/. Il faut donc conclure qu'il n'y a point

p. 330
230

question chez Makaronas d'aucuns timbres pontiques /les timbres de Sinope inclus/. Les trouvailles d'un certain nombre de timbres circulaires ~~sont~~ ^{sont} tout à fait normales à Pella, où les timbres de Thasos forment la majorité.

Pourtant, l'existence des contacts économiques pontiques-macédoniens postulée dans mon article, reste pleinement démontrable et pas seulement par les timbres du groupe de Parmeniskos sur la Mer Noire, mais aussi par les trouvailles toutes dernières des vrais timbres de Sinope à Pella. Le premier timbre de Sinope y était trouvé en 1963 /8/.

Quant aux timbres de "groupe de Parmeniskos", en 1957-60 on en a trouvé 149, non point de Parmeniskos même /comme je l'ai écrit d'après le compte-rendu de Robert/ mais de son groupe, avec plusieurs noms. A présent leur nombre s'est encore agrandi, et plusieurs sont à rencontrer aussi sur les timbres trouvés sur la Mer Noire.

Le problème de leur provenance n'est pas encore résolu. Pourtant, ma suggestion de leur provenance locale de Macédoine /Pella ?/ conserve sa valeur et se trouve confirmée par les cas nombreux du timbrage des tuiles de Pella. Il n'est donc pas possible d'exclure que les timbres du groupe de Parmeniskos proviennent de quelque centre côtier inconnu de la Thrace du Sud, lié étroitement avec la Macédoine. Il faut souligner qu'on a pas retrouvé jusqu'alors les mêmes noms sur les timbres de tuiles de Pella et les amphores.

La publication et l'étude des timbres de Pella /qui sont préparées à l'édition par Mme Petropoulakou /Savvatianou/, doivent parvenir aux résultats très intéressants et d'une grande importance pour les chercheurs soviétiques.

NOTES

1) le renvoi à l'article précédent

2/Arch.Deltion 16,1960/62

3/REG 75,1963,n°19,p.123

4/Arch.Deltion 17,1961,1962,p.209; 18,1963,p.200

5/Vrasinski, Succès, Sov.Arch.1961,2,p.294

6/Le timbrage d'amphores grecques /en polonais/Kwartalnik HKM,VI,3,
1958,p.467,fig.2a

7/Op.cit.,p.294,note 14.

8/Cf.Makaronas,Deltion 18,1963,p.201,n°5

BLACK SEA AREA - USSR:
BRASHINSKI: ARTICLES, TRANSLATIONS
1966-1969

213